

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ГАРМОНИЗАЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
ПО ИННОВАЦИЯМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Минск, 20 апреля 2022 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2022

ISBN 978-985-881-416-8

© БГУ, 2022

УДК 327(4/5)(06)+339.924(4/5)(06)
ББК 66.4(051)я431+65.54(051)я431

Редакционная коллегия:

директор Центра международных исследований *О. Н. Лешенюк* (гл. ред.);
доктор философских наук, профессор *А. М. Байчоров*;
доктор исторических наук, профессор *А. В. Русакович*

Рецензент

кандидат политических наук *А. С. Бояшов*

Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве [Электронный ресурс] : материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед., Минск, 20 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: *О. Н. Лешенюк* (гл. ред.), *А. М. Байчоров*, *А. В. Русакович*. – Минск : БГУ, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-416-8.

Представлены материалы международного круглого стола по инновациям в международных исследованиях, организованного Центром международных исследований – участником форума Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – 20 апреля 2022 г. Изложены политические, экономические, интеграционные и другие вопросы, связанные с процессами, происходящими на евразийском пространстве.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10; Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word.

В авторской редакции

Ответственные за выпуск *И. В. Протченко, Д. В. Махнач, Р. И. Франтищук*

Подписано к использованию 15.06.2022. Объем 1,0 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск. Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by. <http://elib.bsu.by/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авласенко И. М.</i> ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 2022 Г.....	4
<i>Бояшов А. С.</i> ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР СОДРУЖЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРИВАТИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.....	10
<i>Ливиндюк О. В., Свилас С. Ф.</i> ВЛИЯНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И КИТАЕМ.....	21
<i>Кенжебеков А. К.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР.....	27
<i>Лю Сянцзянь</i> РОЛЬ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ШОС В СОПРЯЖЕНИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» С ЕВРАЗИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ (2015–2021 ГГ.).....	32
<i>Мазулина А. Н.</i> РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ.....	40
<i>Малевич Ю. И.</i> ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ ОПОП В ТАДЖИКИСТАНЕ. ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ.....	46
<i>Маркевич А. И.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ... ..	52
<i>Махнач Д. В.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЦИФРОВОЙ ПОВЕСТКИ ЕАЭС.....	58
<i>Михалёва Т. Н.</i> ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОПРЯЖЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ С УЧАСТИЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	64
<i>Русакович А. В.</i> СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.. ..	71
<i>Слепцова В. М.</i> БОРЬБА С НАСИЛИЕМ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В СТРАНАХ – УЧАСТНИЦАХ ЕАЭС.....	77
<i>Сокол В. А., Свилас С. Ф.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ.....	82
<i>Станкевич Ю. В., Свилас С. Ф.</i> ГЕРМАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ».....	88
<i>Тарарышкина Л. И.</i> РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	94
<i>Цариков Е. С., Свилас С. Ф.</i> О РОССИЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ В СИРИИ (2015–2021 ГГ.).....	101

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 2022 Г.

И. М. Авласенко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, AvlasenkIM@bsu.by*

Статья посвящена перспективам развития постсоветского пространства и евразийской интеграции после начала российско-украинского вооружённого конфликта в феврале 2022 г. Определены основные вызовы для Республики Беларусь, указаны ключевые факторы, влияющие на их остроту. Перечислены белорусские предложения по преодолению кризисных явлений и укреплению интеграции в рамках Евразийского экономического союза. Высказана гипотеза о том, что российско-украинский конфликт окончательно оформит «разлом» постсоветского пространства и создаст в его рамках новую картину сфер влияния и субрегиональных блоков на ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; постсоветское пространство; интеграционное объединение; российско-украинский конфликт; Республика Беларусь.*

EURASIAN INTEGRATION IN NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS OF 2022

I. M. Aulasenka

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the prospects for the development of the post-Soviet space and Eurasian integration after the start of the Russian-Ukrainian armed conflict in February 2022. The main challenges for the Republic of Belarus are identified, and the key factors affecting their severity are indicated. The Belarusian proposals for overcoming the crisis and strengthening integration within the framework of the Eurasian Economic Union are listed. It is hypothesized that the Russian-Ukrainian conflict will finally formalize the «fracture» of the post-Soviet space and create a new picture of spheres of influence and sub-regional blocs within it for the coming decades.

Keywords: *Eurasian Economic Union; integration association; post-Soviet space; Republic of Belarus; Russian-Ukrainian conflict.*

Российско-украинский вооружённый конфликт привёл к серьёзному изменению системы политических и экономических связей в Европе и уже в краткосрочной перспективе изменит их ещё больше вне зависимости от того, на каких условиях это противостояние завершится. В этой ситуации важно ответить на вопрос и постараться спрогнозировать, какое влияние окажет данный конфликт на развитие постсоветского пространства и его евразийского интеграционного ядра – ЕАЭС. Следует оговориться, что в силу незавершённости процессов на момент написания материала выводы носят предварительный харак-

тер и основываются на наиболее вероятных тенденциях. Автор исходит из того, что вооружённый конфликт может затянуться на достаточно длительное время и приведёт к значительным изменениям региональных экономических и политических связей.

По оценкам международных организаций, пакеты санкций, принятые в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь, окажут негативное воздействие на экономический рост обеих стран. По апрельским оценкам МВФ, объём ВВП России в 2022 г. сократится на 8,5 %, по оценкам Всемирного банка – на 11,2 % [1; 2]. В целом экономика «в регионе Европы и Центральной Азии» сократится на 4,1 %. Однако более точные оценки и реальные результаты будут зависеть от продолжительности вооружённого конфликта. Таким образом, российско-украинское противостояние может оказать серьёзное влияние на динамику развития Евразийского экономического союза. Снижение экономического роста в крупнейшей стране интеграционного объединения, которая является ведущим торговым партнёром для всех остальных стран – участниц организации, окажет негативное влияние на динамику экономического роста в ЕАЭС в целом.

Вместе с тем, Российская Федерация может столкнуться с рядом и других отрицательных явлений. Прежде всего, в ближайшее десятилетие экономические сложности в Российской Федерации могут усугубиться по причине их наложения на негативные демографические тренды. В 2020-е гг. ожидается усиление отрицательного характера демографической динамики в силу того, что в детородный возраст входит малочисленное поколение 1990-х гг. Помимо этого, высказывания (и, самое главное, решения), принятые руководством ведущих стран ЕС, показывают, что Евросоюз намерен отказаться от российских энергоносителей в течение ближайших лет, несмотря на все сложности и риски, связанные с этим. В начале мая Еврокомиссия предложила отказаться от российской нефти к 2023 г.; также ЕС намерен полностью отказаться от российского газа к 2027 г. [3] Этот процесс необратим и в силу объявленной ранее Брюсселем стратегической цели перехода на экологически чистые источники энергии. Однако российско-украинский вооружённый конфликт и резкое обострение политических отношений западных государств с Москвой лишь ускорили этот тренд. Пока негативная динамика компенсируется высокими ценами на энергоносители, вызванными шоком быстрой трансформации и переориентации торговых отношений, однако по мере привыкания мировых рынков к «новой нормальности» компенсационный эффект может снизиться.

Санкционное давление выявило ряд слабостей ЕАЭС. В частности, незавершённость формирования ряда общих рынков (прежде всего, энергетических). Кроме того, для всех стран объединения, не попавших под западные санкции, встала дилемма: участвовать ли в углублении интеграционных процессов с риском почувствовать санкционное давление? Этот вопрос стоит в настоящее время перед руководством Казахстана, Кыргызстана, Армении. Дилемма эта особенно остра в силу того, что у всех стран – членов ЕАЭС, за исключением Республики Беларусь, доля товарооборота с другими странами объединения составляет меньше 50 %. В целом уровень взаимной торговли между

членами блока остаётся невысоким, что обусловлено структурой экономики крупнейших экономик объединения – России, Казахстана и их ориентацией на экспорт сырьевой продукции в третьи страны. Доля оборота взаимной торговли во внешнеторговом обороте ЕАЭС в 2021 г. составила всего 14,6% (в 2020 г. – 14,9%), доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли Армении составила 35,3% (в 2020 г. – 34,2%), Беларуси – 50,6% (49,5%), Казахстана – 25,7% (23,6%), Кыргызстана – 47,4% (42,9%), России (самой крупной экономики объединения) – лишь 8,9% (9,3%) [4, с. 3].

Стремление сохранить инвестиционную привлекательность обуславливает сдержанное и осторожное отношение руководства Казахстана к выработке совместного ответа на санкции. В непростой ситуации оказался Узбекистан, руководство которого, с одной стороны, стремится углубить своё участие в отдельных евразийских интеграционных процессах и, с другой, не желает создавать для экономических субъектов риски попадания под вторичные западные санкции. Такая политика может дать толчок к ускорению экономического развития Средней Азии, а если Узбекистан в перспективе войдёт в ЕАЭС, то и к появлению нового инвестиционного «центральноазиатского» полюса в интеграционном объединении. Плюсом внутреннего развития этих двух республик является стабильный демографический рост и, следовательно, расширение внутреннего рынка.

Показательно, что обе страны не выказали ярко выраженной поддержки Москве в политических вопросах. Более того, в начале апреля глава МИД Республики Казахстан М. Тлеуберди указал на то, что его страна не признает Донецкую и Луганскую народные республики [5]. Таким образом, руководство Казахстана, несмотря на волнения и беспорядки, произошедшие в начале 2022 г., стремится избежать санкций и поддержать имидж страны, привлекательной для инвестиций и иностранного бизнеса. Аналогичное заявление в середине марта сделал и глава внешнеполитического ведомства Узбекистана [6].

По причине ослабления экономических связей России с западным миром ожидается усиление влияния, как политического, так и экономического, со стороны других крупных игроков. Прежде всего, будет усиливаться экономическое влияние Китая на постсоветском пространстве. В условиях «заморозки» экономических отношений РФ и стран Запада Москва будет искать импортную замену той западной высокотехнологичной продукции, доступ к которой был потерян в результате санкций. Усиление китайского влияния ожидается не только в Российской Федерации, но и в других странах постсоветского пространства. Прежде всего, это касается небольших центральноазиатских государств, которые ещё в предыдущее десятилетие попали в финансовую зависимость от Пекина. Так, задолженность Кыргызстана перед КНР составляет 30 % ВВП, Таджикистана – 24 % (не считая «скрытого» долга) [7, с. 110, 112].

Другим государством, которое может получить «дивиденды» от фазы напряжённости между Россией и странами Запада, является Турция. В условиях «замораживания» транспортных коридоров между Россией и странами Евросоюза возрастает именно роль Турции как канала, через который будет реализовываться китайская инициатива «Один пояс, один путь». Более того, наверняка

Турция будет стремиться дополнить рост экономического влияния попыткой усиления политического. Это уже очевидно на примере неоднократных попыток сыграть роль организатора встречи между президентами России и Украины. Помимо этого, в силу стратегических союзнических отношений между Турцией и Азербайджаном Турция будет стремиться играть роль страны – гаранта в окончательном урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе.

Таким образом, протекающий ныне российско-украинский вооружённый конфликт, в зависимости от экономических последствий для прямых и косвенных его участников, может привести не только к консолидации евразийского «ядра», но и к окончательному оформлению «разлома» постсоветского пространства, который начался ещё в 1990-е гг., что будет означать некоторое ослабление влияния Москвы на другие страны региона параллельно с усилением влияния таких внешних игроков, как Турция и Китай.

В этих условиях ЕАЭС ожидает период весьма непростой и, возможно, болезненной трансформации в первой половине 2020-х гг. Результат этого процесса зависит от общности взглядов руководства стран – участниц объединения на пути выхода из кризиса, глубины влияния кризиса на экономики государств – членов, трендов общественного мнения и др.

Такое развитие ситуации на постсоветском пространстве представляет особую сложность для Республики Беларусь, поскольку одновременно складывается целый ряд факторов, негативно влияющих на перспективы экономического роста:

- во-первых, это нарастание санкционного давления и отказ от прямого диалога с Минском со стороны Евросоюза о перспективах нормализации политических и экономических отношений;

- во-вторых, это всё более вероятное «сжатие» экономики Российской Федерации – ключевого торгового партнёра Беларуси;

- в-третьих, это сложности с компенсацией первых двух факторов через торговлю со странами так называемой «дальней дуги» в силу большого логистического плеча.

В этих условиях руководство Республики Беларусь поддерживает путь на укрепление самостоятельности и самодостаточности Евразийского экономического союза, прежде всего, в информационной и научно-технологической сферах, что позволит сформировать производственные цепочки, менее зависимые от внешних шоков. Глава белорусского правительства Р. А. Головченко, выступая на пленарном заседании Евразийского экономического форума 26 мая 2022 г., заявил, что «западные санкции преследуют цель замедлить технологическое развитие ЕАЭС» [8]. Председатель Евразийской экономической комиссии М. В. Мясникович в ответ выступил с инициативой разработать «программу высокотехнологической независимости Евразийского экономического союза» [9].

Белорусские предложения, озвученные на заседаниях Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета, Евразийского экономического форума в первой половине 2022 г., сводились к следующим направлениям: ускорить процесс формирования общих рынков в

ЕАЭС (прежде всего, энергетических); повысить научно-технологическую самодостаточность и независимость ЕАЭС; выработать совместный ответ стран – участниц ЕАЭС на западные санкции в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь.

Вместе с тем, объективные тенденции показывают, что даже начальный период трансформации Евразийского экономического союза будет достаточно болезненным, а также будет сопровождаться переориентацией импорта высокотехнологичной продукции из стран Запада на импорт с альтернативных рынков, например, из Китая. На выстраивание новых производственных цепочек, целиком замкнутых на пространстве ЕАЭС, может уйти минимум несколько лет. В такой ситуации перспектива нормализации экономического роста Республики Беларусь зависит от характера и скорости решения следующих ключевых проблемных комплексов:

- разработки на пространстве ЕАЭС собственных аналогов высокотехнологических продуктов, доступ к которым придётся утратить в связи с западными санкциями;
- восстановления нормальных экономических взаимоотношений между западными странами, с одной стороны, и Россией и Беларусью – с другой;
- восстановления диалога по вопросам европейской безопасности и мер доверия.

Пока продолжается российско-украинский вооружённый конфликт, рассчитывать на успешное решение обозначенных вопросов не приходится. Более того, продолжительность конфликта будет прямо влиять на глубину этих проблем. Тем не менее, с течением времени весьма вероятно установление военного «равновесия» в ходе конфликта, которое приведёт стороны к необходимости мирных переговоров, а в перспективе – переговоров о новой архитектуре экономических и военно-политических отношений в Европе. Тем не менее, очевидно, что в результате текущего конфликта «разлом» постсоветского пространства принял уже необратимый характер, который создаст новую картину сфер влияния и региональных блоков на постсоветском пространстве на ближайшие десятилетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. МВФ ожидает падения ВВП России в 2022 году на 8,5% // Interfax. [Электронный ресурс]. 19.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/835734> (дата обращения: 27.05.2022).
2. Всемирный банк спрогнозировал падение ВВП Украины на 45,1% и России – на 11,2% // Forbes. [Электронный ресурс]. 11.04.2022. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/462007-vsemirnyj-bank-sprognoziroval-padenie-vvp-ukrainy-na-45-1-i-rossii-na-11-2> (дата обращения: 27.05.2022).
3. Евросоюз хочет отказаться от российских энергоносителей к 2027 году // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. 28.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5281665> (дата обращения: 27.05.2022).
4. О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза (январь – декабрь 2021 года) // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202112.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

5. Казахстан заявил, что не признает независимость Донбасса // Московский комсомолец. [Электронный ресурс]. 05.04.2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/04/05/kazakhstan-zayavil-cto-ne-priznaet-nezavisimost-donbassa.html> (дата обращения: 27.05.2022).
6. Узбекистан отказался признать ДНР и ЛНР // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. 17.03.2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/03/17/uzb_ua/ (дата обращения: 27.05.2022).
7. Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects (September 29, 2021) // AidData. [Electronic resource]. URL: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Banking_on_the_Belt_and_Road__Insights_from_a_new_global_dataset_of_13427_Chinese_development_projects.pdf (дата обращения: 27.05.2022).
8. Головченко: западные санкции преследуют цель замедлить технологическое развитие ЕАЭС // БелТА. [Электронный ресурс]. 26.05.2022. URL: <https://www.belta.by/economics/view/golovchenko-zapadnye-sanktsii-presledujut-tsel-zamedlit-tehnologicheskoe-razvitie-eaes-504222-2022/> (дата обращения: 27.05.2022)
9. Мясникович предложил разработать программу высокотехнологической независимости ЕАЭС // БелТА. [Электронный ресурс]. 26.05.2022. URL: <https://www.belta.by/economics/view/mjasnikovich-predlozhit-razrabotat-programmu-vysokotehnologicheskoy-nezavisimosti-eaes-504223-2022/> (дата обращения: 27.05.2022).

ИНСТРУМЕНТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР СОДРУЖЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРИВАТИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. С. Бояшов

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anatoliy.boyashov@gmail.com

Рассматривая международные организации в качестве сложных сетевых структур, автор статьи изучает перераспределение сетевых связей в Совете Организации Объединенных Наций по правам человека (СПЧ ООН) в ходе политизации гуманитарного сотрудничества. Учрежденные по инициативе западных государств страновые механизмы Совета ООН по правам человека содействуют этой политизации, причем в наиболее крайней форме – приватизации. Стороннее финансирование страновых специальных процедур СПЧ ООН привело к установлению контроля над отчетами экспертов через транснациональные корпорации и крупные международные фонды. В статье автор изучает механизмы такого контроля и представляет рекомендации по противодействию политизации гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: *политизация; приватизация; системы ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС; права человека.*

TOOLS OF INTEGRATION STRUCTURES OF THE COMMONWEALTH TO COUNTER THE PRIVATIZATION OF HUMANITARIAN COOPERATION

A. S. Boyashov

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Considering international organizations as complex network structures, the author of the article studies the redistribution of network connections in the United Nations Human Rights Council (UNHRC) during the politicization of humanitarian cooperation. The country mechanisms of the UN Human Rights Council, established on the initiative of Western states, contribute to this politicization, and in the most extreme form – privatization. Third-party financing of the UN HRC insurance special procedures has led to the establishment of control over expert reports through transnational corporations and large international funds. In the article, the author studies the mechanisms of such control and presents recommendations on countering the politicization of humanitarian cooperation.

Keywords: *politicization; privatization; UN, CIS, CSTO, EAEU systems; human rights.*

Введение. Еще в 2021 г. политизация гуманитарного сотрудничества с Беларусью со стороны западных государств достигла запредельных высот. Любое из действий Беларуси трактовалось западными государствами в качестве

якобы «угрозы», как минимум, «демократии», как максимум – «миру и безопасности». Поводом к политизации служили не только внутренние решения (например, проверка минирования самолета западной компании на территории Беларуси в мае 2021 г.). Политизации подвергалось и многостороннее сотрудничество: грубое отношение к мигрантам со стороны европейских стран эти же страны представили в Совете Безопасности ООН как якобы «гибридное оружие» [1]. Даже внешние, по-видимому, мало связанные с Беларусью события – типа захвата американского парламента сторонниками Дональда Трампа в январе 2021 г. – непременно трактовались в стиле «русский стоит за дверью», что ощущали на себе белорусы за рубежом [2]. «Плюралистическая однополярность», другими словами, доминирование США в мировой политике, объясняет, что Беларусь – среднее государство с экспортоориентированной экономикой, активный участник Движения неприсоединения и Группы единомышленников – представляет собой не «исключение», а «правило». Аналогичные ситуации в других частях света, например, грубое давление на внутренние электоральные процессы в Мьянме, Венесуэле, Камеруне, могли бы обнадеживать, если бы не одно «но»: использование США и союзниками любого предлога для милитаризации региона Содружества Независимых Государств.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить инструменты евразийских интеграционных объединений по противодействию политизации (и приватизации как ее крайней формы) гуманитарного сотрудничества. Последние несколько лет показывают, что учрежденные в качестве универсальных механизмов многие международные организации стали де-факто инструментами западных государств и корпораций.

Политизация гуманитарного сотрудничества. В июле 2021 г. на сессии Совета ООН по правам человека по инициативе Республики Беларусь прошло мероприятие [3] на тему «Права человека на Западе: отсутствие международного контроля и реакции на нарушения прав человека». Дискуссии сосредоточились на недостаточном реагировании международных структур на систематические нарушения прав человека в странах западноевропейской группы. Красной нитью всего мероприятия шла тема высокой политизированности прав человека. По заявлению А. Савиных, за продвижением прав человека Западом вообще скрывается «вооруженный инструмент контроля общества» [4]. Дальнейшие события Совета ООН по правам человека лишь подтвердили эту идею: четыре дня спустя западные государства проголосовали за антибелорусскую резолюцию СПЧ ООН, осудив «ситуацию в области прав человека в Беларуси» [5]. Из года в год по инициативе США и стран Евросоюза Совет ООН по правам человека принимает одну и ту же антибелорусскую резолюцию. Ни ее название, ни наполнение, ни процедура подготовки – ничего не меняется. Каждый год резолюция не получает консенсуса: из 47 членов СПЧ ООН за нее традиционно голосует лишь группа JUSCANZ, составляющая около 50% членов Совета (США, Евросоюз и ассоциированные страны).

Ежегодно резолюция продлевает мандат Специального докладчика, от которого ожидают доклад о ситуации в Беларуси. Из года в год, не имея возможности посетить Беларусь, Специальный докладчик делает свои доклады,

основываясь на компиляции одних и тех же западных информационных ресурсов. В докладах Спецдокладчика можно найти множество западных политических клише, например, противопоставление государства обществу через так называемый «режим». Через это слово ставится знак равенства между сложной государственной системой и любой НКО, основанной за рубежом и публикующей свои политические декларации. В доклады Спецдокладчика даже «вброшена» квазинаучная теория о «цикличности нарушений прав человека»: мол, «плохая» ситуация в Беларуси вызвана проведением выборов, а если «сменить режим», то ситуация выровняется. Странно найти такой простой политический лозунг в докладе, претендующем на объективность: этот лозунг опровергают многие цветные революции – никакого «выравнивания» не происходит, вместо этого – разгул бандитизма и подчинение общества криминальным кланам. Но об этих резолюциях уже подробно написано на «Евразии.Эксперт» [6, 7, 8].

С количественной точки зрения, ежегодные резолюции отличаются градусом политизации – из года в год эта политизация повышается. Если изначально доклады готовились лишь Спецдокладчиком, то постепенно к подготовке докладов было подключено Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ), а также спонсируемые западными государствами неправительственные организации. За недавние полтора года осуждение ситуации в Беларуси было «поднято» с уровня докладов западного спецдокладчика до заместителя Верховного комиссара ООН по правам человека, а затем и самого Комиссара Мишель Бачелет. Это привело к «почкованию» различного рода мониторинговых групп в составе Управления Верховного комиссара по правам человека. И хотя ни одна из этих групп не получила доступа на территорию Беларуси, западные государства намерены и дальше повышать градус вплоть до задействования механизма предотвращения конфликтов Совета безопасности. Для этого, начиная с 2018 г., Германия активно продвигает идею связки процедур Совета ООН по правам человека и Совета безопасности на основе мандата «предотвращения». Правда, эти действия, фактически представляющие стратегические приоритеты США и Евросоюза, упираются в позиции Группы единомышленников и Движения неприсоединения: права человека не могут быть основанием для вмешательства, а Совет ООН по правам человека на сегодняшний день – вспомогательный, но не главный орган ООН.

Приватизация гуманитарного сотрудничества. Развитие обсуждений вокруг Беларуси в ООН позволяет говорить об относительно новом феномене. Это своего рода «приватизация» ООН западными государствами и транснациональными корпорациями через процедуру дополнительного финансирования УВКПЧ и экспертов. Так, в случае Беларуси уже в январе 2021 г. в ходе 46-й сессии Совета по правам человека резолюция западных государств предусматривала 2,5 млн долл. США дофинансирования на так называемое «расследование» ситуации в Беларуси [9]. Юридически была запрошена возможность дополнительно профинансировать шестнадцать позиций в УВКПЧ. Фактически, без согласия суверенного государства, без широких предварительных консультаций, с нарушением Устава ООН и вопреки мандату Верховного комиссара ООН по правам человека в УВКПЧ было принято решение о создании целого

отдела по одной стране. Более того, в соответствии с учреждающей резолюцией в функции этого «отдела» входит не классический мониторинг, а «оценка» ситуации (англ. examination). Эта формулировка говорит о том, что инициаторы нацелены использовать Беларусь как разменную монету с целью создания очередного международного квазисудебного учреждения по электоральным процессам. Очередная антибелорусская резолюция, принятая в конце марта 2022 г., зафиксировала создание этого «отдела».

В дополнение Верховный комиссар ООН по правам человека объявила о создании параллельной «экспертной» структуры по Беларуси – Экспертного комитета – из трех человек. В качестве обоснования такого решения Верховный комиссар сослалась на ту же резолюцию 46/20 Совета ООН по правам человека. Это решение не носит универсальный характер – за него голосовали западные государства и их союзники. Хотя по задумке авторов действительно предполагалось создание такой структуры, текст резолюции, на которую ссылаются авторы и Верховный комиссар, подобного даже не упоминает [10]. П. 13 резолюции лишь указывает на необходимость содействия «соответствующих экспертов и мандатариев специальных процедур» Верховному комиссару. Именно через таких экспертов и осуществляется приватизация ООН.

О приватизации системы ООН свидетельствует не только создание отдела по Беларуси в структуре УВКПЧ. Соединенные Штаты и западные государства активно навязывают международному сообществу свой новый проект – так называемую «Международную платформу для Беларуси по привлечению виновных к ответственности», за исполнение которого отвечает НКО «Датский комитет против пыток» [11]. По задумке организаторов, «экспертам» УВКПЧ будет оказана «помощь» со стороны этой организации. Уже само название проекта вызывает вопросы: претензии на определение виновных и привлечение их к ответственности со стороны частной НКО входят в противоречие с международным правом, в частности Уставом ООН, а именно ст. 1, п. 3 о принципе сотрудничества в поощрении прав человека. Еще больше вопросов возникает к источникам финансирования этой организации. Если предполагается, что ее информационные материалы станут в итоге докладами ООН, то деятельность такой организации должна быть максимально прозрачной. Несмотря на громкое название и запрос на расследование предполагаемых преступлений на территории суверенного государства, ни УВКПЧ, ни иные заинтересованные стороны не запросили информацию относительно того, каким образом будет обеспечена прозрачность деятельности новых структур. Единственное, что имеется на данный момент, – заявление 19 стран под предводительством США о том, что данные структуры будут работать «независимо» и «беспристрастно» [12].

Отсутствие финансовой отчетности позволяет усомниться в том, что датская «Международная платформа» нацелена на беспристрастный анализ. Еще больше сомнений вызывает финансовая отчетность исполнителя данного проекта – «Датского комитета против пыток». Львиную долю бюджета этой организации составляют прямые гранты датского МИД и британского фонда имени Сигрид Раусинг – председателя фонда, которая занималась в 90-е гг. исследованием эстонских колхозов. Британский фонд, в свою очередь, выкладывает в

открытый доступ аудиторские проверки своей грантовой деятельности, но не источники финансирования. Такое положение дел может отрицательно сказаться на беспристрастности докладов экспертов ООН. Строго говоря, непонятно, каким образом частная организация будет им помогать. Кодекс поведения экспертов ООН вообще запрещает получение экспертами финансовой помощи: эксперты обязаны «воздерживаться от использования своего служебного положения или знаний... для получения личной, финансовой или иной выгоды, или для получения выгоды членом семьи, близким сотрудником или третьей стороной» [13]. Но ведь это ответственность экспертов за самих себя, а несут ли они ответственность за действия третьих сторон?

На деле все обстоит иначе, нежели в Кодексе поведения. Исходя из выводов недавнего исследования французских ученых из Страсбурга, подобный «аутсорсинг» – явление вовсе не новое в практике деятельности УВКПЧ [14]. Как само Управление, так и многочисленные эксперты получают дополнительное финансирование, но не отчитываются о получении таких средств. На первый взгляд, это оправдано, так как эксперт действует в личном качестве, не получает за это вознаграждение, а его/ее доклады требуют значительных финансовых, временных, информационных и человеческих ресурсов. Французские ученые провели серию анонимных интервью с целью разобраться в бюджетировании УВКПЧ и экспертов. Несмотря на то, что многие из экспертов отказались участвовать в опросе, ответы тех, кто согласился (37 человек), свидетельствуют о том, что финансирование экспертов осуществляется небольшой группой крупных фондов: фонды им. Гейтса, Форда, Открытого общества, ОАК, Макартура и Майкрософт. Как правило, финансирование идет через цепочку организаций, университетов, исследовательских центров. Механизмов финансирования три: взносы УВКПЧ, заключение гранта с экспертом в обход ООН, предоставление гранта исследовательской структуре для «помощи» эксперту. В период с 2015 по 2019 гг. 37 экспертов из 121 сообщили о получении 134 прямых финансовых выплат на общую сумму 10 725 328 долл. США, в основном от частных доноров. Один эксперт сообщил о получении более 2 млн долл. США, другой – более 1 млн долл. США, еще шесть – более 500 000 долл. США, и еще одиннадцать – более 100 000 долл. США. Сами эксперты называют это не иначе, как подкуп, но сетуют: «Так устроен рынок».

Вывод французских ученых однозначный: прямое и опосредованное финансирование ставит деятельность экспертов ООН под контроль западных фондов. Надеяться на УВКПЧ в этом вопросе не стоит: 63% бюджета УВКПЧ за 2019 г. (179 млн долл. США) также состоит из добровольных взносов от западных государств и частного сектора. Финансирование и экспертов, и УВКПЧ носит целевой характер, что в итоге определяет повестку и даже страны, по которым предполагается мониторинг. Обсуждение в Совете ООН ситуации по правам человека в Республике Беларусь – не исключение.

Под приватизацией гуманитарного сотрудничества в этой статье понимается установление контроля над согласованными многосторонними гуманитарными механизмами и решениями для продвижения интересов одного государства или узкой группы государств. С точки зрения теории, данная статья осно-

вана на теории сложных сетей: механизмы, подвергающиеся политизации, рассматриваются как многочисленные «хитросплетения» связей между государствами, корпорациями, международными организациями и НКО, объединенные общей повесткой и находящиеся в строгой иерархии во главе с узкой группой западных государств [15]. Научно-практическая ценность такого взгляда на политизацию заключается в том, что она позволяет абстрагироваться от интересов западных государств, а в дальнейшем увидеть, как политизация гуманитарного сотрудничества позволяет государствам не просто манипулировать общественным мнением, а повышать свои «сетевые характеристики» – показатели центральности – в системе мировой политики [16]. Это делается не просто для того, чтобы «застолбить» повестку или показать свою «исключительность» в мировых делах, а с целью при любых раскладах реформирования повестки или изменения структуры международных отношений вновь и вновь занимать лидирующие сетевые позиции [17]. Именно этим объясняется переход западных государств от политизации к приватизации гуманитарного сотрудничества.

Дело в том, что стратегической задачей западных государств является замыкание работы главных органов ООН, включая Совет безопасности, на свои политические и экономические интересы. На сегодняшний день этому мешают три вещи: 1) структура и мандаты Совета безопасности; 2) Устав ООН, квалифицирующий права человека как цель международного межгосударственного сотрудничества (а не противостояния!); 3) универсальность и неделимость прав человека. Для того чтобы реформировать такое положение дел, необходимо повысить политизацию СПЧ ООН до такой степени, чтобы она затронула Устав ООН. Сделать это можно через связку СПЧ ООН и Совета безопасности и последующие указания на неэффективность этой связки. То, что такая связка будет лишь мешать международному сотрудничеству, – инициаторов политизации интересует в меньшей степени. На сегодняшний день нарушения прав человека не являются основанием для силового международного вмешательства. Именно по этой причине западные политики постепенно внедряют в общественное мнение не Устав ООН и международное право, а так называемый «порядок, основанный на правилах» или «многосторонность».

Что же касается внедрения международных гражданских служащих – невоенного информационного мониторинга – то необходимо еще доказать абсолютное несоблюдение тем или иным государством международных норм в области прав человека. Западные государства не могут этого сделать: ситуация в области прав человека в Республике Беларусь должна полноценно затрагивать как политические, так и экономические, и социальные, и культурные права. Западные государства по традиции политизируют внутренние избирательные процессы: это, в основном, право на мирные собрания и право на выражение мнения, т. е. всего лишь 3% от всех прав человека. Другие права проигнорированы. Приведу пример, в докладах Спецдокладчика по Беларуси есть секция по праву на образование. Но оценки строятся таким образом, что наблюдение идет не за доступностью образования для широких слоев населения, не за высокой долей бюджетных мест и общежитий, а за тем, кого из учеников или студентов задержали по время несанкционированных митингов. Это слабо тянет на оцен-

ку общей ситуации в области прав человека. Между тем, сегодня становятся все более актуальны социальные права, причем не только в Беларуси. Например, право на здоровье становится особенно актуальным во время распространения эпидемии коронавируса, а недавнее избрание Беларуси в состав Исполкома ВОЗ свидетельствует о высокой оценке управления системой здравоохранения в Беларуси [18]. Вместо освещения общей ситуации западные государства освещают лишь отдельные нарушения, по которым, как правило, еще идут следственные действия. Так было и с посадкой самолета с последующим задержанием журналиста – то, что решение о посадке принял сам пилот, мало кого интересовало: западные государства, СМИ и НКО сразу «раструбили» о том, что самолет посадили «насильно» через угрозы. Такая методология свидетельствует о политизации прав человека: искусственном нагнетании ситуации для преследования иных политических и экономических интересов.

Противодействие политизации и приватизации. С точки зрения сетей, для противодействия политизации и приватизации гуманитарного сотрудничества необходимо не изменение позиций западных государств или встраивание в их сетевые структуры, а наличие альтернативных сетевых структур в мировой политике, своего рода «баланс сетей». Наиболее ярко этот процесс иллюстрируют события, повлиявшие на выход Российской Федерации из Совета Европы и Совета ООН по правам человека, а также активизация работы СНГ по созданию Комиссии по правам человека, развитие внешнего наблюдения за выборами по линии Межпарламентской ассамблеи СНГ (МПА СНГ), а также расширение функционала Союзного государства, ОДКБ и Евразийского экономического союза. Показательно, что при нарушениях прав человека в западных странах соответствующего мониторинга в Совете ООН по правам человека нет. Наиболее резонансные случаи в СМИ – это насилие со стороны полиции в отношении «цветных» в США, «желтых жилетов» во Франции, мигрантов в Германии – редко получают учреждение хотя бы минимального мониторинга. Полицейский произвол в США в 2020 г. ограничился обсуждениями и не привел ни к страновому спецдокладчику, ни к созыву специальной сессии. Проблеме отсутствия последовательности международного мониторинга и было посвящено белорусское мероприятие в СПЧ ООН, которое состоялось 9 июля 2021 г. Мероприятие организовано при поддержке постоянных представительств Венесуэлы, Китая и России в Женеве. Начальник главного управления многосторонней дипломатии Министерства иностранных дел Республики Беларусь И. Величко представила участникам дискуссии доклад МИД «Наиболее резонансные случаи нарушения прав человека в отдельных странах мира» [19].

Показательно, что мероприятие собрало более 50 человек, включая и представителей западных государств и НКО, которые, за редким исключением, даже не прокомментировали эту проблему. Дискуссии состоялись между дипломатами, журналистами, представителями НКО и академических учреждений. Несмотря на то, что участники акцентировали внимание на проблемах политизации прав человека и двойных стандартов, предложений того, каким образом предотвратить политизацию, было немного. Для этого необходимо было определить, что же такое политизация прав человека. Дискуссия сосредоточи-

лась вокруг двух основных точек зрения. Первая, ярко выраженная итальянским ученым Фабио Марчелли и депутатом Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь Андреем Савиных, состояла в том, что политизация прав человека (в интерпретации Савиных – «западная демократия и модель прав человека») – это инструмент контроля, нацеленный на сохранение международного неравенства и колонизацию развитыми государствами всего остального мира. Другая точка зрения, высказанная постпредом Шри-Ланки, объясняла, что политизация прав человека представляет собой учреждение и финансирование правозащитных НКО с целью направить их мониторинг на развивающиеся государства. Действительно, западные государства не учреждают мониторинговые правозащитные группы, чтобы отчитываться о своих ситуациях в области прав человека в Совете ООН по правам человека. При этом проблем с рядом уязвимых групп и в области тематических прав человека хватает. Западные государства учреждают НКО, чтобы следить за нарушениями вовне. Этим доказывается так называемое прогрессивное состояние западных демократий по отношению к остальному миру. При этом далеко не для всех, в том числе и на Западе, такое доказательство будет считаться достаточным. Но виноваты ли в таком положении дел сами права человека? То есть не мнение отдельной группы, а те международные нормы, например, в области обеспечения всеобщего образования, зафиксированные в договорах и добровольно принятые на себя государствами?

На мой взгляд, определение политизации и приватизации прав человека нуждается в дополнении. Кейс с антибелорусской резолюцией свидетельствует не о политизации прав человека самих по себе, а о политизации отдельных механизмов Совета ООН по правам человека. Ведь если мы возьмем наименее политизированный механизм Совета – Универсальный периодический обзор – то оценка ситуации в разных странах будет на порядок менее политизированной и, по крайней мере, лишенной двойных стандартов. Случай с двойными стандартами в отношении Беларуси показывает высокую степень политизированности не всего Совета, а отдельных его механизмов. Политизации в большей степени подвержены спецпроцедуры СПЧ, а именно так называемые страновые спецдокладчики. Все страновые спецдокладчики СПЧ ООН представляют собой инициативы западных государств и практически никогда не принимаются консенсусом. Если тематические спецдокладчики, например, спецдокладчик по праву на развитие, оценивают все страны по одной методологии, то страновые спецдокладчики оценивают лишь одну страну по отдельно взятой методологии. Как правило, эта методология построена на оценке отдельных политических и гражданских прав во время ухудшения социальной ситуации. Ввиду того, что с повышением мониторинга растет и количество обнаруженных нарушений, такие отчеты никак не содействуют улучшению ситуации. Хотя мандаты спецдокладчиков на бумаге нацелены именно на улучшение ситуации и содействие государству наблюдения, вместо этого страновые спецдокладчики лишь содействуют политизации. Предложения специалистов по «переводу» существующих страновых инициатив с пункта 4 на пункт 10 повестки СПЧ (техпомощь) мало чего изменят кроме промежуточной отчетности и фактическому превращению пунк-

та 10 в очередной страновой механизм. Другое дело: блокирование существующих резолюций по пункту 4 (в том числе путем вопросов процедуры), создание альтернативной резолюции по пункту 10 с задействованием потенциала Исполкома СНГ, МПА СНГ и общественных объединений, таким образом – переключение сетевых связей с западных организаций на организации Содружества – туда, где есть приоритет межгосударственного сотрудничества. Похожий опыт Йемена и историческое снятие западной страновой резолюции СПЧ по Йемену в 2021 – свидетельство того, что это вполне реально.

Что же делать в этой ситуации? Ведь, с одной стороны, повышение градуса политизации нацелено спровоцировать Беларусь и Россию на кардинальное реформирование ООН. На белорусском мероприятии в СПЧ ООН прозвучало предложение внести аналогичные страновые резолюции по западным странам. Минус в том, что они не пройдут: группа США и Евросоюза обладает большинством голосов в СПЧ. Плюс в том, что такие резолюции покажут неэффективность страновых спецпроцедур Совета. Риск состоит в том, что СПЧ может быть впоследствии кардинально реформирован и еще придется бороться за разграничение мандатов Совета безопасности и СПЧ, как и за его статус вспомогательного органа Генассамблеи. Здесь есть программа минимум и программа максимум. Как минимум, надо вспомнить белорусское предложение 2010 г., нацеленное на повышение прозрачности и качества работы мандатариев спецпроцедур, т. е. спецдокладчиков. Спецдокладчики действуют на основании Кодекса поведения – они обязаны действовать строго в рамках мандата, быть беспристрастными, объективными и нацеленными на укрепление способности государства выполнять международные обязательства. Но как отследить нарушение или ненарушение мандатариями этого Кодекса?

В 2010 г. Беларусь предложила учредить комитет по оценке соответствия действий мандатариев Кодексу поведения. Вместо Комитета, который бы реально оценивал объективность спецпроцедур, особенно страновых, был учрежден так называемый Координационный комитет, куда входят сами спецдокладчики (шесть представителей). В мандат этого Координационного комитета не входит оценка качества: он лишь информационно связывает спецпроцедуры с УВКПЧ и НПО. Вместо оценки качества в мандат вошла оценка «эффективности и независимости мандатариев». Дело нужное, но этого недостаточно. Комитет по оценке эффективно выполнил бы функцию контроля качества, если бы в него входили государства или 18 экспертов Консультативного комитета СПЧ ООН, обладающих серьезным исследовательским опытом.

При реализации программы максимум примечателен опыт Китая. В сложном для Китая 2019 г. США вели повестку по учреждению странового спецдокладчика и потенциально спецсессии по вопросу уйгуров в Китае. Этого сделать не удалось: сказался, конечно, формальный выход США из членства в СПЧ в 2017 г. Но были и другие причины. Во-первых, китайцы профинансировали научные исследования механизмов СПЧ ООН. Во-вторых, китайские молодежные организации были привезены на один день в Женеву, они выступали по несколько раз на каждом пункте повестки СПЧ. Голоса западных НКО, которые повторяют тезисы западных государств, были уже не слышны. «Китай-

ские британцы» из Гонконга в один момент перестали представлять «китайское гражданское общество». В-третьих, Китаю удалось успешно побороться на назначение своих специалистов в Секретариат ООН. Помимо этого, Китай провел очень качественные альтернативные мероприятия и выставки на сессии Совета. Но еще более актуально развитие сетевых инструментов евразийских интеграционных объединений в области гуманитарного сотрудничества. Речь не идет о том, чтобы изобретать велосипед: так называемые «гуманитарные» стандарты уже давно вплетены в работу государств – членов СНГ. Необходимо придать этим стандартам так называемое сетевое наполнение: если говорить о существующих соглашениях, то необходимо расширение числа участников этих соглашений, в частности, Кишиневской конвенции 2002 г. На этой основе можно развивать внешний мониторинг, например, на основе мониторинга МПА СНГ. Другим измерением задействования сетевого потенциала могла бы стать синхронизация деятельности секретариатов евразийских структур с целью «разделения труда» [20]. В-третьих, внешним связям интеграционных объединений Содружество могло бы содействовать их включение в систему ООН, ШОС, АСЕАН, Африканского союза и Лиги арабских государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Генсек ООН подтвердил, что Беларусь не является ни источником, ни причиной потоков беженцев // Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/politics/view/gensek-oon-podtverdil-cto-belarus-ne-javljaetsja-ni-istochnikom-ni-prichinoj-potokov-bezhentsev-470363-2021/> (дата обращения: 12.04.2022).
2. Der Russe steht vor der Tür // Deutschlandfunk Kultur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/krieg-russland-bundeswehr-kriegsdienstverweigerung-100.html> (дата обращения: 12.04.2022).
3. О мероприятии «Права человека на Западе: отсутствие международного контроля и реакции на нарушения прав человека» // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/ccfc202f685ad1ca.html (дата обращения: 12.04.2022).
4. Савиных А. Западная демократия и модель прав человека – это вооруженный инструмент контроля общества // Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]. URL: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/diplomaty_podgotovyat_na_budushchie_sessii_soveta_po_pravam_cheloveka_rezolyutsii_o_narusheniyakh_pr/ (дата обращения: 12.04.2022).
5. Резолюция по Беларуси, инициированная странами Евросоюза, не получила поддержки // Белтелерадиокомпания [Электронный ресурс]. URL: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/rezolyutsiya_po_belarusi_initsirovannaya_stranami_evrosoyuza_ne_poluchila_podderzhki_sessii_soveta/ (дата обращения: 12.04.2022).
6. «Беларусь как разменная монета»: Запад усиливает давление на Минск в ООН // Евразия.Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/zapad-usilivaet-davlenie-na-minsk-v-oon/> (дата обращения 12.04.2022).
7. «Грехи режима»: Что стоит за заявлением ООН о политических репрессиях в Беларуси // Евразия.Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/grekhi-rezhima-cto-stoit-za-zayavleniem-oon-o-politicheskikh-repressiyakh-v-belarusi/> (дата обращения: 12.04.2022).
8. Права человека как инструмент политического давления: чего Запад хочет от Беларуси // Евразия.Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/prava-cheloveka-kak-instrument-politicheskogo-davleniya-chego-zapad-khochet-ot-belarusi/> (дата обращения: 12.04.2022).
9. Oral Statement of programme budget implications arising from draft resolution A/HRC/46/L.19 of the Human Rights Council // Human Rights Council [Electronic resource]. URL: <https://www.unhcr.org/refugees/46/L.19/>

- [//hrcmeetings.ohchr.org/HRCSessions/RegularSessions/46session/DL_Resolutions/A_HRC_46_L.19/Oral%20statement%20-%20PDF.pdf](https://hrcmeetings.ohchr.org/HRCSessions/RegularSessions/46session/DL_Resolutions/A_HRC_46_L.19/Oral%20statement%20-%20PDF.pdf) (дата обращения: 12.04.2022).
10. EU supports International Accountability Platform for Belarus: statement by High Representative Josep Borrell // EU Neighbours [Electronic resource]. URL: <https://www.euneighbours.eu/en/east/stay-informed/news/eu-supports-international-accountability-platform-belarus-statement-high> (дата обращения: 12.04.2022).
11. Работа на раскол: США продвигают новую платформу по правам человека в Беларуси // Евразия.Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/ssha-prodvigayut-novuyu-platformu-po-pravam-cheloveka-v-belarusi/> (дата обращения: 12.04.2022).
12. Joint Statement by 19 States // U.S. Department of State [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-by-19-states-in-support-of-the-establishment-of-the-international-accountability-platform-for-belarus/> (дата обращения: 12.04.2022).
13. Res. 5/2. Code of Conduct for Special Procedures Mandate-holders of the Human Rights Council // UN Human Rights Council [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Executions/CodeOfConduct.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).
14. The Financing of the UN Experts // European Centre for Law and Justice [Electronic resource]. URL: <https://eclj.org/geopolitics/un/-corruption-silencieuse--a-lonu--le-nouveau-rapport-de-leclj> (дата обращения: 12.04.2022).
15. Boyashov A. Network Governance of the UN Human Rights Council. London: Routledge, 2022. 208 p.
16. Бояшов А. С. Государство в структуре сложных сетей Совета ООН по правам человека // Современная Европа. 2021. № 6. С. 155–166.
17. Boyashov A. Network Power Europe and Competition at the UN Human Rights Council // Competition in World Politics. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. P. 61–82.
18. Беларусь избрана в состав Исполкома Всемирной организации здравоохранения // БЕЛТА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view/belarus-izbrana-v-sostav-ispolкома-vsemirnoj-organizatsii-zdravoohranenija-443441-2021/> (дата обращения: 12.04.2022).
19. Наиболее резонансные случаи нарушения прав человека в отдельных странах мира // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/kcfinder/upload/files/Press_Service/doklad_rus.pdf (дата обращения: 12.04.2022).
20. Лешенюк О. Н. Координация секретариатов евразийских структур в процессе расширения их полномочий // Евразия.Эксперт. 2021. № 2. С. 57–61.

ВЛИЯНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И КИТАЕМ

О. В. Ливиндюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, livindiuk.olga@gmail.com*

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by*

В статье на основе документального материала и историографических источников анализируется влияние инициативы председателя КНР Си Цзиньпина, выдвинутой в 2013 г., на индийско-китайские отношения. Рассмотрены такие вопросы, как развитие договорной базы отношений, особенности взаимных инвестиций, рост и структура товарооборота, реакция Нью-Дели на предложение Пекина о создании зоны свободной торговли, дискуссия о формах и направлениях участия Индии в реализации проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), альтернативные предложения и концепции индийского правительства; влияние пандемии и пограничного конфликта на двухстороннее взаимодействие. Отмечено усиление стратегического соперничества Нью-Дели и Пекина за лидерство в регионе в условиях роста экономической взаимозависимости двух стран. Авторы использовали общие и специальные методы (историко-повествовательный, историко-ретроспективный, анализа документов, описательной статистики, институциональный, структурно-функциональный), а также системный подход. Работа является первым в белорусской историографии исследованием о комплексном влиянии ОПОП на индийско-китайские отношения.

Ключевые слова: *Индия; Китай; индийско-китайские отношения; зона свободной торговли; экономический коридор; инициатива «Один пояс, один путь»; стратегическое партнерство; пандемия COVID-19.*

THE IMPACT OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE ON INDIA-CHINA RELATIONS

O. V. Livindiuk

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

S. F. Svilas

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Based on documentary data and historiographical sources, the article analyzes the impact of the Chinese President Xi Jinping's initiative, put forward in 2013, on Indian-Chinese relations. In this paper the authors consider such issues as the development of the contractual framework of relations, the specifics of mutual investments, the growth and structure of trade turnover between China and India, the reaction of

New Delhi to Beijing's proposal to create a free trade zone, a discussion on the forms and directions of India's participation in the implementation of the "One Belt One Road" project and alternative concepts of the Indian government; in addition to this, the article also highlights the impact of the pandemic and the border conflict on bilateral cooperation. The strengthening of the strategic rivalry between New Delhi and Beijing for leadership in the region in the context of the growing economic interdependence of the two countries was noted. The authors used general and special methods (historical-narrative, historical-retrospective, document analysis, descriptive statistics, institutional, structural-functional), as well as a systematic approach. The work is the first study on the complex influence of the "One Belt One Road" on Indian-Chinese relations in Belarusian historiography.

Keywords: *India; China; Indian-Chinese relation; free trade zone; economic corridor; the One Belt One Road initiative; strategic partnership; COVID-19 pandemic.*

Начало XXI в. оказалось весьма плодотворным для Индии и Китая, однако их отношения развивались неоднозначно. В 2003 г. государства подписали Бангкокское соглашение, гарантировав друг другу торговые преференции, а также соглашение об открытии приграничной торговли по Шелковому пути [1, с. 3]. Товарооборот к 2008 г. достиг 20 млрд долл., после чего была поставлена новая цель: за последующие два года достичь трехкратного увеличения этой цифры. В 2008 г. Индия инвестировала в китайскую экономику 400 млн долл., в то время как объем инвестиций Китая составил всего 250 млн.; на китайском рынке работали такие её гиганты, как Infosys, Tata Motors, НИТ, Ranbaxy, Dr. Reddy's Laboratories. Таким образом, Индия вкладывала средства прежде всего в развитие информационных технологий, фармацевтики, банковской сферы и бизнес-консалтинг [2, с. 13–14]. Вместе с тем, столь тесное и, на первый взгляд, результативное экономическое сотрудничество вызывало опасения Нью-Дели, поскольку дефицит торгового баланса неуклонно рос в пользу Китая. Индийские экономисты выражали озабоченность монополией китайского экспорта на индийский рынок и даже утверждали, что страна страдает «синдромом зависимости» от КНР [3].

Страх индийского истеблишмента в будущем оказаться в экономической зависимости от Китая имел веские основания. Начиная с апреля 2008 г., Китай стал главным торговым партнером Индии, потеснив США на второе место [4, с. 65]. Пекин еще в 2005 г. предлагал заключить соглашение о создании зоны свободной торговли, но получил отказ по ряду причин. Во-первых, Индия оказалась бы под угрозой крупных убытков из-за того, что её тарифы были значительно выше китайских. Во-вторых, потенциальная зона свободной торговли угрожала промышленному сектору Индии вследствие активизации дешевого импорта из Китая. В-третьих, соглашение о зоне свободной торговли потребовало бы от Индии признания рыночного статуса китайской экономики, а этого индийское правительство делать не хотело принципиально, потому что не считало механизмы ценообразования в Китае прозрачными. Не менее серьезным основанием для отказа от сделки с Китаем был демпинг. В период с 1995 по

2008 г. Китай стал «рекордсменом» по антидемпинговым искам. Против него было подано 677 исков, при этом 120 из них исходили от Индии [5, с. 22].

Новым этапом в индийско-китайском экономическом сотрудничестве стала «инициатива «Один пояс, один путь», провозглашенная в 2013 г. Си Цзиньпином. В основе этой геополитической инициативы лежало два компонента: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь», который должен был связать Китай со странами Азии, Восточной Африки, Восточной Европы и Ближнего Востока. Правительство КНР задалось целью углубить сотрудничество с государствами региона и способствовать их экономическому развитию, соединив более 60 стран Азиатско-Тихоокеанского региона с Европой. Инициативу планировалось реализовывать посредством торговли, совместных инфраструктурных проектов и экономического сотрудничества, а также политической координации, инвестиций, финансовой интеграции и культурного обмена [6, с. 28].

Инициатива ОПОП предполагает создание шести экономических коридоров: Нового евразийского наземного моста, коридора через полуостров Индокитай, коридоров Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – Пакистан и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма [6, с. 28]. Финансовый кризис и война с терроризмом сильно пошатнули стабильность в регионе, Индия находилась в поиске выгодного союза, способного обеспечить рост ее экономики, потому обратила внимание на этот проект.

В 2013 г. азиатские гиганты подписали ряд соглашений об инвестициях, а год спустя во время визита в Индию Си Цзиньпин предложил стратегическое сотрудничество [7, с. 139], однако участвовать в реализации инициативы ОПОП Индия не спешила. С одной стороны, инициатива рисовала соблазнительную перспективу выхода на рынки Центральной Азии и Ближнего Востока, появлялся шанс реализовать давнее стремление к экономической интеграции с государствами Центральной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, проект включал создание цифровой инфраструктуры, что пошло бы на пользу Индии с ее развитыми информационными технологиями. Инициатива стимулировала кампанию «Делай в Индии» и создавала новые рабочие места, тем самым приблизив страну к желанному статусу производственного центра Азии [6, с. 30]. Однако, несмотря на всю выгоду, которую сулило участие в ИПП, Индия была обеспокоена безопасностью экономических коридоров.

Больше всего вопросов у Индии вызвал коридор Китай – Пакистан, который должен был пройти через подконтрольную Пакистану кашмирскую территорию Азад Кашмир. Индию беспокоил тот факт, что Китай планировал разместить в непосредственной близости от индийской границы в Пакистане около 30 тыс. своих военнослужащих. Такой поворот поставил бы под сомнение индийские притязания на спорные территории и, вероятно, привел бы к эскалации напряженности в индийско-пакистанском споре о границах. Вероятно, Индия столь резко раскритиковала идею создания коридора Китай – Пакистан еще и потому, что в 2015 г. Пекин в Совете Безопасности ООН отклонил предложение Нью-Дели наложить санкции на Пакистан, освободивший Закиура Рехмана Лахви, подозреваемого в теракте в Мумбаи [7, с. 139].

По оценке Нью-Дели, угрозу государственной безопасности представлял также коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, который расширил бы китайское влияние на северо-востоке страны, – «чувствительной точке» в условиях длительных приграничных споров с Китаем. Индия также не могла позволить Китаю укрепить позиции в Индийском океане посредством «Морского Шелкового пути». Индийский океан был и остается для Индии маршрутом наибольшей стратегической важности, через него проходит более 70% индийского импорта нефти. Критики проекта сравнивали его с Планом Маршалла, поэтому на Беооском Азиатском Форуме 2018 г. Си Цзиньпин заявил: «Один пояс, один путь» – это не план Маршалла после Второй мировой войны и не китайский заговор» [6, с. 32]. Сомнения относительно ОПОП подогревал еще и тот факт, что Китай получил бы преимущество за счет упрочения влияния в соседних с Индией странах.

В силу того, что инициатива ОПОП по многим причинам не соответствовала интересам Нью-Дели, Индия предпринимала попытки создания альтернативных проектов. В частности, она представила альтернативу экономическому коридору Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, объявив о «Мультимодальном транзитном транспортном проекте Каладан», который соединил бы морской порт Калькутты на востоке страны с морским портом Ситтве в штате Ракхайн, Мьянма [8, с. 11].

Индия совместно с Ираном и Россией инициировала создание Международного Транспортного коридора Север – Юг, а для того, чтобы снизить влияние Китая в регионе Индийского океана, начала активно развивать двусторонние отношения со странами региона, сделав ставку на «мягкую силу». В 2014 г. она анонсировала проект «Маусам» по изучению морских маршрутов, на протяжении истории соединявших страны Индийского океана. Целью проекта стало оживление связей с государствами Индийского океана через изучение и сохранение их культурного наследия [9].

В 2015 г. Нарендра Моди выдвинул концепцию SAGAR (Security And Growth for All in the Region), которая подразумевала не только обеспечение безопасности в регионе Индийского океана, но и углубление экономического сотрудничества [10]. В 2017 г. на встрече Африканского банка развития Индия и Япония представили совместный проект «Азиатско-африканского коридора роста» (AAGC), направленный на укрепление институциональных связей между Азией и Африкой, строительство высококачественной инфраструктуры и развитие экономического партнерства [6, с. 37].

В 2017–2018 гг. торговля между Индией и Китаем стремительно росла, а к 2019 г. страна стала 12-м партнером Китая по объему товарооборота, ей впервые с 2005 г. удалось снизить дефицит торгового баланса в двухсторонних отношениях [11, с. 5–6]. Пандемия коронавируса в 2020 г. оказала дестабилизирующее воздействие на индийско-китайские торговые отношения, Нью-Дели особенно беспокоила зависимость национальной фармацевтической промышленности от Китая: около 70% процентов ингредиентов для создания лекарств поступают в Индию именно из этой страны [12].

Настораживало Дели и то, что Китай использовал последствия пандемии

в собственных интересах, скупая индийские компании на грани банкротства и всячески укрепляя свое влияние в странах, граничивших с Индией. В связи с этим правительство Н. Моди ввело ограничения на прямые иностранные инвестиции из стран, имеющих сухопутную границу с Индией [13]. Этот жест вкупе с тем, что Индия начала активно налаживать контакты с партнерами по Четырехстороннему диалогу для диверсификации торговли, можно трактовать как попытку ослабить зависимость от китайского импорта. В 2021 г. двухсторонние отношения переживали кризис из-за обострения конфликта в Ладакхе, сопряженного с ожесточенными столкновениями индийских и китайских пограничников. Несмотря на то, что отношения между этими государствами были временно заморожены, торговля достигла рекордных объемов: товарооборот вырос на 46,4% [14].

Таким образом, Индия и Китай сделали упор на развитие торговли как связующего звена в сложных отношениях, которое даже при условии замораживания сотрудничества во всех остальных сферах из-за долговременного пограничного конфликта оставалось бы прочным. Ни вспыхнувший с новой силой пограничный конфликт, ни набирающее обороты стратегическое соперничество за лидерство в регионе не разорвали экономические связи Индии и Китая; более того, оба государства приложили все усилия для их сохранения, потому что за десятилетия взаимодействия значительно усилилась их экономическая взаимозависимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. India-China Trade Relationship: The Trade Giants of Past, Present and Future // PHD Chamber of Commerce and Industry [Electronic resource]. 2018. URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2018/11/India-China-Trade-Relationship_The-Trade-Giants-of-Past-Present-and-Future.pdf (accessed: 31.03.2022).
2. Zhang L. China-India Relations Strategic Engagement and Challenges // *Asie Visions*. Center for Asian Studies. French Institute of International Relations (Ifri) [Electronic resource]. 2010. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/notes-de-lifri/asie-visions/china-india-relations-strategic-engagement-and-challenges> (accessed: 31.03.2022).
3. Acharya A. India-China Relations: Towards a 'Shared Vision' // *The Economic and Political Weekly* [Electronic resource]. 2008. URL: <https://www.epw.in/journal/2008/04/commentary/india-china-relations-towards-shared-vision.html> (accessed 31.03.2022).
4. Siddiqi F. H. India-China Relations in the 21 st Century: Impact on Regional and Global Politics // JSTOR. [Electronic resource]. 2012. URL: <https://www.jstor.org/stable/24711166>. (accessed: 31.03.2022).
5. Whalley J., Shekhar T. The rapidly deepening India-China economic relationship // Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo). [Electronic resource]. 2010. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/46571/1/638963591.pdf> (accessed: 31.03.2022).
6. Kumar S.Y.S. China's Belt and Road Initiative (BRI): India's Concerns, Responses and Strategies // University of Malaya's Institute of China Studies (ICS). [Electronic resource]. 2018. URL: <https://icsum.org.my/wp-content/uploads/2020/02/IJCS-101-2Surendra-for-website-1.pdf> (accessed 31.03.2022).
7. Sharma M. India's Approach to China's Belt and Road Initiative-Opportunities and Concerns // Brill & The Hague Academy of International Law. [Electronic resource]. 2019. URL: https://brill.com/view/journals/cjgg/5/2/article-p136_3.xml?language=en (accessed: 31.03.2022).

8. Khan M. F., Shah P. China and Indian Economic Relations: 21st Century and Impact of External Factors on IT // ResearchGate [Electronic resource]. 2020. URL: www.researchgate.net/publication/346726817_China_and_Indian_Economic_Relations_21_st_Century_and_Impact_of_External_Factors_on_It (accessed: 31.03.2022).
9. Project Mausam // Ministry of Culture, Government of India [Electronic resource]. URL: <https://www.indiaculture.nic.in/project-mausam> (accessed: 31.03.2022).
10. Sarangi S. Unpacking SAGAR (Security and Growth for All in the Region) // The United Service Institution of India [Electronic resource]. 2019. URL: https://usiofindia.org/wp-content/uploads/2020/02/USI-Occasional-Paper_2_19-Unpacking-SAGAR-Final-print-File-1.pdf (accessed: 31.03.2022).
11. India-China Bilateral Relations // Ministry of External Affairs, Government of India [Electronic resource]. 2020. URL: <https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/ind-china-new.pdf> (accessed: 31.03.2022).
12. Palmer E. India investing \$1.3B to cut dependence on Chinese APIs // Fierce Pharma [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.fiercepharma.com/manufacturing/india-investing-1-3-b-to-cut-dependence-chinese-apis> (accessed: 31.03.2022).
13. Madan T. How is the coronavirus outbreak affecting China's relations with India? // The Brookings Institution [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/30/how-is-the-coronavirus-outbreak-affecting-chinas-relations-with-india/> (accessed: 31.03.2022).
14. 2021: A year of record trade amid frozen India-China ties over Ladakh chill // The Economist Times [Electronic resource]. 2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/2021-a-year-of-record-trade-amid-frozen-india-china-ties-over-ladakh-chill/article-show/88468514.cms> (accessed: 31.03.2022).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР

А. К. Кенжебеков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В данной статье автор исследует перспективы развития евразийского пространства в сферах политики, экономики и безопасности. По итогам исследования автором был сделан вывод о том, что политические факторы оказали значительное влияние на вопросы международной безопасности, поэтому их необходимо рассматривать в неразрывной связи друг с другом.

Ключевые слова: *системы ЕАЭС, ОДКБ; региональная безопасность; региональные торговые соглашения; экономическая интеграция; санкции; внешняя торговля.*

SOME ASPECTS OF THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF EURASIAN INTEGRATION STRUCTURES

A. K. Kenzhebekov

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In this article, the author explores the prospects for the development of the Eurasian space in the fields of politics, economics and security. According to the results of the study, the author concluded that political factors had a significant impact on international security issues, therefore they must be considered in inseparable connection with each other.

Keywords: *systems of the EAEU, CSTO; regional security; regional trade agreements; economic integration; sanctions; international trade.*

В условиях меняющейся архитектуры международных отношений координация деятельности стран на уровне интеграционных объединений (в т.ч. ЕАЭС, ОДКБ и СНГ) приобретает особую актуальность. В рамках ОДКБ Концепция сотрудничества государств – членов Организации по противодействию современным комбинированным формам деструктивного воздействия на государства ОДКБ основывается на следующих современных трендах:

- обострение военно-политических и экономических противоречий между государствами и военно-политическими блоками;
- неурегулированные региональные конфликты;
- попытки проведения цветных революций;
- терроризм;
- наркотрафик и сопутствующая организованная преступность.

Данная Концепция представляет собой совокупность взглядов государств – участников Организации на предотвращение и устранение угроз миру,

совместную защиту от агрессии, обеспечение их суверенитета и территориальной целостности, основываясь на принципах ООН, ОБСЕ, Договора о коллективной безопасности, а также положениях других документов, принятых государствами – участниками.

Политические тренды развития постсоветских стран в текущем году определяет международная ситуация в сфере безопасности, в частности, широкомасштабный диалог по вопросам новой архитектуры безопасности. Нет консенсуса по поводу причин обострения: для России текущий кризис – это кризис в отношениях с США и НАТО после окончания холодной войны, для западных стран – это кризис вокруг Украины и Донбасса. По мнению российского руководства, в основном разделяемого элитами стран ЕАЭС (*за исключением двух его малых участников – Армении и Кыргызстана*), США и НАТО стремятся держать мир в напряжении, а потому ими ведется постоянный поиск вражеских элементов, среди которых – Россия, Беларусь, а также Китай и его инициатива «Один Пояс – Один Путь». При этом эксперты разных стран в целом согласны, что военное решение кризиса только усугубит существующие проблемы. Вместе с тем, видятся возможности для осуществления дипломатического размена в ходе продолжающихся переговоров.

Будущее евразийской интеграции во многом будет зависеть от исхода противостояния России и Запада, потому что в случае уступок российской стороны вероятен риск возникновения дезинтеграционных процессов на евразийском пространстве. Кроме того, важную роль продолжает играть фактор Китая, который заинтересован в рынках сырья, а также решении проблемы уйгурских сепаратистов. После январского кризиса в Казахстане актуализировался вопрос выявления экстремистов и террористов на территориях стран региона, а также проблема радикализации в целом. Вместе с тем, риском может стать секьюритизация тех аспектов жизни стран, которые раньше не рассматривались в качестве вопросов безопасности.

Многовекторность как ориентация государств ЕАЭС на разных внешних игроках (*Китай, Турция и Иран для Центральной Азии, ЕС для Армении и до августа 2020 г. – для Беларуси*) не стоит рассматривать как угрозу единству интеграционного блока, ведь многовекторность не всегда означает отдаление от России или противоречие российским интересам. Необходимость выбора между, как может показаться, несовместимыми векторами, может привести к тому, что отдельные, в особенности малые государства, могут сделать выбор не в пользу России. Например, Молдова в 2021 г. вместо сбалансированной внешней политики в итоге поставила в приоритет отношения с ЕС.

Необходимо отметить положительные тенденции в экономиках государств – членов ЕАЭС, среди которых – рост ВВП после спада 2020 г. в связи с началом пандемии и локдаунами, рост объема промышленного производства в сфере машиностроения, успешный запуск программы «Работа без границ», увеличение объема внутренней и внешней торговли. Имеющийся потенциал в экономической сфере позволяет значительно увеличить как товарооборот, так и степень взаимодействия по всему спектру сфер сотрудничества.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь товарооборот между Казахстаном и Беларусью за 2021 г. составил 1,092,5 млрд долл. Наблюдается рост по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. на 31,9%, в том числе экспорт из Республики Беларусь в Республику Казахстан – 911,8 млн долл. (*рост на 25%*), сальдо положительное – 731,1 млн долл.

Вместе с тем, присутствуют и негативные тренды. Помимо сохраняющегося и увеличивающегося санкционного давления на экономики России и Беларуси, можно отметить стагнацию объема перевозок грузов всеми видами транспорта, снижение объема пассажироперевозок, продолжающих оказывать влияние на экономическое развитие государств ЕАЭС в 2022 г. Украинский фактор тоже представляет собой риск, поскольку внешнеполитическая ситуация сказывается на курсе рубля и на российском фондовом рынке, что не может не затронуть все государства – участники ЕАЭС.

В данной связи можно отметить две группы долгосрочных экономических рисков:

1. Социально-экономические проблемы внутри Союза, а именно обнищание населения, несмотря на снижение безработицы, и недостаточный уровень модернизации промышленности в силу отсутствия политической воли и необходимых средств.

2. Мировые тенденции. К ним относятся энергетический переход, который ставит перед странами, занимающими лидирующие позиции на рынке энергоносителей, вопрос о переориентировании экономик, чтобы не избежать снижения доходов населения, а также пандемия, которая сокращает трудовые ресурсы стран ЕАЭС, требует вливания значительных средств в системы здравоохранения и ставит на повестку дня ЕАЭС вопрос о социальной защите трудовых мигрантов.

В данном контексте необходимы меры по созданию эффективных инструментов поддержки государственности, экономики, социальной сферы и национальной безопасности в рамках ЕАЭС и ОДКБ.

Судя по утвержденным в декабре 2021 г. основным направлениям международной деятельности ЕАЭС на 2022 г., будут укрепляться уже существующие форматы сотрудничества с Вьетнамом, Сербией, Сингапуром, Ираном (*преференциальные торговые соглашения*) и Китаем (*торгово-экономическое сотрудничество*). Кроме того, продолжится работа по институционализации сотрудничества с такими государствами, как Египет, Израиль, Индия, Иран, Индонезия, Монголия. С учетом председательства в текущем году Кыргызстана в ЕАЭС, в целом ожидается повышенный интерес от этой страны к интеграционной повестке.

Одним из перспективных направлений развития интеграции в рамках ЕАЭС в текущих условиях также может послужить развитие институциональной инфраструктуры в рамках создания общего рынка биржевых торгов товарами. На первом этапе можно осуществлять торговлю с участием национальных участников бирж, а на втором этапе неудовлетворенные заявки национальных бирж направлять в специально созданный Международный центр обработки данных для дальнейшего поиска встречных предложений и оформления сде-

лок. Плюс такого подхода – гарантированное обеспечение потребностей внутреннего рынка и интересов национальных участников. При этом следует осуществлять торги на всех национальных биржах путем допуска к торгам представителей всех стран Союза, что позволит создать конкуренцию между национальными товарными биржами и будет стимулировать их развитие.

Катаклизмы начала 2022 г. показали, что стратегия развития евразийского пространства дает свои результаты: например, в результате ввода миротворческих сил ОДКБ в Казахстане удалось продемонстрировать возможность коллективной оперативной реакции Организации на угрозы. Статус ОДКБ при этом повышается, и мировому сообществу придется обратить внимание на этот военный союз, хотя это вряд ли позволит организации более эффективно общаться с НАТО. Также нужно отметить, что в ходе январской операции выявились, что не вся казахстанская общественность достаточно информирована о сути деятельности ОДКБ, а потому имеет место негативное восприятие ввода миротворческих сил организации в страну.

В то же время, в плане борьбы с экстремизмом и терроризмом ОДКБ в ходе проведения миротворческой операции в Казахстане повлиял на деятельность радикалов, сформировав среди них необходимое мнение о том, что даже при деморализации вооруженных сил страны, имеются иные силы, которые могут оказать им сопротивление.

Другим, уже постоянным вызовом для ОДКБ, можно считать южное направление, где положение усугубляется в связи с тяжелой гуманитарной ситуацией в Афганистане. В связи с данными событиями в ближайшее время может значительно возрасти поток беженцев в Узбекистан (*не член ОДКБ*) и Таджикистан. Иным важным вызовом внутри самой организации можно считать наличие неурегулированного конфликта между ее членами – Кыргызстаном и Таджикистаном.

Можно спрогнозировать тенденцию перемещения фокуса ОДКБ с Центральной Азии на западное направление в связи с милитаризацией стран Балтии, Польши и Украины. Вместе с тем, совместная операция ОДКБ на западном фланге выглядит очень маловероятной.

Анализ деятельности ОДКБ и ЕАЭС показывает, что экономические достижения евразийского пространства сегодня нуждаются в дополнительной защите – гарантиях безопасности. Необходимо обратить внимание на два аспекта – информационное сопровождение и приоритетность сотрудничества на уровне гражданских обществ государств – членов данных организаций. Если не доводить информацию о развитии евразийской интеграции в рамках ЕАЭС и ОДКБ до общественности, то есть угроза того, что любые совместные действия в области безопасности будут непонятны большей части населения. Необходимо налаживать горизонтальные связи, чтобы региональная интеграция воспринималась населением государств – членов обозначенных международных организаций как успешная и несущая реальную пользу людям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328ebef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (дата обращения: 08.04.2022).
2. Винокуров Е. Евразийский экономический союз. СПб: Евразийский банк развития. 2017. 300 с.
3. Внешняя торговля Республики Беларусь, 2021 // Статистический сборник [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_40505/ (дата обращения: 05.04.2022).
4. Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности // Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. 2012. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/kontseptsiya_kollektivnoy_bezопасnosti_gosudarstv_uchastnikov_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti/#loaded (дата обращения: 05.04.2022).
5. Проект «Работа без границ» ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/proekt-rabota-bez-granic-startoval-v-eaes/> (дата обращения: 05.04.2022).

РОЛЬ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ШОС В СОПРЯЖЕНИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» С ЕВРАЗИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ (2015–2021 ГГ.)

Лю Сянцзянь

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, liuxiangqian2016@gmail.com

В статье анализируется роль туристической дипломатии ШОС в сопряжении китайской инициативы ОПОП с Евразийским экономическим союзом. Подчеркивается, что Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армения являются не только членами Евразийского экономического союза, но и важными партнерами по ОПОП. Выявлены предпосылки и причины сотрудничества в сфере туризма, его институциональные и нормативно-правовые основы, формы и направления, определены достигнутые результаты и сложности. Исследование основано на научных источниках и значительной историографической базе и выполнено при использовании системного и антропологического подходов. Автор также широко использовал нарративный метод и метод анализа документов.

Ключевые слова: туристическая дипломатия; Инициатива «Один пояс, один путь»; Евразийский экономический союз; Китай; Россия; Казахстан; Кыргызстан; Армения.

THE ROLE OF TOURISM DIPLOMACY WITHIN THE SCO IN LINKING THE «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE WITH THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Liu Xiangqian

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The paper analyzes the role of tourism diplomacy in the framework of the SCO in the cooperation between China's Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union. It is emphasized that Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Armenia are not only members of the Eurasian Economic Union, but also important partners in the China's Belt and Road Initiative. The prerequisites and reasons for cooperation in the field of tourism, its institutional and regulatory frameworks, forms and directions are identified, the achieved results and difficulties are determined. The research is based on scientific sources and a significant historiographical base and is carried out using systematic and anthropological approaches. The author also made extensive use of the narrative method and the method of document analysis.

Keywords: tourism diplomacy; “One Belt, One Road” Initiative; Eurasian Economic Union; China; Russia; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Armenia.

В сентябре 2013 г., выступая в Назарбаев Университете в Казахстане, Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу по совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути», а в марте 2015 г. Комиссия

по развитию и реформам, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР опубликовали документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [1]. В пяти пунктах было определено основное содержание сотрудничества: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – это пример региональной экономической интеграции, основанной на таможенном союзе России, Беларуси и Казахстана; впоследствии к организации присоединились Кыргызстан и Армения. Пять государств – членов Евразийского экономического союза также являются важными партнерами в проекте ОПОП.

В мае 2015 г. лидеры Китая и России опубликовали «Совместное китайско-российское заявление о сопряжении и сотрудничестве в строительстве Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза» [2]. В декабре 2015 г. премьер Госсовета Ли Кэцян и премьер – министр России Дмитрий Медведев провели в Пекине 20-ю регулярную встречу премьер – министров Китая и России и подписали «Совместное коммюнике», в котором отмечены значение ШОС как наиболее эффективной платформы для реализации сопряжения строительства Экономического пояса Шелкового пути с Евразийским экономическим союзом, а также необходимость расширения туристического сотрудничества [3].

Инициатива ОПОП и ЕАЭС являются взаимодополняемыми, их взаимодействие представляет широкие перспективы для сотрудничества. Вопрос реализации их взаимодействия представляет собой актуальную область исследований китайских и зарубежных ученых. Среди них следует назвать таких авторов, как Ли Синь [4], Вэй Цзиньшэнь [5], Ян Сиянь [6], А. В. Иванцов [7], Е. А. Чистякова [8], В. А. Шамахов [9], Д. Е. Морковкин [10].

Туристическая дипломатия рассматривается автором как составная часть общей дипломатии Пекина, которая эволюционировала с периферии внешнеполитической деятельности и стала неотъемлемой частью национальной дипломатии [11, с. 43]. В рамках ШОС Китай развивает туристическую дипломатию со странами – членами Евразийского экономического союза, содействуя диалогу между различными регионами и различными этническими группами, формированию взаимопонимания между народами и терпимости к различным политическим системам, религиозным верованиям и обычаям, и тем самым играя существенную позитивную роль в сопряжении ОПОП и ЕАЭС. В силу изложенных обстоятельств цель статьи – рассмотреть содержание и роль туристической дипломатии в рамках ШОС в сопряжении инициативы «Один пояс, один путь» с Евразийским экономическим союзом.

Результаты исследования. Близость между народами являются гуманитарной основой инициативы ОПОП. Как же этого можно достичь? Председатель Си Цзиньпин выделяет два основных пути: углубленный диалог и практические действия [12]. Широкие и углубленные многосторонние обмены являются важной формой контактов между людьми, а также необходимым условием

взаимодействия ОПОП и ЕАЭС. Однако, исходя из национальных интересов, страны – члены ЕАЭС первоначально придерживались осторожного и выжидательного подхода к инициативе «Экономический пояс Шелкового пути», а затем осознали необходимость стратегического сотрудничества и начали двигаться в данном направлении.

14 декабря 2014 г. Казахстан подписал с Китаем «Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению строительства Экономического пояса Шелкового пути», став тем самым первым членом ЕАЭС, выразившим готовность строить ОПОП [13]. В том же месяце соглашение о сотрудничестве в строительстве Экономического пояса Шелкового пути подписали в Пекине заместитель министра коммерции КНР Чжун Шань и министр экономики Республики Беларусь Николай Снопков [14]. Си Цзиньпин и президент Республики Армения Серж Саргсян во время мартовской встречи 2015 г. подчеркнули, что инициатива совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути предоставляет новые исторические возможности для развития всестороннего сотрудничества двух стран [15].

В ходе визита президента Кыргызстана Соломбая Жээнбека в Китай (июнь 2018 г.) была подписана «Совместная декларация об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства». Тем самым Кыргызстан поддержал инициативу ОПОП и выразил намерение расширять сотрудничество в области культуры, туризма и других компонентах духовной сферы [16]. К 2022 г. все пять государств – членов ЕАЭС выразили свою поддержку инициативе ОПОП.

2012 и 2013 годы вошли в историю китайско-российских отношений как «Год туризма», причем Россия стала пионером в инициировании новой модели поддержки национальной дипломатии туристической деятельностью [11, с. 47]. В марте 2015 г. в Москве состоялась первая встреча лидеров туристического сектора стран – членов ШОС, подтвердившая курс на дальнейшее развитие многосторонних и двусторонних отношений в сфере туризма [17]. В декабре 2015 г. премьер – министр Госсовета КНР Ли Кэцян и премьер – министр Российской Федерации Дмитрий Медведев подписали «Совместное коммюнике», в котором выразили поддержку сотрудничества в сфере туризма [18].

В июне 2016 г. в Ташкенте (Республика Узбекистан) состоялось 16-е заседание Совета глав государств ШОС [19]. В целях расширения сотрудничества в области туризма, создания единого туристического пространства и укрепления туристических обменов главы делегаций подписали программу развития сотрудничества в области туризма между государствами – членами Организации.

В сентябре 2016 г. главы государств Китая и Казахстана подписали план сотрудничества по состыковке строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и казахстанской экономической политики «Светлого пути» [20]. Этот документ стал первым двусторонним планом сотрудничества в рамках инициативы ОПОП, является важной частью «стыковки» с ЕАЭС.

Вопрос об эффективном использовании туристического потенциала занял основное место в повестке дня Встречи экспертов государств – членов ШОС по вопросам взаимодействия в сфере туризма, прошедшей 25–26 апреля 2017 г. в

штаб – квартире Организации в Пекине [21]. Постоянный представитель Республики Казахстан при Секретариате ШОС Е. Ашимов отметил, что такой конструктивный диалог между представителями национальных туристских администраций позволит создать прочную основу для дальнейшего развития туристической отрасли в рамках ШОС.

В апреле 2017 г. в Алматы состоялась церемония открытия «Года китайского туризма» в Казахстане с участием Ду Цзяна, заместителя директора Государственного управления по делам туризма КНР, и Арыстанбека Мухамедиулы, министра культуры и спорта Казахстана [22]. Арыстанбек Мухамедиулы заявил, что Китай и Казахстан имеют многообещающее будущее для сотрудничества в этой сфере, и выразил надежду, что обе стороны укрепят связь и предпримут эффективные меры для продвижения двусторонних туристических обменов.

В мае 2017 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин принял участие в Форуме международного сотрудничества ОПОП, состоявшемся в Пекине. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Пекин и Москва должны совместно работать над созданием благоприятных условий для развития ШОС и сопряжения ОПОП с ЕАЭС. Владимир Путин, поддержав этот призыв, выразил намерение углублять сотрудничество в сфере туризма [23].

В ноябре 2017 г. в г. Астана прошла церемония закрытия «Года туризма» в Казахстане [24]. На церемонии присутствовали заместитель директора Государственного управления по делам туризма КНР Ду Цзян, посол Китая в Казахстане Чжан Ханьхуэй, заместитель министра культуры и спорта Казахстана Ерлан Козагапанов. Посол Китая подчеркнул, что мероприятие такого формата проводится Китаем в странах Центральной Азии впервые. На фоне совпадающих стратегий развития двух стран проведение «Года туризма» будет способствовать дальнейшему укреплению двустороннего сотрудничества в туристической области. По оценке казахстанской стороны, «Год туризма» укрепил взаимопонимание между народами и послужил базисом для развития туристических обменов.

В январе 2018 г. в г. Чунцине (КНР) прошла церемония открытия Года туризма Беларуси в Китае. Чрезвычайный и Полномочный Посол Беларуси Кирилл Рудый заверил, что туристические обмены занимают особое место в двусторонних отношениях, и проведение Года туризма будет способствовать увеличению туристических обменов [25]. 10 июня было подписано Межправительственное соглашение о взаимном безвизовом режиме для владельцев обычных паспортов граждан Беларуси и Китая [26]. На церемонии закрытия Года туризма (декабрь 2018 г.) первый заместитель министра спорта и туризма Вячеслав Дурнов заявил, что одним из результатов стало увеличение числа китайских туристов, посетивших Беларусь за первые 10 месяцев 2018 г., на 12% по сравнению с прошлым годом [27].

В мае 2018 г. в г. Ухане (Китай), прошла встреча лидеров туристического сектора стран – членов ШОС [28]. Главы делегаций высоко оценили прогресс, достигнутый туристической дипломатией, представили информацию о развитии туризма в своих странах и обменялись мнениями о дальнейшем расширении сфер взаимодействия и углублении практического сотрудничества.

С 25 по 27 апреля 2019 г. в Пекине прошел Второй Форуме международного сотрудничества ОПОП, который стал важнейшим результатом «домашней дипломатии» Китая за весь год [29]. Председатель КНР Си Цзиньпин во время встречи с президентом России В. Путиным заявил, что Сопряжение инициативы ОПОП с ЕАЭС является моделью регионального экономического сотрудничества, а российский президент подчеркнул значение инициативы ОПОП как важной платформы для расширения международного сотрудничества.

В сентябре 2019 г. в рамках Евразийского экономического форума в г. Сиань (Китай) состоялась панельная сессия «Золотой туристический коридор Шёлкового пути», в которой принял участие Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов [30]. В своем выступлении он отметил, что туристическое сотрудничество в рамках Организации выступает в качестве одного из важных элементов культурно-гуманитарного взаимодействия. Профессор Пекинского университета У Биху обосновал необходимость создания «золотого туристического коридора Шелкового пути» с целью эффективного развития туризма и культурного обмена между государствами – членами.

В октябре 2019 г. вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами – членами, с одной стороны, и КНР – с другой [31]. Документ был подписан в рамках Астанинского экономического форума 17 мая 2018 г. По мнению автора, вступление документа в силу является важным шагом на пути сопряжения инициативы ОПОП и ЕАЭС.

В сентябре 2020 г. в режиме видеосвязи состоялось 15-е заседание Форума ШОС, участники которого обсудили роль этой структуры в борьбе с последствиями пандемии, в том числе в сфере туризма [32]. По мнению генерального секретаря ШОС Владимира Норова, организация обладает большим потенциалом и продолжит свою деятельность по борьбе с последствиями COVID–19.

На Международной конференции по развитию туризма на пространстве ШОС в условиях пандемии (май 2021 г., режим онлайн) Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов отметил пагубное влияние пандемии на туристическую отрасль во всех странах ШОС и подчеркнул важность совместных усилий для скорейшего ее восстановления [33]. 15 июля 2021 г. в г. Душанбе (Таджикистан) в очном формате и формате видеоконференции состоялась встреча руководителей туристических администраций государств – членов ШОС, результатом которой стало подписание Плана совместных действий в новых условиях с целью реализации Программы по развитию сотрудничества государств – членов ШОС в сфере туризма на 2022–2023 гг., что позволит привлечь в государства – члены ШОС дополнительные туристские потоки, улучшит экономическое положение, создаст новые рабочие места [34].

Таким образом, туристическая дипломатия всегда была важным элементом сотрудничества Китая со странами, расположенными в непосредственной близости от ОПОП. В рамках ШОС Китай провел множество мероприятий по развитию туристической дипломатии с Россией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Арменией: «Год туризма», встречи руководителей туристических ведомств стран – членов, подписание программ развития сотрудничества в области туризма, взаимное освобождение от виз и т. д. Туристическая дипломатия

играет очень важную роль в продвижении взаимопонимания, амортизации недопонимания и трений, а также в укреплении связей между народами. Развитие туристической дипломатии содействует сопряжению ОПОП с ЕАЭС. Пандемия оказала негативное влияние на весь мировой туризм, но предпринимаемые в этих условиях коллективные усилия государств – членов ШОС, во многих случаях инициированные Китаем, способствуют быстрому восстановлению туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса шелкового пути и морского шелкового пути XXI века // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html (дата обращения: 03.04.2022).
2. Чжун хуа рен минь гун хэ го юй э луо си лиан банг гуань юй си чоу чжи лу цзин цзи дай цзянь шэ хэ оу я цзин цзи лиан мэн цзянь шэ дуань цзе хэ цзо де лиан хэ шэн мин = Совместное китайско–российское заявление о сопряжении и сотрудничестве в строительстве Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/201505/t20150509_7947566.shtml (дата обращения: 03.04.2022) (на кит. яз.).
3. Чжун э цзун ли ди эр ши ци дин ци хуэй ву лиан хэ гун бао (цюань вэнь) = Совместное коммюнике 20–й регулярной встречи премьер – министров Китая и России (полный текст) // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/201512/t20151218_9337153.shtml (дата обращения: 03.04.2022) (на кит. яз.).
4. Ли Синь. Си чоу чжи лу цзин цзи дай дуань цзе оу я цзин цзи лиан мэн: гун цзянь оу я гун тонг цзин цзи конг цзянь = Экономический пояс Шелкового пути сопрягается с ЕАЭС: построение единого евразийского экономического пространства // Сибирские исследования. 2016. № 4. С. 15–23 (на кит. яз.).
5. Вэй Цзиньшэнь. Оу я цзин цзи лиан мэн де чжи ду шэ цзи юй "и дай и мэн"ду цзе де мо ши юй лу цзин = Модальности и пути сопряжения институционального дизайна Евразийского экономического союза с проектом «Один пояс, один союз» // Исследования международных отношений. 2020. № 2. С. 31–46 (на кит. яз.).
6. Ян Сиянь. Вай го сюэ чжэ ру хэ кан дай "и дай", "и мэн" цзи ци дуань цзе = Как зарубежные ученые рассматривают «Один пояс» и «Один союз» и их сближение // Евразийская экономика. 2018. № 5. С. 38–52 (на кит. яз.).
7. Иванцов А. В. Анализ возможностей и перспектив сопряжения основных направлений развития Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути в контексте формирования новых глобальных экономических партнерств // ЕАЭС и ШОС: по пути взаимовыгодного сотрудничества: материалы международного круглого стола по инновациям в международных исследованиях, Минск, 20 апреля 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 15–21.
8. Чистякова Е. А. ЕАЭС – Китай: новый этап сотрудничества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4. С. 141–149.
9. Шамахов В. А. Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС – «Один пояс, один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 28–33.
10. Морковкин Д. Е. Развитие международных интеграционных процессов в рамках сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «одни пояс, один путь»: проблемы и перспективы // Colloquium – journal. 2020. № 76. С. 28–33.
11. Лю Сянцян. О развитии туристической дипломатии Китая с соседними странами в XXI веке // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч.

ст. Минск, 2021. Вып. 9. С. 43–58.

12. Си Цзиньпин. Си цзиньпин тан чжи го ли чжэн = Си Цзиньпин о государственном управлении // Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. 173 с.

13. Гуань юй гун тонг туй цзинь си чоу чжи лу цзин цзи дай цзянь шэ де лян цзе бэй ван лу = Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению строительства Экономического пояса Шелкового пути // Официальный сайт ОПОП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/bwdt/77007.htm> (дата обращения: 03.04.2022 (на кит. яз.).

14. Чжун бай зай цзин цян шу гун цян "си чоу чжи лу цзин цзи дай" хэ цзо и дин шу = КНР и Республики Беларусь подписали в Пекине соглашение о сотрудничестве в строительстве Экономического пояса Шелкового пути // Официальный сайт ОПОП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/76990.htm> (дата обращения: 03.04.2022) (на кит. яз.).

15. Чжун хуа рен минь гун хэ го хэ я мэи ни я гун хэ го гуань юй цзинь и бу фа чжань хэ шэнь хуа ю хао хэ цзо гуань се де лиан хэ шэн мин цюань вэнь = Совместная декларация КНР и Республики Армения о дальнейшем развитии и углублении отношений дружбы и сотрудничества (полный текст) // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677028/1207_677040/201503/t20150325_8003146.shtml (дата обращения: 03.04.2022) (на кит. яз.).

16. Чжун хуа рен минь гун хэ цзи эр цзи си гун хэ го гуань юй цян ли цюань миан чжань пяо хуо бан гуань се лиан хэ шэн мин = Совместную декларацию об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676548/1207_676560/201806/t20180607_9294310.shtml (дата обращения: 02.04.2022) (на кит. яз.).

17. Шан хай хэ цзо зу чжи ченг юань го лв ю бу мэн лин дао жен ди и ци хуэй и цзе го синь си бао вен = Информационный документ по итогам первой встречи лидеров туристического сектора государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://chn.sectsc.org/news/20150325/48607.html> (дата обращения: 02.04.2022) (на кит. яз.).

18. Чжун э же-е заседание Российско-Китайского комитета по гуманитарному сотрудничеству // Синьхуа [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-10/09/c_128301598.htm (дата обращения: 02.04.2022) (на кит. яз.).

19. Шан хай хэ цзо зу чжи ченг юань го юань шоу ли ши хуэй хуэй и синь вен гун бао = Пресс – релиз заседания Совета глав государств ШОС // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/zywj_683106/201606/t20160625_9388631.shtml (дата обращения: 29.03.2022) (на кит. яз.).

20. Чжун ха цян шу "си чоу чжи лу цзин цзи дай" цян шэ юй "гуан мин чжи лу" синь цзин цзи чжэн се дуань цзе хэ цзо гуй хуа = План сотрудничества по стыковке строительства Экономического пояса Шелкового пути и новой экономической политики Светлого пути // Портал китайского правительства [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-09/05/content_5105546.htm (дата обращения: 29.03.2022) (на кит. яз.).

21. ШОС: сотрудничество в сфере туризма выходит на новую траекторию // Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20170426/260270.html> (дата обращения: 29.03.2022).

22. Ха са кэ си тан" чжун го лв ю нянь" зай а ла му ту ци донг = В Алматы открыт «Год китайского туризма» в Казахстане // Информационное бюро Государственного совета КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/36048/36835/36840/36861/Document/1556893/1556893.htm> (дата обращения: 29.03.2022) (на кит. яз.).

23. Си цзиньпин хуэй цян э луо си цзун тонг пу цзин = Си Цзиньпин встречается с президентом России Владимиром Путиным // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/xgxw_679116/201705/t20170514_9336767.shtml (дата обращения: 29.03.2022) (на кит. яз.).

24. Ха са кэ си тан " чжун го лв ю нянь" зай би му ши зай а си та на лонг чжун джу син = Це-

ремения закрытия «Года китайского туризма» в Казахстане прошла в Астане // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceka/chn/sgxx/sgdt/t1512191.htm> (дата обращения: 26.03.2022) (на кит. яз.).

25. Торжественная церемония открытия Года туризма Беларуси в Китае состоялась в Чунцине // Официальный сайт Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/news/torzhestvennaja-tseremonija-otkrytija-goda-turizma-belarusi-v-kitae-sostojalas-v-chuntsine_i_72645.html (дата обращения: 26.03.2022).

26. Сотрудничество в области туризма // Белорусско–Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству [Электронный ресурс]. URL: http://belaruschina.by/ru/belarus_china/relations/present/humanitarian/sotrudnichestvo-v-oblasti-turizma (дата обращения: 29.03.2022).

27. Бай э луо си си ван куо да дуань хуа лв ю хэ цз = Беларусь надеется на расширение туристического сотрудничества с Китаем // Портал китайского правительства [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-12/23/content_5351317.htm (дата обращения: 03.04.2022) (на кит. яз.).

28. Шан хай хэ цзо зу чжи ченг юань го лв ю бу мэн лин дао жен ди = Встреча лидеров туристического сектора стран – членов ШОС // Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://chn.sectsc.org/news/20180509/419922.html> (дата обращения: 03.04.2022) (на кит. яз.).

29. Си цзиньпин хуэй цзянь бай э луо си цзун тонг лу ка шэнь кэ = Си Цзиньпин проводит переговоры с президентом Беларуси Лукашенко // МИД КНР [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/tpxw/201904/t20190425_268045.shtml (дата обращения: 02.04.2022) (на кит. яз.).

30. Генеральный секретарь ШОС принял участие в панельной сессии по туризму ЕАЭФ // Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20190912/575046.html> (дата обращения: 02.04.2022) (на кит. яз.).

31. Гуань юй 2018 нянь 5 юэ 17 жи цянь шу де "чжун хуа жен минь гун хэ го юй оу я цзин цзи лиан мэн цзин мао хэ цзо се дин шэн сяо де лиан хэ шэн мин (цюань вэнь) = Совместное заявление о вступлении в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами – членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны // Портал китайского правительства [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-10/25/content_5445095.htm (дата обращения: 02.04.2022) (на кит. яз.).

32. Состоялось юбилейное заседание Форума ШОС // Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20200929/679789.html> (дата обращения: 03.04.2022).

33. Состоялась Международная конференция по развитию туризма на пространстве ШОС в условиях пандемии // Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20210528/757183.html> (дата обращения: 03.04.2022).

34. Информационное сообщение по итогам встречи руководителей туристских администраций государств – членов шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20210715/768712.html> (дата обращения: 29.03.2022).

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

А. Н. Мазулина

Министерство экономики Республики Беларусь

ул. Берсона, 14, 220030, г. Минск, Беларусь, anastasiya.mazulina@gmail.com

Улучшение доступа на внешние рынки за счет заключения региональных торговых соглашений является важной компонентой международной повестки Евразийского экономического союза. С момента образования Союза такие соглашения о свободной торговле товарами могут заключаться только в формате «ЕАЭС+». Планы по будущим преференциальным соглашениям ЕАЭС обозначены в Стратегии развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. и Плане мероприятий по ее реализации. Однако контекст разработки данных документов сильно отличается от текущей геополитической и экономической ситуации в мире. Усиление санкционного давления в отношении Республики Беларусь и Российской Федерации как никогда остро ставит вопрос о необходимости диверсификации белорусского экспорта. В статье анализируется актуальность намеченных планов Союза по развитию региональной экономической интеграции с точки зрения интересов Республики Беларусь. Рассматриваются текущие переговорные треки, а также перспективные торговые партнеры ЕАЭС. Отмечена особенность ведения переговоров по торговым соглашениям в условиях приостановки процесса по присоединению Республики Беларусь к ВТО. Предложены дополнительные меры по развитию региональной экономической интеграции для нивелирования последствий санкций.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; региональные торговые соглашения; экономическая интеграция; санкции; внешняя торговля; диверсификация экспорта.*

DEVELOPMENT OF REGIONAL TRADE INTEGRATION OF THE EAEU UNDER SANCTIONS

A. N. Mazulina

Ministry of Economy of the Republic of Belarus,

14 Bersona st., 220030, Minsk, Belarus

Improvement of access to foreign markets through the conclusion of regional trade agreements is an important component of the international agenda of the Eurasian Economic Union. Since the formation of the Union, such agreements on free trade in goods may only be concluded in the EAEU+ format. Plans for future preferential agreements of the EAEU are determined in the Strategy for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025 and the Action Plan for its implementation. However, the context for the drafting of these documents is extremely different from the current geopolitical and economic situation in the world. The strengthening of

sanctions pressure against the Republic of Belarus and the Russian Federation, more than ever, raises the question of the need to diversify Belarusian exports. The article analyzes the relevance of the determined plans of the Union for the development of regional economic integration from the perspective of the interests of the Republic of Belarus. The current negotiation tracks are considered, as well as promising trade partners of the EAEU are examined. Forecast calculated figures are given for the potential growth of Belarusian exports to the markets of negotiating partners. The peculiarity of negotiating trade agreements in the context of the suspension of the process of accession of the Republic of Belarus to the WTO is also noted. Additional measures are proposed to develop regional economic integration to offset the effects of sanctions.

Keywords: *Eurasian Economic Union; regional trade agreements; economic integration; sanctions; international trade; export diversification.*

Республика Беларусь, как малая открытая экономика, критически зависит от эффективности внешнеэкономической деятельности. Внешнеторговая квота нашей страны за последние 20 лет всегда превышала 100 % (кроме 2009 и 2014 гг.). Экономика же соседней России не так зависима от конъюнктуры на внешних рынках (внешнеторговая квота колеблется в пределах 35+ %), в том числе по причине емкого внутреннего рынка [1].

Евразийский рынок, в первую очередь, за счет России, является ядром белорусской внешней торговли. Так, за 2021 г. удельный вес ЕАЭС во внешнеторговом обороте Беларуси составил 50,6 %, достигнув отметки 41,3 млрд долл. США. Вторым по величине торговым партнером Беларуси является Евросоюз. По итогам 2021 г. товарооборот Беларуси с 27 странами ЕС и Великобританией равен 16,7 млрд долл. США (20,5 % белорусского товарооборота). В условиях нарастающего санкционного давления, особенно со стороны Евросоюза, которое также направлено на ограничение внешней торговли Беларуси, перед белорусской экономикой остро становится вопрос оперативной переориентации товарных потоков и диверсификации внешней торговли в целом.

С образованием Евразийского экономического союза Республика Беларусь утратила возможность самостоятельно заключать соглашения о свободной торговле товарами с третьими странами. Так, в соответствии со ст. 35 Договора о ЕАЭС соглашения о свободной торговле товарами могут быть заключены только в формате «ЕАЭС (как блок) + третья сторона». В этой связи, Республика Беларусь в рамках расширения горизонтов внешней торговли исходит из планов Союза [2]. Ориентиры по развитию региональной торговой интеграции на среднесрочную перспективу утверждены Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (далее – Стратегия), одобрены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12, а также Планом мероприятий по ее реализации (утвержден Советом ЕЭК 5 апреля 2021 г.; разделы 11.3 и 11.4).

Важно проанализировать, насколько эти заявленные в 2020–2021 гг. планы сохраняют актуальность в новой реальности 2022 г.

Среднесрочные планы. Текущие переговорные треки

В среднесрочной перспективе планируется завершить начатые ранее торговые переговоры ЕАЭС с Египтом, Индией и Израилем.

Также планируется в торговле с Ираном перейти от временного преференциального соглашения к полноценной зоне свободной торговли товарами. В соответствии с докладами совместных исследовательских групп ожидается, что заключение соглашений о свободной торговле с вышеуказанными странами приведет к росту белорусского экспорта по следующим позициям:

- Египет – молочная продукция, минеральное топливо, транспортные средства, продукция животного происхождения, табачные изделия, алкоголь, сахар, мясо;
- Израиль – мука, молочная продукция, мясная продукция, масло, удобрения, минеральное топливо, транспортные средства;
- Индия – изделия из черных металлов, бумага и картон, пластмассы, нефть и топливо, электрические машины и оборудование, транспортные средства, удобрения [2].

Несмотря на заявленные цели, доля четырех указанных стран в белорусской внешней торговле мала. Без учета торговли с двумя крупнейшими блоками из целевой триады диверсификации белорусского экспорта (а именно со странами ЕАЭС и ЕС (27+1)), доля суммарного объема экспорта Беларуси в Индию, Египет, Израиль, Иран в корзине стран «дальней дуги» за последние 5 лет не превышала 6,87 %, в импорте – 3,99 % [3].

Среднесрочные планы. Перспективные торговые партнеры

В качестве перспективных торговых партнеров государства – члены ЕАЭС договорились инициировать переговоры по товарным соглашениям с Монголией, Индонезией, Алжиром и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

По состоянию на март 2022 г., Монголия и Индонезия поддерживали инициативу ЕАЭС о переходе к преференциальной торговле. Были созданы совместные исследовательские группы (СИГ) по изучению вопроса о целесообразности заключения таких торговых соглашений [4].

Алжир данную инициативу не поддержал. Кроме того, среди членов ССАГПЗ (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия) не было консенсуса о начале торговых переговоров с ЕАЭС по типу «блок – блок». В интеграционной группировке Персидского залива идею о создании преференциальных условий торговли с ЕАЭС поддержали только Объединенные Арабские Эмираты, выступив с предложением о дальнейшей проработке вопроса.

По оценке Евразийской экономической комиссии, заключение соглашений с указанными партнерами позволит нарастить экспорт Беларуси в Индонезию – на 16,0 %, Алжир – 114,8 %, ССАГПЗ – 35,1 %, Монголию – 42,3 %.

Доля рассматриваемых партнеров в белорусской внешней торговле еще меньше, чем с текущими переговорными партнерами (даже за вычетом торговли с ЕАЭС и ЕС). Так, за 2017–2021 гг. удельный вес экспорта в Индонезию, Монголию и ОАЭ в общем объеме экспорта Беларуси в страны «дальней дуги» не превышал 3,17 %, в импорте – 0,63 % [3].

Выход найден?

Очевидно, что в условиях введенных торговых ограничений и санкций, в первую очередь, Европейским союзом, ожидаемый прирост торговли с будущими партнерами по РТС не способен нейтрализовать потери белорусского внешнеторгового сотрудничества с Европейским союзом, который выступал вторым после ЕАЭС торговым партнером Беларуси.

Необходимо отметить, что ни одна из перечисленных стран явно не присоединилась к санкционной повестке против Беларуси и России. Поэтому, несмотря на скромные перспективы, развитие региональной интеграции со странами, обозначенными в Плане мероприятий по реализации Стратегии, в текущих условиях сохраняет актуальность и практическую значимость.

Странам ЕАЭС также было бы выгодно заключение регионального торгового соглашения с Турцией. Нормализация армяно-турецких отношений открывает перспективу впоследствии инициировать переговоры о создании зоны свободной торговли товарами между ЕАЭС и Турцией, что окажет положительное влияние на белорусскую экономику.

По данным Министерства экономики Беларуси, взаимное открытие товарных рынков без изъятий могло бы увеличить экспорт Беларуси в Турцию на 53%, в то время как импорт из Турции вырос бы на 46%. Если будет заключено как соглашение о свободной торговле товарами, так и соглашение о свободной торговле услугами, то экспорт Беларуси в Турцию увеличился бы на 58% или 84 млн долл. США, в то время как импорт вырос бы на 54% или 194 млн долл. США.

Кроме того, необходимо сконцентрировать внимание на полноценной реализации торгово-экономических договоренностей ЕАЭС с Китайской Народной Республикой, которые вытекают из Соглашения от 17 мая 2018 г.

Дополнительные инструменты экономической интеграции

Беларусь, как и все члены ЕАЭС, сохраняет за собой автономию (т.е. национальную компетенцию) в вопросах заключения соглашений о свободной торговле услугами и осуществлении инвестиций. Процесс заключения подобных соглашений с третьими странами проводится независимо от партнеров по Союзу. Единственным условием, прописанным в Договоре о ЕАЭС, является обязательство Республики Беларусь предоставлять партнерам по ЕАЭС такие же уступки, которые предоставляются Беларусью по преференциальному соглашению стране (блоку стран) (ст. 38 Договора и раздел 6 Приложения № 16 к Договору) [5], [6]. В настоящее время переговоры о заключении таких соглашений Беларусью проводятся с Китаем, Турцией, Сингапуром и странами СНГ. Согласно расчетам, заключение Беларусью соглашений о свободной торговле услугами и инвестициях с Сингапуром, Турцией и Китаем позволит увеличить экспорт услуг, как минимум, на 131 млн долл. США, причем в каждом случае наиболее ощутимый эффект получит сектор прочих деловых услуг [7, с. 22].

В складывающихся обстоятельствах в текущих (особенно, с Китаем и Турцией) и будущих переговорных треках важно добиваться реальной либерализации условий доступа на рынки партнеров и получения гарантий для содействия продвижению наших товаров (например, через договоренности в сфере

транспортных, логистических, финансовых услуг, признания ЭЦП и др.). Кроме того, важно зафиксировать привлекательные условия для привлечения в Беларусь инвестиций из стран – партнеров для диверсификации рисков ухода европейского капитала.

Также целесообразно начать проработку вопросов о заключении службно-инвестиционных соглашений с новыми перспективными партнерами, которые сохраняют позитивные и нейтральные отношения с Республикой Беларусь в текущей ситуации.

Все переговорные треки (кроме СНГ) увязаны со вступлением Беларуси в ВТО: ратификация таких соглашений предполагалась только после присоединения к Организации. Однако в конце марта 2022 г. группа стран – 14 членов ВТО выпустила заявление, в котором сообщила о приостановке рассмотрения заявки Беларуси на присоединение к организации [7, с. 20; 8].

В такой конфигурации целесообразно «отвязать» подписание и вступление в силу соглашений о свободной торговле услугами и осуществлении инвестиций от процесса присоединения Республики Беларусь к ВТО в целях их скорейшей имплементации

Таким образом, контуры развития региональной торговой интеграции ЕАЭС, обозначенные в Стратегии, сохраняют свою актуальность даже в условиях внешнего экономического давления на Беларусь и Россию. Тем не менее, очевидно, что заключение соглашений с отобранными странами «дальней дуги» даже при позитивных сценариях не сможет в краткосрочной перспективе нивелировать последствия фактического торгового эмбарго, введенного Евросоюзом в отношении Беларуси.

Ввиду сильной зависимости белорусской экономики от внешнеэкономической деятельности, целесообразно использовать любые появляющиеся «окна возможностей» для создания более благоприятных условий доступа белорусских товаров и услуг на зарубежные рынки, а также диверсификации поставок импортных комплектующих, переориентации логистических цепочек и реформирования сотрудничества в сфере услуг.

Также понимая превалирующую роль союзного рынка в белорусской внешней торговле, Республике Беларусь необходимо продвигать концепцию о важности устранения действующих и предотвращении появления новых препятствий внутри ЕАЭС, особенно в условиях санкционного давления извне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. UNCTADstat Data Center / United Nations Conference on Trade and Development [Electronic resource]. Geneva, 2022. URL: <http://unctadstat.unctad.org> (accessed: 08.04.2022).
2. Соглашения о свободной торговле товарами // Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.economy.gov.by/ru/soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle-tovarami-ru/> (дата обращения: 08.04.2022).
3. Статистика внешней торговли / Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации // Национальный статистический комитет Республики Беларусь (официальный сайт) [Электронный ресурс]. 2022. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/AggregatedDb>. (дата обращения: 08.04.2022).

4. Проводимые переговоры по заключению соглашений о свободной торговле между ЕАЭС и третьими странами // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. 2022. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Статус%20по%20переговорным%20трекам/Проводимые%20переговоры%20сст_сайт_0322.pdf (дата обращения: 08.04.2022).
5. Соглашения о свободной торговле услугами и осуществлении инвестиций // Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.economy.gov.by/ru/torgovlya-uslugami-i-osushchestvleniye-investitsiy-ru/> (дата обращения: 08.04.2022).
6. Договор о Евразийском экономическом союзе // Правовой портал Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 08.04.2022).
7. Мазулина А. Н. Региональные торговые соглашения в сфере услуг – новый инструмент внешнеторговой политики Республики Беларусь // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь № 2. 2022. Минск, Беларусь. С. 16–23.
8. ВТО перестанет рассматривать заявку Белоруссии на вступление в организацию // Газета «Ведомости» [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/03/24/915092-vto-perestanet-rassmatrivat-zayavku-belorussii> (дата обращения: 08.04.2022).

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ ОПОП В ТАДЖИКИСТАНЕ. ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Ю. И. Малевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malevichY@bsu.by*

Статья посвящена рассмотрению роли инициативы ОПОП в трансформации экономики Таджикистана, ее особенностям и результатам. Затрагиваются вопросы осуществления проектов в отдельных отраслях таджикской промышленности и обеспеченности страны энергетическими и водными ресурсами. Выявлена финансовая зависимость Таджикистана от китайских инвестиций и кредитов. Проанализированы некоторые вопросы обеспечения безопасности. Сделан вывод о зависимости развития Таджикистана от сотрудничества с КНР.

Ключевые слова: *КНР; Таджикистан; Инициатива «Один пояс, один путь»; промышленность; инвестиции; безопасность.*

IMPLEMENTATION OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE IN TAJIKISTAN. FEATURES AND RESULTS

Y. I. Malevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the consideration of the role of the OBOR initiative in the transformation of the economy of Tajikistan, its features and results. The issues of implementation of projects in certain sectors of the Tajik industry and the provision of the country with energy and water resources are touched upon. The financial dependence of Tajikistan on Chinese investments and loans has been revealed. Some security issues are analyzed. The conclusion is made about the dependence of the development of Tajikistan on cooperation with the PRC.

Keywords: *PRC; Tajikistan; “OBOR” Initiative; industry; investment; security.*

В планах стратегического политического и внешнеэкономического развития Китая продвижение инициативы ОПОП занимает особое место. Таджикистан первым подписал с Китаем Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению создания ЭПШП в сентябре 2014 г. в ходе государственного визита Председателя КНР в Республику Таджикистан. По итогам этого визита было продекларировано, что основной целью совместной реализации инициативы ОПОП является диалог и контакты по корреляции стратегий и планов развития, продвижение всеобъемлющего сотрудничества, способствующего достижению взаимодополняемости договаривающихся сторон. Подразумевалось, что в ходе осуществления проектов Таджикистан сможет ускорить темпы инновационной индустриализации страны.

Тогда же был подписан Меморандум о сотрудничестве по созданию китайско-таджикостанского промышленного городка, на церемонии подписания которого присутствовали главы Китая и Таджикистана [12]. Основываясь на этом документе, в начале 2015 г. Парламент Таджикистана ратифицировал инвестиционное соглашение между правительством и ООО «Таджикско-китайская горнопромышленная компания» о комплексной разработке месторождения «Северный Зарнисор», включая китайские инвестиции в размере 200 млн долл. США в строительство промышленного городка в Согдийской области [10]. Системообразующим предприятием должен был стать горно-обоганительный комбинат. Согласно двухсторонним договоренностям на обогательном комбинате будут обеспечены рабочими местами с достойным заработком более 1000 граждан Таджикистана [4]. Это позволит Таджикистану увеличить в 20 раз производство в области рафинирования свинца, цинка и меди. Это был первый в Центральной Азии промышленный проект крупного размера, свидетельствующий о реальном намерении КНР осуществить инициативу, позднее сформировавшуюся в ОПОП.

В июне 2016 г. в ходе визита в Узбекистан председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу с Президентом Таджикистана Э. Рахмоном. Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай готов продвигать сопряжение стратегий развития с Таджикистаном и планомерно и уверенно развивать проекты в рамках инициативы ОПОП.

В декабре 2016 г. была утверждена Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г., определившая четыре направления развития: обеспечение энергетической безопасности и эффективное использование электроэнергии, выход из коммуникационного тупика и превращение страны в транзитную страну, обеспечение продовольственной безопасности и доступа населения к качественному питанию, расширение продуктивной занятости [6]. Принятие данной Стратегии подразумевало теснейшее сопряжение с Инициативой ОПОП, как источника инвестиций, технологического и проектного обеспечения. На современном этапе сотрудничество между двумя странами осуществляются в сферах горнорудной промышленности, энергетики, развития транспортной инфраструктуры и сельского хозяйства, что в полной мере сопрягается со Стратегией развития Таджикистана до 2030 г.

В доказательство вышесказанного необходимо отметить, что в 2016 г. введена в эксплуатацию железная дорога «Вахдат-Яван», сооруженная при участии КНР, которая предоставила кредит в размере 51 млн долл. США [5]. Завершение данного проекта позволило сократить время движения из севера до юга на территории Таджикистана на три дня, что имеет неоспоримое значение для развития сельского хозяйства, товарооборота между регионами страны и реализации экспортных задач. Президент Таджикистана Э. Рахмон после ввода в эксплуатацию кластера «Вахдат-Яван», заявил, что он станет частью международных железнодорожных узлов, узлом международного железнодорожного транспорта Китай – Таджикистан – Афганистан – Иран, что обеспечит возможность поступления в бюджет Таджикистана высоких транзитных налогов и усилит контакты с другими странами [1].

Так же необходимо отметить, что вплоть до середины 2010-х гг. Таджикистан испытывал серьезные трудности с энергоснабжением. Для улучшения ситуации в данной области был реализован проект по возведению и вводу в эксплуатацию ТЭЦ «Душанбе-2» мощностью 100 мВт. Строительство второго блока станции оценивалось в 349 млн долл. США, из которых только 17,4 млн – вклад таджикского правительства. Китайская сторона поддержала реализацию проекта усилиями компания «ТВЕА» и предоставила как недостающие средства, так и проектную документацию и сопровождение специалистами. После запуска ТЭС в эксплуатацию на ней на постоянной основе трудятся 700 таджикских граждан [2].

К 2017 г. объем электроэнергии, произведенной ТЭС в Таджикистане, составили 1 млн МВт, что составляет рост на 240 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, а в 2018 г. – 1,3 млн МВт, что еще на 30 % больше. [8]. Проект по строительству и вводу в эксплуатацию ТЭС «Душанбе-2» является классическим примером, иллюстрирующим практическую реализацию инициативы ОПОП.

Особое место в структуре экономики Таджикистана занимает сельскохозяйственное производство, а в частности, хлопководство, где страна занимает 5 место в мире. Это – уникальный стратегический продукт в промышленном кластере страны. Именно в этой стране хлопок считается стратегическими материалом. Но, следует констатировать, что до самого последнего времени сортовая база и перерабатывающие технологии находились в неконкурентоспособном состоянии. Для преодоления сложившейся ситуации в 2014 г. китайской корпорацией «Чжунтай» и Министерством промышленности и новых технологий Таджикистана был подписан Меморандум о сотрудничестве по текстильному развитию, в рамках которого «Чжунтай» и Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК) запустили проект «Сельскохозяйственный текстильный индустриальный парк Чжунтай – Дангара Синь Сылу Текстайл», ставший самым крупным текстильным промышленным парком в Центральной Азии. С внедрением новейшей сортовой базы и инновационного технологического оборудования, предоставленного китайской стороной, парк Чжунтай – Дангара Синь Сылу Текстайл превратится в сверхсовременную текстильную промышленную базу.

Запуск автоматизированных производственных линий в парке «Чжунтай» позволил увеличить переработку хлопка в Таджикистане с 10% от общего объема выращенного продукта до 40%. При этом следует отметить трансформацию качества произведенной хлопчатобумажной пряжи, которое достигло мировых стандартов и позволило реализовывать 90 % продукции за рубежом.

В рамках данного проекта китайская корпорация «Чжунтай» произвела серьезное инвестирование в строительство ирригационных сооружений, что обеспечило мощное орошение полей и водоснабжение более 30 тыс. жителей. Таким образом, можно констатировать, что текстильный промышленный парк стал одним из крупнейших источников иностранной валюты в Таджикистане, гарантировал устойчивое экономическое развитие и способствовал увеличению обеспечения занятости местного населения [11].

Следует согласиться с мнением политолога Рашид Гани Абдулло, что Таджикистан больше любого другого государства Центральной Азии заинтересован в китайских проектах по причине того, что трудности, переживаемые российской экономикой, существенно определили снижение объемов денежных переводов таджикских трудовых мигрантов из России на родину. Других реальных источников эквивалентной компенсации этих потерь, кроме китайских инвестиций, практически нет [9]. Инициатива ОПОП играет важную роль в экономическом развитии Таджикистана.

Тема не менее, положительные аспекты двухстороннего сотрудничества в рамках реализации инициативы ОПОП, омрачаются тревожными моментами. Самым сложным из них является экспоненциальный рост задолженности Таджикистана перед Китаем. Так, по официальной таджикской статистике уже в 2018 г. сумма задолженности составляла более 1 млрд 200 млн долл. США, т.е. более половины объема внешнего долга [7]. Это неоспоримое свидетельство того, что Таджикистан подпадает под финансовую зависимость от Китая.

В 2020 г. в структуре государственного долга Таджикистана китайские заимствования находились на первом месте. Основным держателем госдолга страны является китайский Эксимбанк чуть более 1 млрд 123 млн долл. США. Еще 34 млн долл. страна должна Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Ситуация, с позиции аналитиков МВФ более чем серьезная, но руководство Таджикистана, подняв безопасную планку госдолга с 40% до 60% в 2018 г. утверждает, что кризиса в этой сфере нет и дефолт стране не угрожает. По мнению правительства страны, существует лишь одна возможность вывести экономику в разряд рентабельных – осуществить диверсификацию промышленности и инфраструктуры. И здесь наблюдаются некоторые позитивные сдвиги по уходу от китайской инвестиционной и финансовой зависимости.

В перспективных планах руководства Таджикистана есть 8 крупных проектов, где просматривается отказ от китайских кредитов в сторону более выгодных международных условий:

- Проект «Сокращение энергетических потерь в Хатлонской области» – 20 млн евро,
- Проект «Программа развития энергетической сферы» – 25 млн долл. США,
- Проект «Водоснабжения города Куляб» – 8,9 млн долл. США,
- Проект «Теплоснабжения города Душанбе» – 5 млн долл. США (кредит ЕБРР),
- Проект «Строительство автомобильной дороги Обигарм-Нурабад» – 50 млн долл. США (кредит Asian Infrastructure Investment Bank),
- Проект «Программа экономических реформ Правительство Республики Таджикистан» – 50 млн долл. США (планируется получение кредита у Евразийского фонда стабилизации и развития),
- Проект «Строительство Рогунской ГЭС» – 340 млн евро (планируется получение кредитов у швейцарского банка Credit Suisse и у немецкого банка Landesbank Baden – Wiirttemberg),

– Проект «Реконструкция Нурекской ГЭС. Второй этап» – 50 млн долл. США [3].

В последние годы все чаще отмечается усиление протестных настроений жителей Таджикистана против очевидной зависимости от Китая. Подобный процесс характерен для большинства стран, вовлеченных в реализацию инициативы ОПОП. С целью снижения социальной напряженности таджикское правительство взяло курс на снижение китайской вовлеченности в осуществление серьезных структурных преобразований.

Но отказаться от безвозмездной помощи Китая в рамках осуществления инициативы ОПОП руководство страны не видит возможности. Учитывая современную посэпидемическую ситуацию экономики Таджикистана, Китай безвозмездно помогает строить социальные объекты. В рамках инициативы ОПОП китайское предприятие ТВЕА помогло построить 5 школ, Китайская корпорация по электроэнергетическому строительству – 3 школы. А за счет гранта китайского правительства реализуется проект, включающий 15 городских дорог и 4 моста в Курган-Тюбе и Кулябе. В июле 2019 г. было передано спасательное оборудование, включающее автомобили, канцелярские товары, спасательные корабли и аппаратуру для поддержания экстренного жизнеобеспечения [13].

Нельзя обойти вниманием еще одну важную сферу китайско-таджикского сотрудничества, касающуюся охраны границы и обороны. Таджикистан, имеющий более 1300 километров границы с Афганистаном, большая часть которой пролегает в труднодоступных и трудно контролируемых высокогорных районах, представляет собой потенциальную зону нестабильности. Афганские вооруженные террористические группировки до сих пор имеют возможность проникновения на территорию страны, дестабилизации внутренней обстановки и террористических атак на объекты жизнеобеспечения и инфраструктуры. Китай, вкладывающий ощутимые средства в развитие Таджикистана, заинтересован в поддержании стабильности на территории страны. Уделяя большое внимание сотрудничеству по реализации инициативы ОПОП, Китай, тем не менее, связан с таджикской стороной и обязательствами в рамках ШОС (Шанхайской организации сотрудничества), где проблемы безопасности являются важнейшим критерием участия в организации. Поэтому с целью повышения обороноспособности таджикских вооруженных сил, КНР профинансировал строительство 4 приграничных поста в труднодоступных районах.

Это свидетельствует о заинтересованности КНР не только в экономических проектах, реализуемых в рамках инициативы ОПОП, но и поддержании стабильности и достижении целей устойчивого развития народом Таджикистана. Как неотъемлемая часть Центральной Азии, Таджикистан входит в сферу внешнеполитических и внешнеэкономических интересов современного Китая. Бесспорно, что после прекращения советских экономических и оборонных связей, Китай занял освободившуюся нишу, в том числе, и в Таджикистане. Оказываемая им всесторонняя помощь, безусловно, способствует трансформации архаического состояния экономики страны, росту стабильности, уровня жизни и покупательского потенциала, рассматривая Таджикистан как существенного сырьевого партнера, а так же рынок сбыта своих товаров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. В рамках концепции «Один пояс один путь» мир соединяется построенными Китаем дорогами и мостами // Международное радио Китая. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.cri.cn/3069/2017/02/13/1s596211.htm> (дата обращения: 13.09.2021).
2. Душанбинская ТЭЦ-2 заработала на полную мощность // Asia-Plus. [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20161208/dushanbinskaya-tets-2-zarabotala-na-polnuyu-motshnost> (дата обращения: 18.06.2020).
3. Жизнь взаимности. Кому и сколько должен Таджикистан // CABAR. [Электронный ресурс]. URL: <https://cabar.asia/ru/zhizn-vzajmy-komu-i-skolko-dolzhen-tadzhikistan> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Китай обещает \$500 миллионов и начал строительство обогатительного комбината // Радио Озоди. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.ozodi.org/a/27797314.html> (дата обращения: 01.02.2020).
5. Китай предоставит Таджикистану кредит для строительства железной дороги Вахдат-Яван // Независимое военное обозрение. [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/economics/2014-02-03/4_transport.html (дата обращения: 16.03.2021).
6. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. Душанбе, 2016. URL: [http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus\(FILEminimizer\).pdf](http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus(FILEminimizer).pdf) (дата обращения: 15.07.2020).
7. Отчет о состоянии государственного долга за 2018 год // Министерство финансов Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. URL: http://minfin.tj/downloads/otchet_2018vd.pdf (дата обращения: 13.02.2019).
8. Производство электроэнергии, продажа и потребление, 1991-2018 // Агентство по статистике при президенте республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.tj/ru/tables-real-sector> (дата обращения: 19.06.2020).
9. Рашид Г. А. Таджикистан и «Экономический пояс Великого Шёлкового пути» // Central Asian Monitor. [Электронный ресурс]. URL: <https://camonitor.kz/17805-tadzhikistan-i-ekonomicheskij-poyas-velikogo-shelkovogo-puti-rashid-gani-abdullo.html> (дата обращения: 26.12.2021).
10. Таджикистан и Китай обсудили геологические работы на месторождении «Северный Зарнисор» // Avesta. [Электронный ресурс]. URL: <http://avesta.tj/2015/04/03/tadzhikistan-i-kitaj-obsudili-geologicheskie-raboty-na-mestorozhdenii-severnoy-zarnisor/> (дата обращения: 31.01.2022).
11. Таджикистан: Китайско-таджикский текстильный индустриальный парк «вышивает» Новый Шелковый путь // Новое наблюдение Шелкового пути. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1673/201808/28036618236989.shtml> (дата обращения: 13.08.2021).
12. 中塔工业园区建设启动 为新丝路经济建设代言 = Начали строить китайско-таджикистанского промышленного городка // 人民日报 = Газета «Жэньминь жибао» он-лайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2014/0915/c387602-25662131.html> (дата обращения: 30.10.2020).
13. 中国向塔吉克斯坦援助救灾设备 = Китай предоставляет спасательное оборудование Таджикистану // 观察者网 = Сеть Исследователи. [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1639896645363480445&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 26.01.2022).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А. И. Маркевич

*Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь
ул. Советская, 220010, г. Минск, Республика Беларусь*

В статье рассматривается проблематика Евразийской интеграции на основе тесной взаимосвязи экономического развития и обеспечения безопасности государства. Подчеркиваются три важнейших элемента экономической безопасности: экономическая независимость, стабильность и устойчивость национальной экономики, способность к саморазвитию и прогрессу. Характеризуются приоритеты развития Евразийской интеграции: ускорение формирования общего цифрового пространства; разработка евразийской программы импортозамещения; сопряжение евразийской интеграции с проектом «Один пояс – один путь» и Транспортным Союзом Индии, Ирана и России; переход Евразии к экономике «Углеродной нейтральности». Утверждается, что новые вызовы и угрозы в области безопасности, необходимость экономического развития в сложных санкционных, постпандемийных и предкризисных условиях выводит на повестку дня потребность в интеграционном сотрудничестве, используя не только возможности ЕАЭС, но и Союзного Государства, ОДКБ, СНГ, ШОС и других региональных образований. Аргументируется преждевременность создания межпарламентской структуры в рамках ЕАЭС; подчеркивается, что успешное развитие ЕАЭС во взаимосвязи с межгосударственными постсовесткими структурами способствует поступательному экономическому росту стран – членов ЕАЭС и создает предпосылки для укрепления политических, экономических и культурных связей между постсоветскими государствами.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; Содружество Независимых Государств; экономическая безопасность; Организация Договора о коллективной безопасности; Союзное государство; новые экономические приоритеты ЕАЭС; распад СССР; Беловежские соглашения.*

SOME ASPECTS OF EURASIAN INTEGRATION

A. I. Markevich

*House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus,
Sovetskaya str., 220010, Minsk, Republic of Belarus*

The article deals with the problems of Eurasian integration based on the close relationship between economic development and ensuring the security of the state. Three most important elements of economic security are emphasized: economic independence, stability and sustainability of the national economy, the ability to self-development and progress. The priorities of the development of Eurasian integration are characterized: acceleration of the formation of a common digital space; development of the Eurasian program of import substitution; conjugation of Eurasian integration with the One Belt, One Road project and the Transport Union of India, Iran and

Russia; transition of Eurasia to the economy of "Carbon neutrality". It is argued that new challenges and threats in the field of security, the need for economic development in difficult sanctions, post-pandemic and pre-crisis conditions bring to the agenda the need for integration cooperation, using not only the capabilities of the EAEU, but also the Union State, the CSTO, the CIS, the SCO and other regional formations. The prematureness of the creation of an inter-parliamentary structure within the framework of the EAEU is argued, it is emphasized that the successful development of the EAEU in conjunction with interstate post-Soviet structures contributes to the progressive economic growth of the EAEU member countries and creates prerequisites for strengthening political, economic and cultural ties between the post-Soviet states.

Keywords: *Eurasian Economic Union; Commonwealth of Independent States; multi-directional policy; the Collective Security Treaty Organization; the Union State; new economic priorities of the EAEU; USSR disintegration; Belovezhskiye Agreements.*

Общеизвестно, что безопасность общества зависит от трех важнейших составляющих: политической стабильности, экономического развития и процветания, обороноспособности государства. В нынешней динамично развивающейся обстановке, характеризующейся возросшей нестабильностью и неопределенностью в мире, разрушением старого и трансформацией в новую форму современного мироустройства, вопросы экономического развития, экономической безопасности, наполнение их новым содержанием получили особую актуальность. Соответственно, направления экономического развития и стратегия национальной безопасности государства рассматриваются в самой тесной взаимосвязи. В этой связи российский исследователь Т. Р. Орехова выделяет три важнейших элемента экономической безопасности: **экономическую независимость** как возможность контроля государства за национальными ресурсами, достижение конкурентоспособности производства; **стабильность и устойчивость национальной экономики**, зависящих от защиты собственности, предпринимательской активности, эффективного противодействия криминальным структурам в экономике, недопущения социальных потрясений и т.д.; **способность к саморазвитию и прогрессу** как инвестиционная привлекательность, постоянная модернизация производства, совершенствование трудовых ресурсов [1, с. 21].

Существует точка зрения, что при своевременном проведении в СССР эффективной приватизации, когда основные предприятия имели бы частных хозяев, даже если бы и в партнерстве с государством, экономический интерес к распаду СССР был бы существенно меньше. Такие собственники, скорее всего, были бы заинтересованы в сохранении СССР как единого государства с большим общим рынком. В качестве примера приводится Индия, когда получение ею независимости не изменило структуру собственников ведущих финансово-промышленных групп страны. Советы директоров этих групп, как правило, проходят в Лондоне, то есть глубокая финансово-промышленная кооперация разделенных географически британской и индийской экономик сохранилась.

Однако советский опыт не привел к возможности создания заинтересованных в сохранении СССР региональных элит через эффективную и своевременную приватизацию союзных и республиканских предприятий [2, с. 25].

Говоря об этом периоде нашей истории, необходимо отметить, что к моменту подписания Беловежских соглашений в 1990 г. о полной независимости объявили шесть республик. Между двумя республиками (Азербайджан и Армения) происходил военный конфликт, в Таджикистане началась гражданская война. Поэтому, как бы негативно мы не оценивали Беловежские соглашения, необходимо констатировать, что, в целом, они отражали фактическое положение дел. Но с позиций сегодняшнего дня мы понимаем, что принципиальный правовой порок их состоял в том, что аннулирование Союзного Договора не сопровождалось обязанностью выходящих из СССР стран вернуться к границам, в которых они вошли в Союз [3].

Также важным является то факт, эти соглашения были ратифицированы, не денонсированы и до сих пор имеют юридическую силу. Прекращение деятельности СССР как государства и получение независимости Беларуси, России и Украины, а затем и остальных советских республик, согласно Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 г., впоследствии привели к необходимости создания Содружества Независимых Государств как межгосударственного объединения с общим социально-экономическим пространством, проводящим скоординированную внешнюю политику под объединенным командованием, имеющим общее военно-стратегическое пространство.

Однако необходимо учитывать тот факт, что главной задачей возникших постсоветских республик была необходимость создать все атрибуты независимого государства: урегулирование и правовое закрепление границ, создание вооруженных сил, пограничных и таможенных служб и установление контроля над границами, введение национальной валюты, принятие конституции и необходимых национальных законов, что объективно создавало правовые, административные и экономические барьеры между постсоветскими государствами. Соответственно, основным трендом экономического развития постсоветских республик в 90-е гг. XX в. была дезинтеграция, а не интеграция.

В то же время, СНГ возник как реализация необходимости сохранения кооперационных и иных связей на постсоветском пространстве, в нем пытались реализовать запрос на совместное обеспечение безопасности, осуществление скоординированной внешней и социальной политики.

Кроме того, национальные элиты постсоветских государств для защиты своих доходов от экономической и политической нестабильности и ухода от национального налогообложения стали вывозить капиталы на Запад, обучать там своих детей и определять их на постоянное место жительства, многие сами переехали на Запад на постоянное жительство. Беларусь в этом плане явилась исключением из правил.

То есть, возник мощный слой политического и экономического истеблишмента, когда их личные интересы стали совпадать с интересами Запада, существенно отличаясь от национальных интересов постсоветских государств. Также благодаря большому количеству интеллигенции, которая прошла обучение

на Западе и за счет его финансовой подпитки в виде грантов стала апологетом либерализма на постсоветском пространстве. В нашей стране эти процессы носили ограниченный характер, но в целом в 90-е гг. XX в. большинстве стран СНГ сформировалась влиятельная группа граждан, незаинтересованных в евразийской интеграции.

Республика Беларусь, реализуя общественный запрос на дальнейшее развитие страны как экспортно-ориентированного государства, совместно с Российской Федерацией подписала и реализует на практике договоренности о создании Союзного Государства Беларуси и России. Также наша страна выступила в авангарде формирования, становления и развития евразийской интеграции, результатом которого стало формирование ЕАЭС как итога интеграционных процессов.

Безусловно, ведущая роль в евразийской интеграции принадлежит Российской Федерации, которая является скрепляющим элементом ЕАЭС, и благодаря подписанным соглашениям формируется обширный рынок свободного движения товаров, капиталов, энергетических ресурсов и рабочей силы государств – членов ЕАЭС.

В настоящий момент возникает необходимость наполнения реальным содержанием евразийского экономического пространства, с учетом происходящих на постсоветском пространстве процессов, введением беспрецедентных санкций в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь. 7 апреля 2022 г. на Совете Безопасности Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко подчеркнул: «Экономическая война против Беларуси ведется уже два года. С учетом событий в Украине наступление на нас пошло по всем фронтам: в торговле, финансах, логистике. Главная цель – перекрыть наши экспортные каналы, ослабить через импортные ограничения, чтобы в конечном итоге все это отразилось на благосостоянии нашего населения» [4]. Президент также подчеркнул новые возможности, когда «с уходом западных компаний с рынка Союзного государства высвободились огромнейшие ниши, которые нам предстоит освоить» [4].

По результатам исследований российского ученого М. И. Кротова им предлагается несколько приоритетов развития Евразийской интеграции:

во-первых, ускорение формирования общего цифрового пространства ЕАЭС;

во-вторых, разработка евразийской программы импортозамещения, которая должна дать ответ на санкционное ограничение внешних капиталовложений и доступа к современным технологиям;

в-третьих, сопряжение евразийской интеграции с проектом «Один пояс – один путь» и Транспортным Союзом Индии, Ирана и России. Здесь также важно оцифровать все автомобильные коридоры; внедрить электронные навигационные пломбы для трансграничных, в том числе санкционных грузов; модернизировать автодорогу «Западная Европа – Западный Китай». Для коридора «Север – Юг», где иранские порты готовы принимать индийские грузы, важно реализовать Заявление о разблокировке транспортных коридоров в Закавказье, чему сегодня способствует миротворческая деятельность России;

в-четвертых, переход Евразии к экономике «Углеродной нейтральности». Несколько лет назад, когда США вышли из соглашения по климату и планировали модернизировать действующую индустрию, эта задача не была такой актуальной. Сегодня, когда США так же, как и ЕС, заняли позицию радикального перехода к зеленой индустрии, а КНР приняла программу достижения «углеродной нейтральности» к 2060 г., Евразийскому союзу и России ничего не остается, кроме как полностью включиться в этот процесс. В то же время необходимо форсировать развитие электротранспорта, переходить к водородной энергии. Тем более что водород, получаемый от конверсии метана, в четыре раза дешевле, чем водород, получаемый на базе ветровой энергии. В проекте Концепции развития водородной энергетики до 2024 г., разработанном Минэнерго РФ, предполагается, что к 2050 г. Россия будет зарабатывать от экспорта водорода от 23,6 млрд долл. до 100,2 млрд долл. США. [2, с. 31–32].

Если взять в качестве примера Европейский союз, то его деятельность охватывает все сферы общественной жизни, кроме оборонной, что, безусловно, повышает эффективность органов ЕС, образующих систему разделения властей, таких как Европейский Совет, Европейская комиссия, Европейский Парламент и Европейский Суд. Структура органов управления ЕАЭС включает Высший экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийскую экономическую комиссию, Суд Евразийского союза.

М. А. Кротов утверждает: «Отсутствие евразийской парламентской структуры затрудняет работу по унификации и гармонизации национального законодательства, приведения его в соответствие с евразийским правом. Без парламентского института, утверждающего общий бюджет ЕАЭС, невозможно делегирование евразийскому центру финансово-налоговых, таможенных полномочий, как это имеет место в Европейском союзе. По мере развития евразийской интеграции необходимо расширять полномочия Евразийской экономической комиссии. Наконец, эффективность ЕАЭС сдерживает абстрагирование его деятельности от гуманитарной сферы и вопросов безопасности. Поэтому важно в перспективе расширять сферу деятельности ЕАЭС и активнее развивать взаимодействие ЕАЭС с другими интеграционными объединениями на постсоветском пространстве: ОДКБ, СНГ и Союзным Государством, которые в разной степени охватывают сферы безопасности, политики и культуры. Особенно важно тесное взаимодействие с ОДКБ как в сферах оборонной промышленности, так и в сферах экономической безопасности» [5].

Безусловно, новые вызовы и угрозы в области безопасности, необходимость экономического развития в сложных санкционных, постпандемийных и предкризисных условиях выводит на повестку дня потребность в интеграционном сотрудничестве, используя не только возможности ЕАЭС, но и Союзного Государства, ОДКБ, СНГ, ШОС и других региональных образований. Тем не менее, создание межпарламентской структуры в рамках ЕАЭС, на взгляд автора, преждевременно, поскольку задачи унификации и гармонизации законодательства успешно решаются в рамках Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, Парламентской Ассамблеи ОДКБ, Парламентского собрания Союза Беларуси и России.

В то же время, успешное развитие ЕАЭС во взаимосвязи с ОДКБ, Союзным Государством и СНГ способствует поступательному экономическому росту стран – членов ЕАЭС и создает предпосылки для восстановления твердых политических, экономических и культурных связей между постсоветскими государствами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса: монография / под науч. ред. Т. Р. Ореховой. М.: Инфра-М, 2015. 105 с.
2. Кротов М. И. От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 3. С. 22–34.
3. Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. 2021. URL: [http:// www.kremlin.ru/events/president/news/66181](http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181) (дата обращения: 07.04.2022).
4. Заседание Совета Безопасности Республики Беларусь // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-v-rasshirennom-formate> (дата обращения: 08.04.2022).
5. Кротов М. И., Муниан В. И. Экономическая безопасность России: Системный подход. СПб: Изд-во НПК «РОСТ». 2016. 336 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЦИФРОВОЙ ПОВЕСТКИ ЕАЭС

Д. В. Махнач

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, MakhnachDV@bsu.by*

Целью данной статьи является выявление особенностей и проблем реализации Цифровой повестки Евразийского экономического союза в контексте интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Автором уделяется особое внимание процессу принятия решений в рамках институтов ЕАЭС в цифровой сфере в качестве взаимодействия на наднациональном уровне. Автор приходит к выводу, что реализация проектов и инициатив Цифровой повестки ЕАЭС в целом осуществляются на достаточном уровне, хотя и сопряжена с некоторыми трудностями. При этом некоторые предусмотренные в повестке механизмы требуют гораздо более высокого уровня гармонизации и интеграции, к чему государства – участники ЕАЭС пока не готовы.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; Евразийская экономическая комиссия; Цифровая повестка ЕАЭС 2025; цифровизация; гармонизация; Республика Беларусь.*

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE EAEU DIGITAL AGENDA PROVISIONS

D. V. Makhnach

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The purpose of this article is to identify the features and problems of implementing the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union in the context of integration processes within the EAEU. The author pays special attention to the decision-making process within the EAEU institutions in the digital sphere as interaction at the supranational level. The author comes to the conclusion that the implementation of projects and initiatives of the Digital Agenda of the EAEU as a whole is carried out at a sufficient level, although it is fraught with some difficulties. At the same time, some of the mechanisms provided for in the agenda require a much higher level of harmonization and integration, which the EAEU member states are not yet ready for.

Keywords: *Eurasian Economic Union; Eurasian Economic Commission; Digital agenda of the EAEU 2025; digitalization; harmonization; Republic of Belarus.*

Цифровизация является одним из доминирующих процессов на современном этапе развития мира и общества. Государства – члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) не стали исключением, запустив процесс планирования, создания и последующей реализации политики цифровой экономики, обозначив при этом, что планомерный переход к цифровой экономике

является ключом для экономического роста и развития потенциала ЕАЭС.

Так, за последние годы в государствах – членах ЕАЭС зафиксирован значительный прогресс по многим направлениям цифрового развития [1]. Изначально необходимость в создании общей цифровой повестки в рамках ЕАЭС, помимо национальных программ и стратегий, была сформулирована в 2015 г. В первую очередь, создание единой информационной системы было предусмотрено Договором о ЕАЭС 2014 г., где статья 23 определяет рамки сотрудничества в области обмена информацией в рамках Союза. Также в Приложении 3 к Договору о ЕАЭС содержится Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза, который определяет основополагающие принципы информационного взаимодействия и координации в рамках Союза, а также порядок создания и развития интегрированной информационной системы. Создание единой информационной системы является важным, но не единственным аспектом общей цифровой повестки в рамках ЕАЭС. Поскольку государства – участники ЕАЭС пришли к выводу, что цифровая повестка гораздо шире и не ограничивается взаимодействием в области обработки информации, началась разработка общей стратегии на уровне Союза.

Формально реализация цифровой повестки началась в 2017 г., когда Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 были приняты Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года (далее – Цифровая повестка), в которых были определены цели, принципы, задачи, направления и механизмы сотрудничества государств – членов по вопросам реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. [2].

В дальнейшем государства – члены ЕАЭС и Евразийская экономическая комиссия приняли новые документы и одобрили запуск первых инициатив и проектов в рамках реализации Цифровой повестки. В период с 2018 по 2019 гг. было принято 10 документов, регулирующих реализацию цифровой повестки в ЕАЭС и имеющих скорее технический характер. Ряд документов предписывают Комиссии действовать в определенной области сотрудничества и являются важными с точки зрения координации работы, но не имеют существенного содержания. В целом реализация Повестки была условно разделена на три фазы. Первый этап стратегии преследовал три основные цели: моделирование процессов цифровой трансформации, представление первых инициатив и запуск приоритетных проектов. Второй этап получил название «Создание институтов цифровой экономики, цифровых активов и развитие цифровых экосистем» (2020–2021 гг.). Третий этап запланирован на 2022–2025 гг. и направлен на реализацию проектов цифровой экосистемы и продвижение цифрового сотрудничества на глобальном, региональном, национальном и отраслевом уровнях.

В основном документе «Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза», утвержденном Советом, нет подробного описания целей и задач, которые необходимо выполнить на каждом из этапов. Если оценивать успех первого этапа реализации повестки исключительно на основе положений данного документа, можно сделать вывод о достижении основных целей

в том, что были разработаны первые инициативы и запущены три проекта по реализации повестки, среди которых Экосистема цифровых транспортных коридоров [3], создание Унифицированной системы поиска вакансий «Работа без границ» [4], а также запуск Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий [5]. И хотя начало работы трех проектов можно считать достижением первого этапа реализации Повестки, успех в остальных аспектах является довольно сомнительным.

Одним из иных механизмов, предусмотренных Повесткой, является совершенствование и развитие правовой базы ЕАЭС, прогресс в котором можно назвать достаточно скромным. Например, в рассматриваемый период было принято много правовых актов для координации работы и содействия запуску первых проектов, что можно рассматривать как прогресс. Однако стратегические общие акты, которые регулировали бы более широкие аспекты цифровизации и уточняли распределение компетенций и задач, не были приняты. Изначально Комиссия предполагала более тесное наднациональное сотрудничество и более глубокую интеграцию, в том числе путем гармонизации законодательства и создания новых институтов. Согласно ее видению, на первом этапе ЕАЭС и Комиссия должны были разработать Цифровой кодекс ЕАЭС, Декларацию ЕАЭС о цифровой экономике и соответствующие национальные доктрины, в том числе в области цифровой безопасности, к концу 2018 г. Необходимыми также были разработка национальных планов по гармонизации нормативных актов государств – членов ЕАЭС по регулированию цифровых активов, процессов и инфраструктуры, а также создание и реализация системы единых стандартов в цифровой сфере. В итоге все инициативы по созданию наднациональных институтов были рассмотрены и не нашли отклика у государств – участников ЕАЭС, а компетенция Комиссии ограничилась координацией национальных процессов. Сама Цифровая повестка подчеркивала верховенство суверенитета и ясно давала понять, что государства – члены не готовы к углубленной интеграции.

В 2020 г. в Стратегических направлениях развития Евразийской экономической интеграции до 2025 г. были определены ключевые приоритеты развития ЕАЭС. При рассмотрении реализации данной стратегии, можно проанализировать роль и место цифровой повестки в развитии ЕАЭС в целом, а также степень, в которой ее положения направлены на решение существующих проблем и углубление интеграции. Анализ основных документов, регулирующих реализацию цифровой повестки ЕАЭС, помогает выявить несколько ключевых особенностей этого процесса. Некоторые из этих особенностей играют положительную роль и облегчают процесс интеграции, другие, напротив, создают барьеры, которые часто носят объективный характер и не могут быть быстро устранены, поэтому принимаются во внимание в процессе принятия решений.

Так, важнейшие правовые акты союзного уровня, принятые для содействия реализации Цифровой повестки, подчеркивают приоритет национальных интересов и определяющую роль национальных стратегий развития цифровой экономики. Все решения по реализации цифровой повестки принимаются в рамках межправительственного сотрудничества. Наднациональный уровень ЕАЭС обеспечивает лишь координацию, в то время как ЕЭК не обладает доста-

точной компетенцией и реальными полномочиями по принятию решений. Верховенство суверенитета очевидно и в заявлениях членов ЕЭК, которые подчеркивают усилия, прилагаемые для создания инфраструктуры, основанной на экосистеме национального суверенитета, которая не подразумевает слияния всех в единую платформу, создавая вместо этого распределенную сеть [6]. В связи с этим, проблема заключается в том, что нынешняя Цифровая повестка предусматривает лишь координацию без реальной гармонизации и интеграции, что замедляет темпы интеграционных процессов, затрудняет процесс принятия необходимых изменений и делает его менее эффективным.

Кроме того, в 2014 г., когда был подписан Договор о ЕАЭС, цифровизация еще не была признана одним из главных приоритетов экономического развития. Всего за несколько лет развитие цифровой экономики стало центральным направлением политики государств и международных институтов. Теперь отсутствие положения о цифровизации в Договоре о ЕАЭС создает препятствия для реализации Цифровой повестки, поскольку отсутствуют четко определенные компетенции институтов, а также механизмы финансирования из бюджета Союза. Развитие нормативной правовой базы Союза в области цифровизации было определено в качестве одного из приоритетов для второго этапа реализации Цифровой повестки (2019–2022 гг.), но в настоящее время, несмотря на предложения Комиссии, не обсуждается внесение изменений в Договор о ЕАЭС в этой связи.

Основной целью развития ЕАЭС в 2020 г. стало согласование Стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12. Стратегические направления состоят из общих положений и 330 мер и механизмов, сгруппированных в 11 системных блоков. В целом документ вряд ли можно назвать прорывным с точки зрения развития и углубления интеграционных процессов. Он очень узко расширяет компетенцию наднационального уровня и не способствует углублению интеграции, в основном концентрируясь на продолжении сотрудничества в существующих областях, которые включают торговое и таможенное регулирование, макроэкономическую политику и финансы, промышленность и сельское хозяйство, энергетику, цифровую экономику и транспорт. Реализация Повестки должна, среди прочего, привести к формированию цифрового пространства ЕАЭС [7]. Конкретных предложений по введению Цифровой повестки в качестве отдельной новой главы в Договор о ЕАЭС нет, а это означает, что эта область не будет прямо упомянута в договоре как минимум до 2025 г.

Следующей проблемой, стоящей на пути развития цифровизации в рамках ЕАЭС, является неравномерное развитие его государств – членов в данной сфере. В Беларуси, России, Казахстане, Кыргызстане и Армении можно наблюдать разный уровень доступа к цифровым услугам и технологиям, а также разный уровень разработки национальных цифровых программ. В Республике Беларусь новый закон в сфере регулирования защиты персональных данных «О защите персональных данных» был принят в 2021 г., что приблизило ее к стандартам законодательства в данной сфере [8]. Тем не менее, в настоящее время

не все государства – члены ЕАЭС имеют необходимое регулирование или установленные определения, особенно в области персональных данных и цифровых финансовых услуг, что создает барьеры для интеграции, особенно для создания общих подходов к регулированию развития цифровой экономики.

Из положительных моментов реализации Цифровой повестки ЕАЭС можно выделить достаточный уровень обсуждения данного вопроса в рамках экспертных встреч, конференций и иных площадок, организуемых в рамках Союза. Привлечение экспертов, деловых кругов и других заинтересованных сторон, а также использование опыта высококвалифицированных сотрудников Комиссии является, бесспорно, благоприятной чертой процесса внедрения и развития цифровизации на уровне ЕАЭС. В настоящее время Комиссия управляет несколькими экспертными платформами в ряде областей Цифровой повестки и активно сотрудничает с международными организациями. Например, совместно с Всемирным банком было проведено исследование по разработке цифровой повестки [1]. Также, Пятая панельная дискуссия Евразийского экономического форума–2022, который состоится в мае 2022 г., будет посвящена цифровой повестке ЕАЭС 2.0 и рассмотрит вопросы расширения приоритетов цифровой повестки Союза и наращивания потенциала в сфере информационных и коммуникационных технологий в рамках организации [9].

Таким образом, можно отметить, что при условии аккумуляции усилий по совместной реализации инициатив и проектов Цифровой повестки ЕАЭС становится возможным расширение возможностей государств – членов, граждан и хозяйствующих субъектов в цифровой сфере не только внутри Союза, но и на внешних рынках. Основными особенностями реализации цифровой повестки в ЕАЭС являются верховенство суверенитета, различные уровни цифровизации государств – членов как в рамках доступа к инфраструктуре, так и в положениях нормативной правовой базы, проектных подходах к реализации цифровой повестки, отсутствие цифровой повестки в Договоре о ЕАЭС.

На нынешнем этапе развития Цифровая повестка в рамках ЕАЭС реализуется довольно медленно. Приняты стратегические документы, а также наиболее конкретные акты, обеспечивающие сотрудничество в конкретных областях, но развитию интеграции препятствует отсутствие нормативной базы на уровне Союза, которая регулировала бы более широкие сферы сотрудничества, например, в области управления данными.

Стоит отдельно отметить, что при реализации Цифровой повестки ЕАЭС требуется создание экспертных площадок и сообществ, расширения цифровых связей и создание конкурентных на мировом уровне цифровых платформ. К тому же, государствам – членам ЕАЭС необходимо выработать общую согласованную политику в рамках цифрового развития одновременно на рациональном и наднациональном уровнях для получения максимальной выгоды для всех участников. Также необходимым является создание надлежащей институциональной и правовой основы для реализации цифровой повестки, гармонизация цифровых повесток государств – членов ЕАЭС, а также улучшение координации между национальным и наднациональным уровнями. Предполагается, что реализация совместной Цифровой повестки государствами – участниками

ЕАЭС приведет к таким положительным эффектам, как подъем экономической отрасли и рост производительности в отдельных приоритетных областях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%92%D0%91.pdf> (дата обращения: 27.04.2022).
2. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года // Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953?marker=6560Ю> (дата обращения: 27.04.2022).
3. В 2022 году в ЕАЭС будет создана информационно-коммуникационная «витрина» национальных сервисов экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: <ps://eec.eaeunion.org/news/v-2022-godu-v-eaes-budet-sozdana-informatsionno-kommunikatsionnaya-vitrina-natsionalnykh-servisov-ek/> (дата обращения: 27.04.2022).
4. Единая система поиска вакансий «Работа без границ» с 1 июля запущена в ЕАЭС // ПраймПресс. [Электронный ресурс]. URL: https://primepress.by/news/ekonomika/edinaya_sistema_poiska_vakansiy_rabota_bez_granits_s_1_ilyulya_zapushchena_v_eaes-34857/ (дата обращения: 27.04.2022).
5. Совет ЕЭК утвердил порядок отбора оператора проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий» // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14.07.2020-1.aspx> (дата обращения: 27.04.2022).
6. Министр ЕЭК в интервью СNews – об общих цифровых экосистемах Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России // СNews. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/articles/2020-01-14_ministr_eek_v_intervyu_cnews_ob_obshchih (дата обращения: 27.04.2022).
7. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года № 12. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (дата обращения: 27.04.2022).
8. Организация защиты персональных данных в Беларуси // БЕЛТА. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/roundtable/view/organizatsija-zaschity-personalnyh-dannyh-v-belarusi-1397/> (дата обращения: 27.04.2022).
9. Пятая панельная дискуссия Евразийского экономического форума-2022 будет посвящена цифровой повестке ЕАЭС 2.0 // Интернет-портал СНГ. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/568/100418/> (дата обращения: 27.04.2022).

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОПРЯЖЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ С УЧАСТИЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. Н. Михалёва

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, MikhaliovaT@bsu.by*

В статье рассматриваются нормативно-правовые, организационные, институциональные основы взаимодействия интеграционных объединений с участием Республики Беларусь. Автор анализирует специфику сотрудничества ЕАЭС и СНГ как международных организаций, ЕАЭС и Союзного государства в системе ассиметричной интеграции, приходит к выводу о необходимости совершенствования правовых основ такого взаимодействия в целях гармонизации правовых обязательств и сопряжения интеграционных усилий.

Ключевые слова: *ассиметричная интеграция; Евразийский экономический союз; интеграционное право; международные организации; продвинутая интеграция; региональная интеграция; Содружество Независимых Государств; сотрудничество; Союзное государство.*

LEGAL ASPECTS OF CONJUGATION OF INTEGRATION ORGANIZATIONS TO WHICH THE REPUBLIC OF BELARUS IS A PARTY

T. Mikhaliova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article refers to normative, organizational, institutional legal grounds of interaction of integration entities to which the Republic of Belarus is a party. The author analyses the specifics of cooperation of the EAEU and the CIS as international organizations, the EAEU and the Union States in their asymmetric integration matrix, concludes on the necessity of developing legal frames of the interaction with the purpose of harmonization of legal obligations and conjugation of integration efforts.

Keywords: *asymmetric integration; Eurasian Economic Union; integration law; international organizations; advanced integration; regional integration; Commonwealth of Independent States; cooperation; Union State.*

Полирегионализм – одна из наиболее актуальных тенденций современного мира. Региональное сотрудничество и формирование блоков государств – отнюдь не новая парадигма международных отношений, однако заметно изменяется их роль в разрешении межгосударственных вопросов, в том числе влияние на общемировую повестку, а содержание и концепция их деятельности выходит за пределы традиционного сотрудничества и преобразуется в региональное интеграционное взаимодействие. Как справедливо подчеркивают в док-

трине, «сегодня именно региональная интеграция выступает фактором утверждения государств в качестве влиятельных субъектов международных отношений» [1, с. 52].

В правовом поле этих преобразований уже можно наблюдать заметные сдвиги в институционализации такого рода объединений, юридизации их деятельности и взаимодействия с национальными правовыми системами государств – участников, конституционализации права региональной интеграции. В ближайшее время можно предположить изменения и в юридическом обеспечении внешней деятельности таких объединений, укреплении их международной правосубъектности. Также, важным представляется выстраивание архитектуры взаимодействия и сопряжения интеграционных объединений внутри региона, поскольку множественность и пролиферация интеграционных объединений – распространенное явление в большинстве регионов [2, с. 4]. В евразийском регионе на самом высоком уровне обращают внимание на важность этих процессов: «в целях реализации идеи БЕП (*Большого Евразийского пространства – прим. Т. М.*) путем создания бесшовного правового пространства актуальными могли бы стать введение нотификации двусторонних соглашений государств ЕАЭС с третьими странами, а также гармонизация правового поля ЕАЭС с другими объединениями, в которые входят страны Союза (например, СНГ, ШОС и др.)». [3]

Республика Беларусь – активный участник региональных процессов евразийского пространства: Союзное государство (СГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Каждая из организаций обладает своей компетенцией и объемом полномочий, структурой и системой функционирования.

Данные международные организации в пределах своей специальной международной правосубъектности осуществляют международное сотрудничество, в т. ч. путем заключения соответствующих соглашений. Так, с 2004 г. действует Соглашение о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и Секретариатом Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ. Среди инструментов, опосредующих взаимодействие, есть и недоговорные – например, 17 сентября 2021 г. подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Секретариатом ШОС, который «не создает прав и обязательств, регулируемых международным правом».

С точки зрения целевых и функциональных характеристик СНГ в большей степени характеризуется как международная региональная организация постдезинтеграционного типа широкой компетенции в социально-гуманитарной, социально-экономической, торгово-экономической сферах. Система ДКБ задумывалась как военно-политическое направление деятельности в рамках СНГ [4, с. 21], затем ОДКБ стала международной региональной организацией, функционирующей для укрепления мира, безопасности и стабильности, защиты на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств – членов.

Отчасти, особенно в торгово-экономическом отношении направления деятельности СНГ и ЕАЭС пересекаются. Так, ТН ВЭД ЕАЭС базируется на ТН ВЭД СНГ, зона свободной торговли в рамках СНГ – это пример одной из первичных (по Б. Балашша) стадий экономической интеграции, а более продвинутые уровни были выстроены сначала в рамках ЕврАзЭС, а затем – ЕАЭС. В апреле 2021 г. была создана рабочая группа по сопряжению права ЕАЭС и договорно-правовой базы СНГ. По инициативе Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 14 и 15 октября 2021 г. последовательно состоялись заседания Высшего Евразийского экономического совета и Совета глав государств СНГ. Детальное внимание взаимодействию ЕАЭС и СНГ уделяется в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11.12.2020 г. (далее – Стратегия-2025), и Плана мероприятий по их реализации, утвержденном распоряжением Совета ЕЭК № 4 от 05.04.2021 (ред. от 17.03.2022 г., далее – план по реализации Стратегии-2025).

В свою очередь, СНГ и ЕАЭС – организации региональной интеграции с плотно пересекающейся предметной компетенцией, главное отличие которых – в целях и ценностях, особых механизмах нормотворчества и реализации создаваемого права, соответствующем организационно-институциональном построении, результирующим эффектом которых является формирование самостоятельных правовых систем, обладающих комплексным нормативным, организационным и институциональным содержанием. В силу этого сопряжение права СНГ и права ЕАЭС носит тем более сложный характер. Сегодня часто указывают на то, что СНГ на современном этапе – модель для всего ЕАЭС, что делает крайне актуальным доктринальное осмысление, а затем и политико-правовое закрепление гармонизации этих интеграционных процессов.

Теоретически можно говорить об асимметричной модели интеграции. Исходя из критерия субъекта асимметричная интеграция бывает разноразностной, из критерия объекта – разноразностной. В теории европейской интеграции употребляют также термин дифференцированная интеграция [5]. Можно выделить следующие ее подвиды в зависимости от ключевого фактора дифференциации: времени, пространства или функций (темпоральная, пространственная или функциональная дифференцированная интеграция). Процессы асимметричной интеграции наблюдаются в различных регионах, при этом нередко указывают, что «будущее за реализацией принципа разноразностной и разноразностной интеграции и в поиске новых правовых форм и конструкций для перспективных интеграционных образований» [6].

Пример разноразностной интеграции можно найти во многих евразийских актах различных периодов. Так, в ст. 27 Договора от 29 марта 1996 г. было указано, что государства – участники, «признавая возможность разноразностной интеграции в рамках Содружества Независимых Государств, могут подписывать двусторонние и многосторонние соглашения, обеспечивающие более продвинутые интеграционные отношения в политической, экономической и иных областях». При формировании Единого экономического пространства также была заложена возможность асимметричной интеграции, однако совершенно

обоснованно были введены правила разноуровневого и разноскоростного движения. Статья 5 Соглашения о формировании ЕЭП 2003 г. гласила: «ЕЭП формируется поэтапно, с учётом возможности разноуровневой и разноскоростной интеграции. Переход от одного этапа к другому осуществляют те Стороны, которые в полном объеме выполнили мероприятия, предусмотренные в предыдущем этапе Комплекса основных мер по формированию Единого экономического пространства. Стороны присоединяются к международным договорам, обеспечивающим формирование и функционирование ЕЭП, по мере готовности. При этом каждая Сторона должна соблюдать согласованную последовательность присоединения к таким международным договорам. Ни одна из Сторон не может препятствовать другим Сторонам ускоренно продвигаться к более высокой степени интеграции». Таким образом, в евразийском регионе было изначально установлено, что интеграция будет развиваться по ассиметричной модели. Нормативно было закреплено важнейшее положение о поэтапности интеграции. Действительно, теория поэтапной интеграции доказывает, что невозможно перейти к экономическому союзу, если не реализована зона торговли без барьеров и изъятий, если не унифицированы законодательство и практика таможенного регулирования. Также, нецелесообразно переходить к валютному союзу, если полноценно не действует экономический союз. Такие положения легитимизируют ассиметричную интеграцию *внутри* союза, однако не отвечают на вопрос о том, как осуществлять взаимодействие с внешними схожими по компетенции и составу интеграционными объединениями.

В настоящее время в Договоре о ЕАЭС 2014 г. статьей 114 в самом общем виде урегулированы два аспекта: условия заключения любых международных договоров государствами – членами, а также условия заключения и реализации двусторонних международных договоров, предусматривающих более глубокий уровень интеграции или дополнительные преимущества в пользу физических или юридических лиц. Второй пункт данной статьи относится как раз к ситуации ЕАЭС – СГ. При этом мы полагаем сделать два важных (и на наш взгляд обоснованных) допущения. Во-первых, несмотря на то, что данной нормой урегулировано лишь соотношение договорных режимов, с учетом учредительного характера Договора о ЕАЭС мы распространяем это положение на все нормативные и институциональные аспекты деятельности. Несмотря на то, что Договор – это источник права для ЕАЭС, и Россия, и Беларусь, являясь государствами – учредителями, принимали участие в разработке положений данного Договора, поэтому сформулированное обязательство распространяется в том числе на соотношение права ЕАЭС и права СГ.

Двусторонние соглашения между участниками многостороннего договора – это соглашения *inter se*, допустимые с точки зрения международного права (ст. 41 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.). Комиссия международного права указывает на два вида правовых отношений: «общие отношения», применимые ко всем участникам многостороннего договора, и «специальные» отношения, применимые к двум или более участникам соглашения *inter se*... Взаимосвязь между общим и специальным аналогична взаимосвязи между *lex generalis* и *lex specialis*. [7] Таким образом, с точки зрения вы-

страивания соотношения права ЕАЭС и права СГ можно сделать вывод о том, что обязательства в рамках СГ реализуется Беларусью и Россией как специальные при условии, что они не затрагивают осуществление ими и другими государствами – членами своих прав и выполнение обязательств по Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза.

Как отмечает С. Ю. Глазьев, в отношении формирования единого экономического пространства наднациональные функции Беларусь и Россия делегировали и Союзному государству, и ЕАЭС, и обе интеграционные структуры построены на одинаковых принципах добровольности, взаимовыгодности, прозрачности, уважения суверенитета сторон, дополняемости конкурентных преимуществ. Одновременно «в самом СГ это общее экономическое пространство дополняется целевыми программами совместной реализации перспективных направлений НТП, а также наднациональными форматами работы союзного Правительства и объединенных коллегий правоохранительных органов». [8, с. 36]. В Стратегии-2025 и плане ее реализации большая международная повестка, в том числе с СНГ, однако СГ и работа в направлении взаимодействия в них не упоминается, тем самым можно констатировать внутренний и специальный характер данного интеграционного формата.

Анализ Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг., утвержденных Декретом Высшего Государственного совета Союзного государства № 6 от 04.11.2021, позволяет заключить, что СГ в своей деятельности по тем направлениям, которые входят в компетенцию ЕАЭС, намерен ориентироваться на общие обязательства, в том числе международные договоры в рамках ЕАЭС, акты органов ЕАЭС (см., например, положения Союзной программы по интеграции информационных систем по маркировке товаров). В то же время обозначены и вопросы, которые в инициативном порядке подлежат изменению в праве ЕАЭС: так, п. 5 Союзной программы по унификации регулирования транспортного рынка обозначено внесение необходимых изменений в Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС 2017 г. Сопоставление формулировок этих двух стратегических документов в рамках ЕАЭС и СГ подтверждает вывод о том, интеграция в рамках СГ является более продвинутым уровнем интеграции, обязательства в рамках которого соподчинены с обязательствами в рамках ЕАЭС, обеспечивая тем самым встречный процесс взаимного влияния двух правовых систем интеграционных объединений.

Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Постоянным Комитетом Союзного государства 2012 г. несмотря на то, что не является международным договором и источником обязательств (ч. 1 п. III), тем не менее, формирует организационную рамку взаимодействия, его направления и формы.

В качестве сравнения с зарубежным опытом правовой архитектуры многоуровневой асимметричной интеграции кратко можно обратить внимание на основы взаимодействия в европейском регионе Европейского союза (ЕС) и Бенилюкс (формируют три государства, являющихся одновременно и государствами – учредителями Европейских сообществ, и затем ЕС), ЕС и Европейской

зоны свободной торговли (включающей государства, не входящие в ЕС – Исландию, Лихтенштейн, Норвегию). Так, Бенилюкс был создан гораздо ранее Европейских сообществ, в 1944 г., однако цели и задачи были весьма схожи. Несмотря на схожесть и пересечение задач, эта организация продолжает существовать и активно действовать, ее часто называют «тестовой площадкой» или «лабораторией» европейской интеграции. Примечательно, что в ст. 350 Договора о функционировании ЕС статус Бенилюкс в рамках европейской интеграции урегулирован – данный региональный союз реализует свои цели в той мере, в которой они не достигаются путем применения учредительных договоров ЕС. Одним из ярких примеров продвинутого взаимодействия именно в рамках Бенилюкс приводят свободу движения лиц, в том числе признание квалификаций, отмечают более тесное сотрудничество по вопросам правовой помощи, правоохранительных органов, цифровизации, в энергетической сфере, инспектировании грузовых и пассажирских перевозок, сотрудничества между регионами на местном уровне. Также, обращает на себя внимание практика совместных заявлений от государств Бенилюкс в рамках ЕС в качестве дополнительного политического инструмента обозначения позиции. [9]

Анализ ряда региональных интеграционных объединений и способов обеспечения ассиметричной интеграции в их рамках позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, государства активно используют традиционные способы сотрудничества международных межправительственных организаций (в доктрине к ним относят обмен документами, консультации, направление наблюдателей, совместное использование органов, совместное использование «человеческих ресурсов», оказание материально-технической помощи [10, с. 5]). Во-вторых, государства – члены и сами международные организации интеграционного типа предпринимают усилия по встречной гармонизации правовых обязательств. Для этих целей зачастую прибегают к таким способам как нотификация, уведомление, выработка совместных предложений по совершенствованию правовой базы.

Таким образом, международные региональные объединения с участием Республики Беларусь охватывают самые разнообразные сферы сотрудничества, при этом к интеграционным объединениям относятся СНГ и ЕАЭС. В рамках СНГ действует зона свободной торговли, однако в целом эта международная организация относится к постдезинтеграционному типу объединений. К настоящему времени правовые основы взаимодействия ЕАЭС и СНГ предусмотрены Стратегическими направлениями-2025 и сосредоточены на развитии механизмов экономического сотрудничества с государствами – членами СНГ (п. 11.5). Там же очерчены организационное и институциональное сотрудничество ЕАЭС и СНГ как международных организаций, подтверждаемые Меморандумом об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Исполнительным комитетом Содружества Независимых Государств 2018 г. и Планом мероприятий по его реализации на 2021–2022 гг. ЕАЭС и СНГ – региональные организации интеграционного типа, основы их взаимодействия четко не регламентированы. Выводы о совместимости и взаимодействии права этих объединений можно сформулировать исходя из заключительных положений

Договора о ЕАЭС. Источники права СГ действуют как *lex specialis* по отношению к источникам права ЕАЭС для России и Беларуси, однако в силу ст. 114 Договора подчинены необходимости соответствия Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза. Организационное и институциональное взаимодействие основано на сотрудничестве Постоянного комитета СГ и ЕЭК, соответствующий меморандум был заключен в 2012 г. Вместе с тем, учитывая интенсивный этап развития СГ и полномасштабную реализацию Стратегии ЕАЭС–2025, следует более четко определить механизмы институционального и организационного взаимодействия СГ и ЕАЭС, правила избежания коллизий норм права СГ и права ЕАЭС, возможность формирования не только двусторонних, но и многосторонних правовых режимов продвинутой интеграции в отдельных направлениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карпович Н. А. Союзное государство Беларуси и России: конституционно-правовые аспекты // Союзное государство: достижения, проблемы, перспективы. Научно-практическая конференция, посвященная 20-летию подписания Договора о создании Союзного государства. Сборник материалов. М., 2020. С. 52–59.
2. Михалёва Т. Н. Правовое регулирование региональной экономической интеграции: вызовы и перспективы. Минск: Институт радиологии, 2016. 196 с.
3. Мясникович М., Ковалёв В. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции. К десятилетию Евразийской экономической комиссии // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2581> (дата доступа: 12.03.2022).
4. Бордюжа Н. Организация Договора о коллективной безопасности – надёжный инструмент в борьбе с терроризмом на Евразийском пространстве // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 21–25.
5. Dyson K., Sepos A. Which Europe? The Politics of Differentiated Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 408 p.
6. Пастухова Н. Б. Единое экономическое пространство, некоторые конституционно-правовые проблемы создания Евразийского союза. Консультант Плюс Россия, 2016.
7. Глава X. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права // Комиссия международного права ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2004/russian/chp10.pdf> (дата доступа: 22.03.2022).
8. Глазьев С. Ю. Союзное государство как оптимальная форма нового мирохозяйственного уклада // Союзное государство: достижения, проблемы, перспективы. Научно-практическая конференция, посвященная 20-летию подписания Договора о создании Союзного государства. Сборник материалов. М., 2020. С. 36–39.
9. Why we need the Benelux // Secretariaat-Generaal Benelux Unie [Electronic resource]. URL: https://diplomatie.belgium.be/en/policy/policy_areas/highlighted/cooperation/why_we_need_benelux (date of access: 15.04.2022).
10. Рудько Е. С. Правовой механизм сотрудничества международных межправительственных организаций : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.10; Белорусский государственный университет, 2017. 23 с.

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. В. Русакович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, andrei.rusakovich12@gmail.com*

В статье рассмотрены вопросы деятельности Союзного государства в условиях новой геополитической реальности. Автор отмечает, что отличительной чертой последнего времени стало ускорение процессов интеграции Беларуси и России в рамках Союзного государства, реализация совместных мероприятий по минимизации политических и экономических последствий ограничительных мер со стороны государств Запада.

Ключевые слова: *интеграция; санкционная политика; Союзное государство; союзные программы; экономическое взаимодействие.*

UNION STATE AT THE CURRENT STAGE

A. Rusakovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the activities of the Union State in the new geopolitical reality. The author notes that the hallmark of recent times has been the acceleration of the integration processes of Belarus and Russia within the framework of the Union State, the implementation of joint measures to minimize the political and economic consequences of restrictive measures by Western states.

Keywords: *integration; sanctions policy; Union State; union programs; economic interaction.*

Союзное государство в общей системе интеграционных объединений на постсоветском пространстве является наиболее продвинутым проектом экономической, военно-политической, социальной интеграции, укрепившим отношения стратегического союзничества между Беларусью и Россией. В настоящее время внутривнутриполитические и внешнеполитические факторы обусловили существенную активизацию деятельности Союзного государства. Новая геополитическая реальность, сложившаяся в регионе в начале 2022 г., поставила задачу о новом качестве интеграции, основные усилия сосредоточены на ее углублении и адаптации в плане устойчивости ко всем внешним вызовам и рискам, обеспечения коллективной безопасности Беларуси и России в рамках Союзного государства, укреплении координации внешней политики двух государств. В феврале – апреле 2022 г. страны Запада ввели в действие ряд санкционных мер в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь, которые привели к ограничению политического, экономического взаимодействия. В этих условиях руководство России и Беларуси продолжило активную работу по укреплению

военно-политического, экономического взаимодействия в формате Союзного государства.

Значительный импульс интеграции двух стран был придан решениями Высшего государственного совета Союзного государства 4 ноября 2021 г., в ходе которого были приняты: Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. и Союзные программы, являющиеся их неотъемлемой частью; Военная доктрина; Концепция миграционной политики Союзного государства. Союзные программы, которые предполагается реализовать к концу 2023 г., предусматривают сближение макроэкономической политики, согласованную политику в социально-трудовой сфере, унификацию и гармонизацию правовой базы в ряде областей, формирование объединенных рынков газа, нефти и нефтепродуктов, электрической энергии и развитие атомной энергетики, а также переход к единой аграрной и промышленной политике. Выполнение союзных программ существенно ускорит формирование единого экономического пространства в рамках Союзного государства [1]. Военная доктрина определяет военно-политические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности, основы организации и обеспечения совместной обороны Союзного государства, а также факторы, оказывающие негативное влияние на развитие военно-политической обстановки и основные внешние военные опасности [2]. Концепция миграционной политики Союзного государства определяет принципы, цели, задачи, приоритетные направления и механизмы реализации миграционной политики государств – участников [3].

Основные направления взаимодействия двух государств на международной арене определены в Программе согласованных действий в области внешней политики государств – участников Договора о создании Союзного государства на 2022–2023 гг. Оба государства сформировали общие подходы относительно развития международной системы и глобальной безопасности; выступают с единых позиций в ООН и других международных организациях; активно взаимодействуют в интеграционных объединениях постсоветского пространства; совместно организуют активную работу по информационной безопасности, противодействию попыткам, фальсификации истории; взаимодействуют по вопросам контроля над вооружениями и разоружения; выступают с единых позиций относительно продолжающегося наращивания военной инфраструктуры НАТО на границах Союзного государства [4].

Взаимодействие двух стран в области обороны приобрело в последнее время новое качество. В ноябре 2021 г. на предыдущих условиях была продлена на 25 лет аренда российских военных объектов на территории Беларуси – узел связи Военно-морского флота России «Вилейка», радиолокационная станция «Волга». В сентябре 2021 г. на территории Беларуси прошли масштабные белорусско-российские учения «Запад – 2021», в феврале 2022 г. – учения «Союзная решимость – 2022». План сотрудничества двух стран в военной сфере на 2022 г., утвержденный на совместной коллегии министерств обороны в октябре 2021 г., включает 139 совместных мероприятий [5, с. 19]. При содействии рос-

сийской стороны осуществляется модернизация Вооруженных сил Республики Беларусь.

Традиционно высокий уровень интеграции Беларуси и России характерен для торгово-экономической сферы. Россия по итогам января – марта 2022 гг. являлась основным внешнеторговым партнером Беларуси; доля РФ в общем товарообороте Республики Беларусь составила 53,4 % (9,434 млрд долл. США), отрицательное сальдо для Беларуси сформировалось в размере –1,620 млрд долл. США [6]. Объем белорусского экспорта в РФ составил 3,9068 млрд долл. США (45 % всего белорусского экспорта), импорта из РФ – 5,5268 млрд долл. США (62 % всего белорусского импорта).

Россия является основным зарубежным инвестором белорусской экономики. В январе – марте 2022 г. из России в республику поступило около 1,2882 млрд долларов США инвестиций – 37,7% от всех поступивших зарубежных инвестиций [7].

Оба государства эффективно развивают сотрудничество в энергетической сфере, основой которого являются индикативные балансы топливно-энергетических ресурсов. Ежегодный баланс поставок нефти из России в Беларусь в 2017–2024 гг. согласован на уровне 24 млн т. [8]. В соответствии с договоренностями на высшем уровне, цена на природный газ для Беларуси в 2021–2022 гг. сохраняется на уровне 128,5 долл. США за тыс. куб. м. Одним из крупнейших инвестиционных проектов России в Беларуси является строительство Белорусской АЭС.

В конце 2020 – начале 2022 г. в связи с ограничительными решениями Европейского союза и США сформировался комплекс проблем, которые привели к фактическому прекращению транзита белорусских нефтепродуктов и калийных удобрений через порты государств Балтии. В этих условиях правительства Беларуси и России приняли решение об организации альтернативных маршрутов и налаживании соответствующей инфраструктуры через российские порты. В феврале 2021 г. Беларусь и Россия подписали межправительственное соглашение об организации сотрудничества в области перевозки и перевалки белорусских нефтепродуктов, предназначенных на экспорт в третьи страны, через морские порты Российской Федерации. 16 мая 2022 г. во время встречи президентов Беларуси и России в Москве был обсужден вопрос перевалки грузов Беларуси в портах России и строительство белорусского порта под Санкт-Петербургом в районе порта Бронка [9].

Обеспечению равных прав граждан двух стран является одним из приоритетов в деятельности Союзного государства. Договор о равных правах граждан 1998 г. установил равные права и свободы для граждан двух государств: на участие в хозяйственной деятельности, на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-правовых гарантий, на социальное обеспечение, медицинскую помощь и доступ к услугам лечебно-оздоровительных учреждений на территориях Беларуси и России. Также должна быть обеспечена доступность и равные права граждан в получении среднего, среднего специального, высшего и послевузовского профессионального образования. Граждане двух стран обладают возможностью совершать взаимные поездки по внутренним

национальным документам, находиться на территории другого государства без регистрации и постановки на миграционный учет в течение 90 дней. Установлены равные права на поступление в вузы, признаются документы об образовании государственного образца. С 2021 г. в России признаются результаты централизованного тестирования белорусских абитуриентов [10].

Специальная военная операция Российской Федерации в Украине актуализировала вопросы укрепления безопасности для России и Беларуси, развития Союзного государства в целом. Как отметил Президент России В. Путин, данное решение являлось вынужденным шагом, Россия должна была на него пойти из-за возросших рисков собственной безопасности. Руководство Республики Беларусь было проинформировано о начале операции, по линии Союзного государства были приняты решения по ее обеспечению [11].

24 февраля 2022 г. Президент Беларуси в ходе оперативного совещания с военными отметил важность соблюдения двусторонних договоренностей и обязательств Беларуси и России в рамках Союзного государства и подчеркнул, что «у нас есть свои задачи, которые, кстати, совместимы с тем конфликтом и с той операцией, которую Россия проводит в Украине. Нам надо закрыть свою спину там, и чтобы они действительно не вошли в тыл российской группировке». Белорусские военнослужащие не принимают участие в операции. Как подчеркнул Президент Беларуси, «наших войск там нет, но, если это надо будет Беларуси и России, они будут» [12]. Глава белорусского государства высказался за разрешение конфликта политическим путем: «мы славяне, три славянских народа. Давайте сядем и решим свою судьбу на будущее, навсегда... это единственный шанс сегодня остановить эскалацию и избежать кровопролитной войны» [12]. Сразу после начала специальной военной операции Президент Беларуси А. Лукашенко провел серию контактов на высшем уровне, которые 27 февраля привели к организации в Беларуси российско-украинских переговоров.

11 марта президенты Беларуси и России обсудили ситуацию в мире, в регионе, актуальные вопросы двусторонних отношений, выстраивание взаимодействия в связи с жестким давлением Запада и США и гибридной войной, связанной против России и Беларуси [13]. Были согласованы совместные шаги по взаимной поддержке в связи с санкционным давлением, в том числе по ценам на энергоносители, приняты решения по усилению кооперации в промышленности, финансовой сфере, сельском хозяйстве, осуществлении грузоперевозок между странами. Особое внимание на переговорах было уделено развитию военно-промышленного комплекса и обороны Союзного государства, стороны договорились о поставках Россией в Беларусь современной военной техники. Беларусь взяла обязательства по наращиванию в Россию поставок сельскохозяйственной, пассажирской техники, другой машиностроительной продукции. Как заявил Президент Беларуси по окончании переговоров, Россия пошла на «серьезнейшие и беспрецедентные шаги по поддержке экономики нашей страны» [13].

В развитие принятых решений правительства Беларуси и России подготовили пакеты мер по преодолению санкционного давления, поддержке экономики, развитию кооперации и импортозамещения, перенастройке логистических

цепочек и переходу на новый механизм сотрудничества на внешнеэкономическом поле.

12 апреля в ходе очередной встречи глав государств Беларуси и России Президент Российской Федерации В. Путин отметил, что «Беларусь и Россия будут вместе формировать инфраструктуру космодрома, которая гарантирует Союзному государству независимый выход в космос» [14]. Как отметил белорусский Президент «реагируя на текущие проблемы, мы уже сегодня должны смотреть в завтрашний день, закладывать принципиально новую экономическую стратегию развития строительства Союзного государства на долгосрочную перспективу» [14].

16 мая 2022 г. в Москве президенты Беларуси и России А. Лукашенко и В. Путин провели встречу, на которой были обсуждены вопросы организации совместной работы по импортозамещению, перевалки грузов Беларуси в портах России и строительство белорусского порта под Санкт-Петербургом, развития оборонно-промышленного комплекса, включая совместную работу в области ракетостроения [9].

Таким образом, Союзное государство Беларуси и России в условиях новой геополитической реальности подтвердило свою эффективность и устойчивость в качестве формы реализации стратегического союза двух государств. Руководство Беларуси и России в последнее время приняло ряд решений об углублении интеграции и взаимодействия, что позволяет формировать основные направления развития Союзного государства в сложных и неблагоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021 – 2023 годы. Утверждены Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2022.
2. Военная доктрина Союзного государства. Утверждена Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2022.
3. Концепция миграционной политики Союзного государства. Утверждена Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2022.
4. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2021 году // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. [Электронный ресурс] 2022. URL: <https://mfa.gov.by/publication/reports/cbf15c16cbf71ac6.html> (дата обращения: 09.02.2022).
5. Бруснев М. Союзное государство принимает новую Военную доктрину // Союзное государство. 2021. № 10. С. 19–22.
6. Внешняя торговля товарами республики Беларусь в январе – марте 2022 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2022/infografics-foreign_trade-2203.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

7. Об иностранных инвестициях в январе – марте 2022 г. Инвестиции в Республику Беларусь из-за рубежа // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/ob_inostrannykh_investitsiyakh_v_yanvaremarte_2022_g/ (дата обращения: 16.05.2022).
8. Об индикативных балансах топливно-энергетических ресурсов Союзного государства. Постановление Совета Министров Союзного государства от 5 августа 2020 г. № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2022.
9. Встреча с Президентом России Владимиром Путиным, 16 мая // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/peregovory-s-prezidentom-rossii-vladimirom-putinyom-1652715896> (дата обращения: 17.05.2022).
10. Громько А. А., Рахманов С. К. Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы / Ассоциация внешнеполитических исследований им. А. А. Громько. М., 2021. 56 с.
11. Русакович о спецоперации: Запад должен гарантировать жизненно важные интересы России и Беларуси // Евразия. Эксперт [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://eurasia.expert/zapad-dolzhen-garantirovat-zhiznenno-vazhnye-interesy-rossii-i-belarusi/> (дата обращения: 04.03.2022).
12. Оперативное совещание с военными 24 февраля // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/operativnoe-soveshchanie-s-voennymi> (дата обращения: 19.04.2022).
13. Переговоры с Президентом России Владимиром Путиным 11 марта // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/rabochiy-vizit-v-rossiyskuyu-federaciyu-1646909867> (дата обращения: 19.04.2022).
14. Посещение космодрома Восточный в Амурской области Российской Федерации, 12 апреля // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/rabochiy-vizit-v-rossiyskuyu-federaciyu-1649677663> (дата обращения: 19.04.2022).

БОРЬБА С НАСИЛИЕМ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В СТРАНАХ – УЧАСТНИЦАХ ЕАЭС

В. М. Слепцова

Белорусский государственный университет,

ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, vikторыслепцова@gmail.com

В статье рассматривается деятельность стран – участниц ЕАЭС по борьбе с насилием в отношении женщин. Раскрыто содержание ключевых международных правовых актов и их имплементация в странах региона, выявлены пробелы в национальных законодательствах стран в политике соблюдения гендерного равенства и защиты женщин от насилия. В статье акцентируется внимание на следующие проблемы в регионе: насилие женщин со стороны партнеров, убийства и торговля людьми, бытовое и сексуальное насилие, домогательства в сфере труда и дискриминация женщин. Также автором подчеркнута важность реализации практической гендерной политики и совершенствовании национальных законодательств. Автор отмечает усилия Кыргызстана, направленные на расширение возможностей женщин и соблюдение их прав и свобод. Объектом исследования является деятельность Евразийского экономического союза. Предметом исследования является деятельность стран – участниц ЕАЭС по борьбе с насилием в отношении женщин в регионе. Цель исследования заключается в характеристике вклада стран – участниц ЕАЭС в решение проблемы насилия в отношении женщин и достижения гендерного равенства. В белорусской историографии эта междисциплинарная проблема рассматривается впервые. Материалы исследования могут быть использованы при изучении и преподавании различных аспектов деятельности ЕАЭС.

***Ключевые слова:** ЕАЭС; гендерное равенство; права женщин; насилие в отношении женщин; дискриминация; домашнее насилие; домогательства в сфере труда.*

COMBATING VIOLENCE AGAINST WOMEN IN THE EAEU MEMBER STATES

V. M. Sliaptsova

Belarusian State University, 20 Leningradskaya str., 220030, Minsk, Belarus

The article examines the activities of the EAEU member states to combat violence against women. The content of key international legal acts and their implementation in the countries of the region are revealed, gaps in the national legislations of the countries in the policy of gender equality and protection of women from violence are revealed. The article focuses on the following problems in the region: violence of women by partners, murder and human trafficking, domestic and sexual violence, harassment in the field of work and discrimination against women. The author also stressed the importance of implementing practical gender policy and improving national legislation. The author notes Kyrgyzstan's efforts to empower women and re-

spect their rights and freedoms, as well as Armenia's activities as a member of the Council of Europe to ratify the main Conventions on the protection of women. The object of the study is the activity of the Eurasian Economic Union. The subject of the study is the activities of the EAEU member states to combat violence against women in the region. The purpose of the study is to characterize the contribution of the EAEU member states to solving the problem of violence against women and achieving gender equality. This interdisciplinary problem is being considered for the first time in Belarusian historiography. The research materials can be used in the study and teaching of various aspects of the EAEU activities.

Keywords: *EAEU; gender equality; women's rights; violence against women; discrimination; domestic violence; harassment at work.*

Законодательные рамки, гарантирующие свободу от насилия, стигматизации и стереотипов, набирают обороты во всех регионах. Однако гендерные стереотипы и дискриминация способствуют высокому уровню насилия в отношении женщин и девочек. Убийства женщин, совершенные знакомыми им мужчинами, распространены в странах – участницах ЕАЭС наравне с бытовым насилием. Среди людей, ставших жертвами торговли людьми, 90 % составляют женщины, которых, главным образом, используют в целях сексуальной эксплуатации. Правозащитницы сталкиваются с растущими репрессиями и насилием в некоторых частях региона, а межсекторальные и многочисленные формы дискриминации продолжают возрастать и препятствовать усилиям по достижению равенства женщин и мужчин [1, с. 4–5].

Постепенное принятие Национальных планов действий по выполнению Резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций №1325 о женщинах, мире и безопасности не сопровождается твердыми финансовыми обязательствами. Кыргызстан является единственной страной, принявшей Национальный план действий по осуществлению ряда резолюций Совета Безопасности ООН, однако Беларусь, Казахстан, Российская Федерация, Туркменистан не разработали свои национальные планы [2].

Кыргызстан обладает наиболее крупной законодательной базой среди стран – участниц ЕАЭС, гарантирующей равенство мужчин и женщин. В гражданском, уголовном, трудовом и семейном кодексах Кыргызстана провозглашены равные права для мужчин и женщин, создан Национальный совет по делам женщин и гендерному развитию; приняты дорожные карты по устойчивому развитию, а также Стратегия по обеспечению гендерного равенства (2012–2020 гг.) [2].

В странах региона отсутствует эффективное законодательство и механизмы борьбы с сексуальными домогательствами на рабочем месте. Международная организация труда приняла Конвенцию №190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда» (2019), включающую в международные трудовые стандарты запрет на насилие и домогательства на рабочем месте. Она не вступила в силу и не ратифицирована странами – участницами ЕАЭС. Согласно статистическим данным, в России 16 % женщин и 7 % мужчин хотя бы раз за

свою карьеру подвергались домогательствам на рабочем месте. По данным альтернативных исследований в Казахстане 42,3 % женщин, работающих по найму, сталкивались с сексуальными домогательствами [6].

В Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане принят специальный антидискриминационный акт – Закон «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей мужчин и женщин». Данный Закон устанавливает основные принципы и нормы, касающиеся создания условий для гендерного равенства во всех сферах государственной и общественной жизни, включая трудовую сферу. Однако, как отмечают С. Ю. Головина и Е. В. Сыченко [6], практические средства правовой защиты от домогательств в сфере труда отсутствуют, поскольку формально домогательства как форма дискриминации в сфере труда не подпадают под юрисдикцию ни уголовного законодательства или законодательства об административных правонарушениях, ни под Трудовой кодекс.

Следует отметить, что Казахстан, Кыргызстан и Беларусь не ратифицировали Европейскую социальную хартию, поскольку не являются членами Совета Европы. Хартия гарантирует права человека в экономической и социальной областях, преимущественно регулирующих условия труда и социальное обеспечение. Армения ратифицировала Хартию в 2004 г., а Россия – в 2009 г. частично, исключив из числа своих международных обязательств статью 26, регулиющую обязательства государства защищать работников от сексуальных домогательств, издевательских, явно враждебных и оскорбительных действий на рабочем месте [7].

Насилие в отношении женщин и девочек представляет собой широкомасштабное нарушение прав человека, представляющее собой серьезное препятствие на пути к равенству женщин во всех сферах жизни. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) ратифицирована государствами – членами ЕАЭС: Беларусью и Россией – в 1981 г., Арменией – в 1993 г., Кыргызстаном – в 1997 г., Казахстаном – в 1998 г. Факультативный протокол к Конвенции (1999 г.) Россия и Казахстан ратифицировали в 2001 г., Кыргызстан – в 2002 г., Беларусь – в 2004 г., Армения – в 2006 г. [6]. Несмотря на заметный прогресс в разработке и обеспечении соблюдения правовых и нормативных рамок, а также в предоставлении услуг жертвам и выжившим, сохраняются значительные пробелы. И даже несмотря на то, что глубоко укоренившиеся причины жестокого обращения сохраняются, быстрое развитие технологий открыло новые цифровые пространства, в которых женщины подвергаются угрозам, запугиванию и преследованиям.

Принятие Стамбульской конвенции (2011 г.) является движущей силой обязательств государств по прекращению насилия. Армения не ратифицировала конвенцию, в то время как Российская Федерация все еще не подписала ее. Тем не менее, она остается открытой для подписания и ратификации любой страной. Приведение национальных правовых рамок в соответствие со Стамбульской конвенцией в других странах в целом обеспечило женщинам более надежную защиту и доступ к правосудию, а также способствовало повышению качества и доступности специализированных и общих услуг для пострадавших. В 2017 г в Кыргызстане был принят Закон «Об охране и защите от семейного

насилия против домашнего насилия», дополненный Постановлением «О порядке осуществления охраны и защиты от семейного насилия» (2019 г.). Кыргызстан, среди других стран, создал кризисные центры, предлагающие специализированные услуги для жертв сексуального насилия. В настоящее время в Кыргызстане функционирует 14 кризисных центров, оказывающих правовую и психологическую помощь [3].

Казахстан и Российская Федерация, в свою очередь, наоборот декриминализовали преступления, на которые обычно ссылаются в случаях насилия в семье, сведя их к административным правонарушениям. Несмотря на успехи и высокий приоритет, придаваемый этому вопросу большинством государств, в законодательстве и практике сохраняются значительные пробелы. В Беларуси, России и Туркменистане, среди прочих стран, до сих пор нет специального законодательства о насилии в семье или других формах насилия в отношении женщин. Законодательные поправки в России в 2017 г. декриминализовали преступления, связанные с нанесением побоев членам семьи, и снизили наказания для насильников, подвергая выживших большей опасности и посылая преступникам сигнал о безнаказанности. Ни в одной стране региона не предусмотрена уголовная ответственность за все девять форм насилия, изложенных в Стамбульской конвенции. Насилие в семье остается системным, нормализованным и терпимым. Показатели распространенности довольно высоки во многих странах, особенно учитывая заниженный характер этого явления [4].

Насилие в отношении женщин и девочек коренится в дискриминации по признаку пола, патриархальных социальных нормах и гендерных стереотипах. В период с 2010 по 2014 гг. 33,8 % женщин и 39,8 % мужчин в Восточной Европе и на Кавказе считали, что избиение мужем своей жены оправданно. В Центральной Азии более высокая степень терпимости к насилию в отношении женщин и девочек, что привело к самой высокой распространенности насилия со стороны интимного партнера [5].

Согласно данным за 2012–2017 гг., насилие со стороны интимного партнера среди женщин и девочек в возрасте от 15 до 49 лет было наиболее распространено в Кыргызстане (17,1 %). Немногие страны криминализовали преследование в восточной части региона, где многие женщины и девочки стали жертвами преследования со стороны интимных партнеров и лиц, не являющихся партнерами. Это особенно остро ощущается в более традиционных обществах Центральной Азии, где считается, что женщины находятся под защитой мужчин, а законы недостаточно защищают их от жестокого обращения и домогательств. Убийство представляет собой самую крайнюю форму насилия в отношении женщин, смертоносный акт в непрерывном ряду дискриминации и злоупотреблений по признаку пола. В то время как большинство жертв убийств – мужчины, убитые незнакомцами, женщины с гораздо большей вероятностью умрут от рук кого-то, кого они знают [1, с. 19–20].

Таким образом, после обретения независимости правительства государств – участников ЕАЭС приняли ряд законодательных актов для расширения прав и свобод женщин. Между тем, общее снижение позиций данных стран в мировом рейтинге глобального гендерного разрыва свидетельствует об отсут-

ствии значимой и реализуемой гендерной политики в странах региона. По-прежнему фиксируется несоответствие гендерной политики и локальных данных, уровень неравенства мужчин и женщин не сократился. Указанные в законодательстве меры не предпринимаются должным образом: женщины до сих пор сталкиваются с рядом ограничений, подвержены дискриминации, в странах региона достаточно распространенной проблемой являются насилие и торговля людьми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Keep the promise, accelerate the change: taking stock of gender equality in Europe and Central Asia 25 years after Beijing // UN Women. 2020. 51 p.
2. Тилекова А. Т. Этапы развития правового положения Кыргызских женщин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 11-3. 2020. С. 58–61.
3. Мадышева Ш. И., Орунбаев С. С. Насилие против женщин в Кыргызстане и мероприятия, направленные на его устранение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 3-1. 2021. С. 198–202.
4. Шеломенцева В. П., Алтайбаева Ж. К. Идентификация проблем гендерного равенства в Республике Казахстан // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. Т. 12. № 1. 2019. С. 85–95.
5. Айвазова С. Г. Трансформация гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики // Женщина в российском обществе. № 4. 2014. С. 11–23.
6. Головина С. Ю., Сыченко Е. В. Защита от насилия и домогательств в сфере труда: вызовы и возможности для России и Казахстана // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 3. 2021. С. 624–647.
7. Маркина Ю. Европейская Социальная Хартия // Официальный сайт кафедры интеграционного и европейского права МГЮА [Электронный ресурс]. URL: <https://eulaw.edu.ru/publikatsii/evropejskaya-sotsialnaya-hartiya-yuliya-markina/> (дата обращения: 09.04.2022).

СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ

В. А. Сокол

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, lera.sokol789@gmail.com*

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by*

Сотрудничество Беларуси и Китая в сфере традиционной китайской медицины (далее – ТКМ) рассматривается в контексте углубления двухстороннего взаимодействия в медицинской, гуманитарной и экономической сферах. Выделены такие перспективные направления, как создание центров ТКМ, привлечение новых резидентов в Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», производство лекарств ТКМ с использованием ресурсов, собранных на территории Беларуси, и их реализация совместного продукта в стране и за рубежом. Рассмотрены философия ТКМ, история ее появления и развитие в современной КНР. Определена позиция Запада на распространение ТКМ, подчеркнута позитивное отношение ВОЗ к данной сфере медицины. Цель исследования – раскрыть содержание взаимодействия Республики Беларусь и КНР в сфере ТКМ во взаимосвязи с их политическим и экономическим партнерством на стратегическом уровне.

Ключевые слова: *традиционная китайская медицина; COVID–19; белорусско-китайские отношения; Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»; инициатива «Один пояс, один путь».*

COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE FIELD OF TRADITIONAL CHINESE MEDICINE

V. A. Sokol

Belarusian State University, 20 Leningradskaya str., Minsk 220030, Belarus

S. F. Svilas

Belarusian State University, 20 Leningradskaya str., Minsk 220030, Belarus

Cooperation between Belarus and China in the field of traditional Chinese medicine (hereinafter referred to as TCM) is considered in the context of deepening their bilateral cooperation in the medical, humanitarian and economic spheres. Such promising areas as the creation of TCM centers, attracting new residents to the Chinese-Belarusian Industrial Park “Great Stone”, the production of TCM medicines using re-

sources collected on the territory of Belarus and their implementation of a joint product in the country and abroad are highlighted. The philosophy of TCM, the history of its appearance and development in modern China are considered. The position of the West on the spread of TCM is determined, the positive attitude of WHO to this field of medicine is emphasized. The purpose of the study is to reveal the content of the interaction of the Republic of Belarus and China in the field of TCM in relation to their political and economic partnership at the strategic level.

Keywords: *traditional Chinese medicine; COVID–19; Belarusian-Chinese relations; Chinese-Belarusian Industrial Park “Great Stone”; initiative “One Belt, One Way”.*

Древние китайцы верили, что люди являются «микрокосмами» Вселенной, взаимосвязаны с природой и подчинены ее силам. Баланс между здоровьем и болезнью является ключевой концепцией традиционной китайской медицины (ТКМ). Жизненная сила, называемая «Ци», проходит через тело. Дисбаланс в «Ци», вызванный изменением взаимодействия противоположных и взаимодополняющих сил «Инь» и «Ян», может привести к болезням [1, с. 8]. Восстановление этого баланса достигается с помощью лечения, специфического для каждого человека. Считается, что для восстановления равновесия необходимо достичь баланса между внутренними органами тела и внешними элементами земли, огня, воды, дерева и металла [2]

История ТКМ восходит к III в. до н. э., когда стало известно о первой книге по китайской медицине под названием «Хуан-ди нэй цзин», или «Трактат Жёлтого императора о внутреннем» – древнекитайском тексте, являющийся основополагающим для традиционной китайской медицины [3]. Рынок ТКМ стремительно развивается с конца 1990-х гг. Так, в 2020 г. объем продаж продукции ТКМ в Китае составил 160,65 млрд юаней, демонстрируя стабильный рост показателей с 2016 г. [4].

Особую важность развития ТКМ неоднократно подчеркивал и Председатель КНР Си Цзиньпин. Так, во время инспекционной поездки в г. Наньян (провинция Хэнань) в мае 2021 г. он посетил мемориальный комплекс, посвященный Чжану Чжунцину, известному китайскому фармакологу и врачу династии Восточная Хань, и местную компанию, производящую продукты из полыни. В своем выступлении Си Цзиньпин отметил, что китайская нация полагалась на ТКМ для лечения болезней и спасения жизней в течение тысяч лет. Столкнувшись с главным за последние десятилетия вызовом в сфере здравоохранения – коронавирусной инфекцией COVID–19 – у китайского народа появилось более глубокое понимание роли ТКМ. Подчеркнув необходимость содействия развитию ТКМ, Си Цзиньпин заявил, что необходимо приложить усилия для адаптации механизма традиционной китайской медицины и фармакологии к современной науке и включения в лечение достижений как ТКМ, так и западной медицины [5].

Запад относится достаточно настороженно к сфере традиционной китайской медицины: её концепция «малопонятна», ТКМ «трудно объяснить» и «трудно научно доказать». Несмотря на это, Всемирная организация здраво-

охранения благосклонно относится к развитию этой «альтернативной» медицины, поддержка ВОЗ распространяется на все традиционные лекарства. Отношения с китайской медицинской дипломатией стали особенно тесными во время пребывания в должности Гендиректора ВОЗ Маргарет Чен (2006–2017 гг.). В ноябре 2016 г. во время визита в Пекин М. Чен выступила с речью, в которой высоко оценила достижения Китая в области общественного здравоохранения и его планы по распространению традиционной медицины [6].

В 2014 г. ВОЗ опубликовала десятилетнюю стратегию, направленную на интеграцию традиционных лекарственных средств в современную медицинскую помощь. В документе содержится призыв к государствам – членам развивать учреждения традиционной медицины и активизировать деятельность в указанном направлении [7]. Более того, последняя (11-я) версия списка ВОЗ, известного как Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ), впервые содержит позицию с лечебными средствами ТКМ [8].

Однако многие западные врачи и ученые сомневаются в том, что растительные лекарственные средства и компоненты ТКМ или других традиционных лекарств могут оказывать существенное лечение при их нынешнем использовании. Они допускают, что травы ТКМ могут содержать полезные молекулы (многие западные лекарства получены из растений), но опасаются, что ТКМ может заменить проверенные лекарства или быть потенциально опасной. Так, Артур Гроллман, исследователь рака из Университета штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук, доказывает, что аристолоховая кислота, входящая в состав многих лекарств ТКМ, может вызывать почечную недостаточность и рак. По его мнению, в документах ВОЗ следует уделять больше внимания рискам, связанным с лекарственными средствами, содержащими это химическое вещество, которые все еще широко используются [6].

С другой стороны, есть исследования, которые подтверждают действенность препаратов ТКМ. В июне 2015 г. «Канглайт» – противоопухолевый препарат с активными ингредиентами, извлеченными из семян кокса, – вступил в фазу III испытаний для лечения рака поджелудочной железы [9]. По данным на 2022 г. осуществляется фаза IV клинических исследований препарата, что означает получение регистрационного удостоверения и проведение дальнейших исследований с целью расширения данных по его безопасности, а также социально-экономических данных [10]. «Канглайт» становится третьим лекарством, полученным по рецептам ТКМ, которое входит в западную фармакопею после эфедрина, стимулятора и противоотечного средства, полученного из Махуана, и артемизинина, лекарства от малярии.

Свое развитие традиционная китайская медицина получила и в Беларуси, что не удивительно, так как страна уделяет особое внимание развитию этой сферы. В первую очередь стоит отметить договорно-правовую базу. С 2007 г. Министерство здравоохранения Беларуси выпустило постановление, согласно которому врачи – рефлексотерапевты могут использовать методы традиционной китайской медицины. В 2015 г. Президент Беларуси выступил с Директивой № 5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской

Народной Республикой», которая определила основные направления двухстороннего сотрудничества, среди которых можно найти создание центров ТКМ по всей стране [11].

По данным на 2022 г., в стране действуют 7 центров ТКМ. Все белорусские врачи, работающие в них, имеют опыт обучения и стажировки в Китае, а в центрах китайской медицины в Гродненской и Могилевской областях имеется возможность обращения к китайским специалистам. Эксперты отмечают благоприятные природные условия для развития традиционной китайской медицины: плодородная почва, подходящий климат и богатые лекарственные растительные ресурсы – такие, к примеру, как одуванчик, чага, ромашка и шиповник [11].

Возвращаясь в 2020 г., важно упомянуть передачу Китайской Народной Республикой в Беларусь гуманитарной помощи, причем среди экстренных противоэпидемических средств были препараты традиционной китайской медицины для лечения и профилактики пневмонии; их эффективность была высоко оценена белорусскими специалистами [12].

На фоне распространения COVID – 19 возникла острая необходимость в разработках и производстве медицинских препаратов для лечения коронавируса. В июне 2021 г. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко подписал Указ, направленный на улучшение условий коммерческой деятельности индустриального парка «Великий камень». Указом предусмотрено, что предприятия Китайско-Белорусского индустриального парка смогут использовать методы лечения традиционной китайской медицины для оказания медицинских услуг без обязательной регистрации и медицинской лицензии. Следующим важным событием в истории развития ТКМ в Беларуси стало вступление 18 марта 2021 г. в Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» нового резидента – китайского предприятия ООО «Новозра Биотех», созданного при участии Института культуры и экономики Цзиньтай, ООО «Клиника китайской медицины Сишаньцинсюе (Пекин)» и ООО «Компания фармацевтических технологий Сишаньцинсюе (Пекин)» [13].

Глава администрации индустриального парка Александр Ярошенко отмечает, что лекарственные средства ТКМ будут востребованы для лечения не только коронавируса, но и других заболеваний, таких как грипп и астма. Стоимость лекарств будет относительно недорогой, в том числе и потому, что производство наладят в индустриальном Парке. Перспектива же реализации таких продуктов – экспорт [14]. Новый резидент в первую очередь заинтересован в исследованиях и использовании белорусских растений для создания из них новых препаратов. В перспективе это станет отправной точкой для развития фитомедицины и экспорта растений в Китай.

Первые результаты деятельности резидента дала уже в ноябре 2021 г. – капсулы «Циньи», предназначенные для профилактики и лечения последствий COVID–19. Как подчеркнула замминистра экономики Анжелика Никитина на брифинге, посвященном развитию традиционной китайской медицины в индустриальном парке «Великий камень, данные капсулы – «это плод совместных усилий китайских и белорусских специалистов, успешного сплава традиций и современности, опыта и инноваций» [15].

Таким образом, ТКМ сегодня – это не просто очередная «альтернативная» система лечения. Это психология, культура, история китайского народа. Данная сфера обладает значительным потенциалом для развития в Беларуси. Как уже отмечалось, благодаря природным условиям в республике есть большое количество растений, применяемых в ТКМ, выработаны схожие подходы к лечению, имеются аналоги китайским лекарственным средствам (так, набирающее популярность масло Гхи – это разновидность топленого сливочного масла, используемого в быту).

Развитие традиционной китайской медицины – это важная составляющая оформившейся в условиях пандемии концепции «Здорового Шёлкового пути» – неотъемлемого компонента китайской инициативы «Один пояс, один путь». В рамках ОПОП важно проводить форумы и семинары, направленные на обмен опытом и научными достижениями китайских и белорусских специалистов в области ТКМ. Проведение таких мероприятий, а также открытие новых специализированных центров, привлечение перспективных резидентов Индустриального парка в области медицины и фармакологии откроют новые перспективы сотрудничества между Китаем и Беларусью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дубровин Д. А. Трудные вопросы классической китайской медицины: (Трактат Наньцзин). Санкт–Петербург: Аста-пресс. 1991. 227 с.
2. What is Chinese medicine? // Johns Hopkins Medicine [Electronic resource]. URL: <https://www.hopkinsmedicine.org/health/wellness-and-prevention/Chinese-medicine> (accessed: 18.03.2022).
3. Трактат Жёлтого императора о внутреннем // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/gexDw> (дата обращения: 18.03.2022).
4. Turnover value of traditional Chinese medicine (TCM) in China from 2010 to 2020 // Statista – Статистический портал для рыночных данных [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1091855/china-traditional-chinese-medicine-tcm-turnover-value/> (accessed: 18.03.2022).
5. Xi stresses developing traditional Chinese medicine // People’s daily online [Electronic resource]. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0513/c90000-9849656.html> (accessed: 18.03.2022).
6. Why Chinese medicine is heading for clinics around the world // News Feature [Electronic resource]. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-06782-7> (accessed: 18.03.2022).
7. WHO traditional medicine strategy: 2014–2023 // World Health Organization. May 2013. 76 p.
8. МКБ – 11 (Международная классификация болезней 11 пересмотра) // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: <https://icd11.ru> (дата обращения: 18.03.2022).
9. Китайский биологический противораковый препарат Канглайт получил разрешение на проведение 3-й фазы клинических испытаний в США // Russian.News.Cn [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/health/2015-06/27/c_134361201.htm (дата обращения: 19.03.2022).
10. Why Chinese medicine is heading for clinics around the world // News Feature [Electronic resource]. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-06782-7> (accessed: 18.03.2022).
11. Подписана Директива о развитии двусторонних отношений с Китайской Народной Республикой // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/podpisana-direktiva-o-razvitii-dvustoronnih-otnosheniy-s-kitayskoj-narodnoj-respublikoj> (дата обращения: 20.03.2022).

12. Сила тигра и негибаемая как железо дружба. Посол о 30-летнем пути сотрудничества Беларуси и КНР // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/interview/view/sila-tigra-i-nesgibaemaja-kak-zhelezo-druzhba-posol-o-30-letnem-puti-sotrudnichestva-belarusi-i-knr-8057/> (дата обращения: 20.03.2022).
13. Новый резидент «Великого камня» будет реализовывать проект в области традиционной китайской медицины // Индустриальный парк «Великий камень» [Электронный ресурс]. URL: <https://industrialpark.by/novosti/2021/novuj-rezident-velikogo-kamnja-budet-realizovyvat-proekt-v-oblasti-tradicionnoj-kitajskoj-mediciny/> (дата обращения: 20.03.2022).
14. В «Великом камне» появился новый резидент, который реализует проект в сфере китайской медицины // Газета «Рэспубліка» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/kamen-pribavlyayet-v-veze.html> (дата обращения: 20.03.2022).
15. Резидент «Великого камня» разработал препарат для профилактики и лечения последствий COVID – 19 // БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/economics/view/rezident-velikogo-kamnja-razrabotal-preparat-dlja-profilaktiki-i-lechenija-posledstvij-covid-19-468175-2021/> (дата обращения: 20.03.2022).

ГЕРМАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ю. В. Станкевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yuliya.stankevich@gmail.com*

С. Ф. Свилас

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by*

В статье рассматривается эволюция германо-китайских отношений в контексте реализации инициативы Пекина «Один пояс, один путь». Актуальность исследования обусловлена перспективностью Китая как государства – партнера не только для Германии, но и для Беларуси. Цель данной работы – дать целостную картину взаимодействия ФРГ и КНР в строительстве ОПОП и оценить влияние инициативы на их двусторонние связи. Объект исследования – германо-китайские отношения в XXI в., предмет – германо-китайское взаимодействие в рамках инициативы. Посредством нарративного и историко-ретроспективного методов, метода анализа документов, а также системного и ценностного подходов авторы раскрывают динамику, механизмы и проблемы развития двухсторонних отношений, параллельно анализируя взаимодействие ЕС и Китая в рамках единой европейской политики, оценивают результаты и перспективы сотрудничества.

Ключевые слова: *германо-китайские отношения; инициатива «Один пояс, один путь»; «Стратегия ЕС в отношении Азии»; «Стратегический план сотрудничества Китая и ЕС»; стратегическое партнерство.*

GERMAN-CHINESE RELATIONS IN THE FRAMEWORK OF THE INITIATIVE «ONE BELT, ONE ROAD»

Y. V. Stankevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

S. F. Svilas

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the evolution of German-Chinese relations in the context of the implementation of Beijing's One Belt, One Road initiative. The relevance of the study stems from the prospects of China as a partner state not only for Germany, but also for Belarus. The objective of this paper is to provide a holistic picture of the interaction between the FRG and the PRC in the construction of the OBOR and to assess the impact of the initiative on their bilateral ties. The object of the study is German-Chinese relations in the 21st century; the subject is German-Chinese interaction within the framework of the initiative. By means of narrative and historical retrospective

methods, document analysis, as well as systemic and value-based approaches, the authors reveal the dynamics, mechanisms and problems of bilateral relations, analyzing in parallel the interaction between the EU and China within a common European policy, and assessing the results and prospects of cooperation.

Keywords: *German-Chinese relations; One Belt, One Road Initiative; EU Strategy for Asia; China – EU Strategic Cooperation Plan; strategic partnership.*

Основные направления германо-китайского взаимодействия определяются повесткой дня отношений ЕС и КНР. Подчеркнем, что после визита премьера Госсовета КНР (2003–2013 гг.) Вэнь Цзябао в ФРГ в мае 2004 г. двусторонние отношения Германии и Китая были обозначены как отношения **стратегического партнерства**. Две стороны объявили о своем намерении создать «партнерство глобальной ответственности» в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства Китая и Евросоюза и запустить **механизм ежегодной встречи лидеров двух стран** [1].

В июле 2010 г. ФРГ и КНР опубликовали «Совместное китайско-германское коммюнике о всестороннем продвижении стратегического партнерства» и договорились о создании **механизма китайско-германских межправительственных консультаций**. Первый раунд консультаций под сопредседательством премьера Госсовета КНР (2003–2013 гг.) Вэнь Цзябао и канцлера ФРГ (2005–2021 гг.) Ангелы Меркель прошел 27–28 июня 2011 г. в Берлине, в нем приняли участие более десяти представителей правительств с китайской и немецкой сторон. Китайско-германские межправительственные консультации следует оценить как самый высокопоставленный и масштабный диалог с широким диапазоном обсуждаемых вопросов. В его рамках Корнелия Пипер, государственный министр Федерального министерства иностранных дел, и Чжао Шаохуа, заместитель министра культуры Китая, 27 июня 2011 г. подписали совместную декларацию о намерениях по развитию обменов и сотрудничества в сфере культуры [1].

Китай и Германия активизировали сотрудничество в международных делах. Например, в 2006 г. обе стороны установили стратегический диалог на уровне заместителей министров, переведенный в 2011 г. на уровень министров. Министерство иностранных дел Китая и Министерство иностранных дел Германии поддерживают частые консультации и контакты по важным международным и региональным вопросам. Дальнейшая интенсификация отношений отвечает коренным интересам обеих стран и всего мирового сообщества [2].

Интеграция в региональные и глобальные торговые сети позволила Китаю стать ведущей мировой экономикой. Роль Китая и его авторитет в глобальном управлении призвана укрепить инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина (2013 г.), состоящая из двух крупных логистических и инфраструктурных проектов – «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века» [3].

В продолжение стратегий развития западных провинций Китая («Go West») и интернационализации национальных компаний («Going out»), Пекин

уделяет особое внимание инвестициям в строительство дорог, железнодорожных линий, портов, трубопроводов, энергетических сетей и оптоволоконных линий. Цель заключается в создании условий для экономического роста в менее развитых провинциях КНР, а также странах, расположенных вдоль ОПОП, открытии новых рынков и укреплении экономического, политического и культурного обмена [4].

Будучи международным торговым центром и логистическим узлом для Северной и Юго-Восточной Европы, стран Балтии и России, одним из важнейших портов для Китая и железнодорожным портом номер один в Европе, Гамбург превратился и в важный узел для реализации инициативы «Один пояс, один путь». Отсюда осуществляются железнодорожные грузовые перевозки в Китай и из Китая, еженедельно курсируют от 25 до 30 товарных поездов, причем эта статистика стремительно растет [4].

Инициатива ОПОП, включающая около 900 проектов в 74 странах, является, по оценке экспертов, крупнейшим экономическим проектом XXI в. Китай рассматривается Берлином как важный рынок для немецкой экономики и немецких компаний. Например, в 2017 г. эта страна занимала первое место во внешней торговле Германии с общим объемом торговли в 186,6 млрд евро (согласно официальным данным Федерального статистического управления) [5].

Германия активно включилась в реализацию проекта в условиях, когда общая европейская позиция в отношении инициативы еще не была полностью сформирована. В 2014 г. Си Цзиньпин посетил ФРГ с официальным визитом. В историю германо-китайского сотрудничества этот год вошел как «золотой»: во время визита Си Цзиньпина был достигнут ряд договоренностей о реализации совместных проектов транспортной инфраструктуры [6].

Немецкий город Дуйсбург стал крупнейшим в мире внутренним портом благодаря развитию торговых железнодорожных маршрутов в Китай и из Китая в рамках пекинской инициативы «Один пояс, один путь». Расположение города в месте слияния рек Рейн и Рур, а также вблизи многих европейских автомагистралей делает его идеальным местом для связи с европейскими потребителями. С помощью Китая Дуйсбург перепрофилировал инфраструктуру, оставшуюся после некогда оживленной металлургической, угольной и сталелитейной промышленности. По данным на 2022 г., в городе представлено более 100 китайских компаний. Планируется строительство современного делового района, возводятся новые здания и открываются новые китайские рестораны. Мэр Дуйсбурга Сорен Линк в шутку отметил, что управляет «китайским городом в Германии» [6].

Китай считает Германию своим основным партнером в ЕС по реализации инициативы «Один пояс, один путь». Пекинский университет и Институт Тайхэ в 2018 г. составили рейтинг стран, которые в наибольшей степени подходят для сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». 94 страны оценивались по ряду показателей, объединенных в пять основных групп: политическое взаимодействие, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и гуманитарное взаимодействие. Германия заняла пятое место в рейтинге, уступив лишь России, Сингапуру, Малайзии и

Казахстану. ФРГ получила высшие баллы по показателям бесперебойной торговли и гуманитарного взаимодействия, однако показатель политического взаимодействия оказался довольно низким [7].

Во второй половине 2010-х гг. позиция Берлина в отношении взаимодействия с Пекином изменилась. Важным фактором, повлиявшим на трансформацию германо-китайских отношений, стала эволюция подходов ЕС. В начале 2016 г. Брюсселем был принят рассчитанный на пятилетний срок документ «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая», который перекликается со стратегией Европейской комиссии «Торговля для всех», а также учитывает мнение Европейского парламента, изложенное в его докладе об отношениях ЕС с Китаем (декабрь 2015 г.). Документ ориентировал на развитие всеобъемлющего стратегического партнерства Европейского союза и Китая, однако в Брюсселе понимали необходимость разработки стратегии, которая исходит из первоочередности реализации собственных интересов, продвигает универсальные ценности, учитывает последствия возрастания роли Китая в международной системе, основывается на позитивной повестке дня партнерства в сочетании с конструктивным управлением разногласиями [8].

В 2018 г. Европейская служба внешних действий и Европейская комиссия представили стратегию по улучшению глобального взаимодействия «Стратегия ЕС в отношении Азии». Целью стратегии стало расширение взаимосвязи на основе принципов устойчивого развития путем модернизации инфраструктуры. Взаимосвязь в рамках стратегии заключается в сближении стран, людей и обществ. Она способствует более тесным экономическим и личным отношениям, включая жесткие и мягкие факторы, инфраструктуру и культурные связи [9].

В транспортном секторе взаимосвязь охватывает все виды транспорта (авиация, судоходство, железнодорожный и автомобильный транспорт), а также ответственные институты, инфраструктуры, финансовое сотрудничество, информационные технологии и цифровые связи, энергетику, образование и исследования, туризм, культурные обмены, таможенные, торговые и инвестиционные возможности. Ключевым элементом «Стратегии ЕС в отношении Азии» является обеспечение согласованных на международном уровне стандартов, устойчивости и прозрачности, а также надежного финансирования. Таким образом, экономический и политический суверенитет целевых стран обеспечивается в любое время. Исходя из этих принципов и ценностей, Европа открыта для сотрудничества с третьими странами [9].

В 2016 и 2017 гг. экономический импульс, исходящий от инициативы Пекина, стал более заметным. Дебаты о продаже критически важных технологических компаний в 2016 г. привели к тому, что правительство Германии присоединилось к правительствам других европейских стран и выступило за существенное ужесточение европейского контроля над внешними корпоративными поглощениями. Помимо этого, быстрый рост китайских прямых инвестиций был использован в дискуссии о недостаточной открытости китайских экономических секторов (включая солнечную энергетику, химическую промышленность и металлургию) для европейских компаний на фоне спора о признании Китая рыночной экономикой в ВТО.

Восстановление инфраструктуры на основе китайских кредитов во многих странах Центральной и Восточной Европы означает, что более дешевые программы, финансируемые ЕС (благодаря компоненту пожертвований), но с более строгими правилами реализации, уже не пользуются таким спросом. Китайские программы кредитования вступают в прямую нормативную конкуренцию с программами ЕС в краткосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе высокая задолженность стран Центральной и Восточной Европы означает, что КНР получает экономические рычаги влияния на отдельные государства или группы государств во внешней политике [10].

Более того, китайские инвестиции провоцируют новые политико-экономические конфликты распределения внутри ЕС. Берлин в 2017 г. внимательно наблюдал, как некоторые южные страны-члены, пострадавшие от кризиса евро (Греция, Португалия, Мальта) и широко использовавшие китайские инвестиции для укрепления своих экономик, заняли определенные позиции в европейской политике и блокировали решения в интересах Китая. В этой связи министр иностранных дел Германии (2017–2018 гг.) Зигмар Габриэль в конце августа 2017 г. призвал Китай «проводить политику единой Европы», ведь ЕС также согласился проводить «политику единого Китая» [11].

Таким образом, китайская инициатива «Один пояс, один путь» открыла большие возможности для акторов, участвующих в торговле между Китаем и Европой, включая местных производителей, международные торговые компании и поставщиков логистических услуг. Несмотря на то, что Германии отводится особое место во взаимодействии с Китаем, в германо-китайских отношениях, наряду с возможностями, присутствуют и препятствия. Инициатива «Шелкового пути» пока привлекательна в первую очередь для крупных немецких компаний. Мегапроект, включающий в себя множество непредсказуемых факторов, нестабильных стран и регионов, является весьма сложным для малых и средних предприятий, которые не в состоянии смягчить риск недостаточных инвестиций. Кроме того, европейская политическая элита обеспокоена возможными геополитическими изменениями в ходе реализации инициативы Пекина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Intensivierung der deutsch-chinesischen Kulturbeziehungen // Auswärtiges Amt. [Электронный ресурс] URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/110624-d-chn/244056> (дата обращения: 05.04.2022).
2. Erfolge und Perspektiven der Chinesisch-Deutschen Zusammenarbeit // Botschaft der Volksrepublik China in der Bundesrepublik Deutschland. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cede/det/zt/wjb/t833145.htm> (дата обращения: 05.04.2022).
3. Wächter L. Belt and Road Initiative // WiStHeft. № 1. 2020. S. 46–49.
4. Belt and Road Initiative // Handelskammer Hamburg. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hk24.de/produktmarken/beratungservice/international/laenderinformationen/asien/belt-and-road-initiative-4399208> (дата обращения: 06.04.2022).
5. Belt and Road Initiative // Commerzbank. [Электронный ресурс] URL: https://www.firmenkunden.commerzbank.de/portal/de/cb/de/firmenkunden/insights/standard_seite_bri.html (дата обращения: 06.04.2022).

6. Carney N. BRI Projects: Duisburg, connecting China to Europe // China Global Television Network. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.cgtn.com/news/3d3d514d3563444d34457a6333566d54/index.html> (дата обращения: 06.04.2022).
7. Цвык А. В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: Актуальные проблемы и новые возможности // Актуальные проблемы Европы. № 4. 2019. С. 210–228.
8. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Elements for a new EU strategy on China // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_elements_for_a_new_eu_strategy_on_china.pdf (дата обращения: 07.04.2022).
9. EU-Asia Connectivity Strategy // Federal Ministry for Digital and Transport. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bmvi.de/EN/Topics/EU-Policy/Bilateral-and-Multilateral-Relations-With-the-EU/EU-Asia-Connectivitystrategy/eu-asia-connectivitystrategy.html> (дата обращения: 07.04.2022).
10. Harnish S. Deutschlands Politik gegenüber der Belt-and-Road-Initiative der Volksrepublik China 2013-2018 // S. Harnisch [Электронный ресурс]. URL: https://www.wiso.uni-heidelberg.de/md/politik/harnisch/person/publikationen/harnisch_deutschlands_reaktion_auf_die_seidenstrasseninitiativen_zeitschrift_asien.pdf (дата обращения: 07.04.2022).
11. Sigmar Gabriel warnt Europa vor Spaltung durch China // Euractiv. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euractiv.de/section/all/news/sigmar-gabriel-warnt-europa-vor-spaltung-durch-china/> (дата обращения: 07.04.2022).

РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Л. И. Тарарышкина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararushkina@rambler.ru*

Евразийская интеграция в современных условиях международной конкуренции и мировых вызовов выступает гарантом экономической безопасности государств – членов Евразийского экономического союза, активным участником которого является Республика Беларусь. Цель исследования – проведение анализа эффективности функционирования единой таможенной территории государств – членов Евразийского экономического союза, устойчивости развития экономики Республики Беларусь в условиях формирования Единого экономического пространства. Исследование проведено на основе положений актов, составляющих право Евразийского экономического союза, и официальной информации евразийской статистики. При исследовании применялся анализ, метод сравнения, диалектический метод и системный подход. На основании аналитических данных доказан экономический эффект результативности функционирования единой таможенной территории для бюджетов государств – членов Евразийского экономического союза. Раскрыто содержание согласованной макроэкономической политики, проводимой в целях сближения экономики государств – членов Евразийского экономического союза. Приведены установленные на наднациональном уровне показатели: для определения уровня и динамики развития экономики; основные макроэкономические показатели, определяющие устойчивость экономического развития; показатели степени интеграции, раскрыта сущность их составляющих. Посредством таких экономических показателей дана характеристика состояния экономики и показана роль Республики Беларусь в реализации согласованной макроэкономической политики.

Вывод по итогам исследования: для повышения эффективности функционирования Евразийского экономического союза и достижения экономического роста государств – членов необходимо ускорить запуск общих рынков и предпринять меры по выполнению мероприятий, направленных на реализацию Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Результаты проведенного исследования расширяют научные и практические аспекты развития Республики Беларусь в условиях евразийской интеграции.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; евразийская интеграция; Таможенный союз; единая таможенная территория; доходы республиканского бюджета; Единое экономическое пространство; согласованная макроэкономическая политика; основные макроэкономические показатели; показатели степени интеграции; общие рынки.*

DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONDITIONS OF EURASIAN INTEGRATION

L. I. Tararyshkina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Eurasian integration in the current conditions of international competition and global challenges acts as a guarantor of the economic security of the member states of the Eurasian Economic Union, of which the Republic of Belarus is an active participant. The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the functioning of the single customs territory of the member states of the Eurasian Economic Union, the sustainability of the development of the economy of the Republic of Belarus in the conditions of the formation of the Common Economic Space. The study was conducted on the basis of the provisions of the acts constituting the law of the Eurasian Economic Union, and the official information of the Eurasian statistics. The study used analysis, comparison method, dialectical method and a systematic approach. On the basis of analytical data, the economic effect of the effectiveness of the functioning of the single customs territory for the budgets of the member states of the Eurasian Economic Union has been proved. The content of the coordinated macroeconomic policy pursued in order to bring the economies of the member states of the Eurasian Economic Union closer together is disclosed. The indicators established at the supranational level are given: to determine the level and dynamics of economic development; the main macroeconomic indicators that determine the sustainability of economic development; indicators of the degree of integration and disclosed the essence of their components. By means of such economic indicators, the state of the economy is characterized and the role of the Republic of Belarus in the implementation of the agreed macroeconomic policy is shown.

Conclusion based on the results of the study: in order to improve the efficiency of the functioning of the Eurasian Economic Union and achieve economic growth of the member states, it is necessary to accelerate the launch of common markets and take measures to implement measures aimed at implementing the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025. The results of the study expand the scientific and practical aspects of the development of the Republic of Belarus in the context of Eurasian integration.

Keywords: *Eurasian Economic Union; Eurasian integration; Customs Union; single customs territory; republican budget revenues; Common economic space; coordinated macroeconomic policy; main macroeconomic indicators; integration degree indicators; common markets.*

Евразийский экономический союз (далее – Союз, ЕАЭС) как международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, функционирующий уже свыше семи лет, находится в центре внимания исследований зарубежных и отечественных ученых. Проблемы евразийской интеграции являются предметом исследований С. Ю. Глазьева, Т. Д. Валовой, М. В. Мясниковича, Т. Саркисяна, В. А. Сапры-

ка, Г. В. Шмарловской, Е. Л. Давыденко, В. М. Ожигиной, Г. В. Турбан и многих других ученых. Проводимое нами исследование освещает вопросы развития Республики Беларусь в условиях евразийской интеграции.

Основой функционирования ЕАЭС служит единая таможенная территория государств – членов Союза, на которой эффективно действует Таможенный союз и формируется Единое экономическое пространство согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) [1]. В Таможенном союзе применяется наднациональное таможенное законодательство, которое на практике обеспечивает эффективность функционирования единой таможенной территории государств – членов Союза (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия) [2]. В соответствии с Договором о ЕАЭС и Таможенным кодексом ЕАЭС в качестве составляющих единого таможенного регулирования выступают: Единый таможенный тариф ЕАЭС, механизм зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин, антидемпинговых, компенсационных и специальных пошлин, механизм косвенного налогообложения и т.д. [3, 4]. Механизм зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, взимаемых на таможенной территории Союза, обеспечивает поступление ввозных таможенных пошлин в бюджет каждого государства – члена ЕАЭС в соответствии с установленными нормативами: Армения – 1,220 %, Беларусь – 4,860 %, Казахстан – 6,955 %, Кыргызстан – 1,900 %, Россия – 85,065 % [1]. Объемы поступления ввозных таможенных пошлин в республиканские бюджеты государств – членов ЕАЭС (в млн долл. США) представим в таблице 1.

Таблица 1. Объемы поступления ввозных таможенных пошлин в республиканские бюджеты государств – членов ЕАЭС (в млн. долл. США).

Годы/страны ЕАЭС	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (прогноз)
Армения	128,7	115,5	150,4	166,1	335,9	463,4	685,6
Беларусь	543,6	484,8	584,0	623,6	669,3	633,8	709,1
Казахстан	63,0	52,5	50,2	111,7	51,8	45,9	47,4
Кыргызстан	138,0	191,4	239,3	265,7	60,8	221,9	244,5
Россия	9 149,7	8 205,9	9 904,9	10 498,0	10 855,7	9 555,3	10 331,0
Всего	10 023,0	9 050,1	10 928,8	11 65,0	11 973,5	10 920,3	12 017,6

Источник: Разработано автором на основе [5].

Как видно из данных таблицы 1, ввозные таможенные пошлины, несмотря на ковидные внешнеторговые ограничения, являются стабильным источником доходов республиканского бюджета государств – членов ЕАЭС. Таможенные органы государств – членов Союза в соответствии со статьей 46 Таможенного кодекса ЕАЭС при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС наряду с ввозными таможенными пошлинами взимают также вывозные таможенные пошлины, налог на добавленную стоимость, акцизы, и таможенные сборы [3]. Таможенными органами также взимаются специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины, а также утилизационный сбор. Доходы от внешне-

экономической деятельности государств – членов ЕАЭС (в млн долл. США) представим в таблице 2.

Таблица 2. Доходы от внешнеэкономической деятельности государств – членов ЕАЭС (в млн долл. США).

Годы/страны ЕАЭС	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (прогноз)
Армения	127,0	114,0	149,0	167,0	198,3	130,7	137,5
Беларусь	2 110,3	1 750,9	1 800,3	2 547,0	2 238,1	1 589,1	1 787,5
Казахстан	2 592,0	2 853,0	3 612,0	3 739,0	4 100,9	2 206,2	3 137,5
Кыргызстан	127,8	199,3	239,7	262,0	315,9	209,3	250,0
Россия	42 515,0	42 960,8	45 140,5	53 387,1	48 743,3	26 193,8	2 7450,0
Всего	47 472,1	47 878	50 941,5	60 102,1	55 596,5	30 329,1	32 762,5

Примечание: наша разработка на основе [5].

Как видно из таблицы 2, доходы от внешнеэкономической деятельности государств – членов ЕАЭС имеют положительную динамику роста в период с 2015 по 2018 гг. В период ковидной пандемии в 2019 г. в связи с закрытием границ соседних европейских государств на локдаун, наметилась тенденция снижения доходов от внешнеэкономической деятельности. В целом республиканский бюджет государств – членов ЕАЭС до 40 % пополняется за счет взимания таможенных платежей. В Беларуси таможенные платежи в республиканском бюджете в удельном весе составляют: в 2014 г. –35,7 %, в 2015 г. –38,6 %, в 2016 г. –34,3 %, в 2017 г. – 36,0 %, в 2018 г. –38,8 %, в 2019 г. –38,7 %, в 2020 г. –37,4 % [6].

Выступив в качестве одного из учредителей Евразийского экономического союза, Республика Беларусь ежегодно укрепляет свои позиции. В рамках формирования Единого экономического пространства проводится согласованная макроэкономическая политика, предусматривающая разработку и реализацию совместных действий государств – членов ЕАЭС в целях достижения сбалансированного развития их экономики. В соответствии со статьей 62 Договора о ЕАЭС основные направления согласованной макроэкономической политики включают:

«обеспечение устойчивого развития экономики государств – членов ЕАЭС с использованием интеграционного потенциала Союза и конкурентных преимуществ каждого государства – члена ЕАЭС;

формирование единых принципов функционирования экономики государств – членов ЕАЭС и обеспечение их эффективного взаимодействия;

создание условий для повышения внутренней устойчивости экономики государств – членов ЕАЭС, включая обеспечение макроэкономической стабильности, а также устойчивости к внешнему воздействию;

разработку общих принципов и ориентиров для прогнозирования социально-экономического развития государств – членов ЕАЭС» [1].

Евразийская интеграция выступает в качестве фактора устойчивого развития экономики страны. Подтверждением тому служат экономические показатели, установленные на наднациональном уровне в целях сближения экономик

государств – членов ЕАЭС в соответствии с Договором о ЕАЭС. К таким показателям, подлежащим постоянному мониторингу Евразийской экономической комиссией, относятся:

показатели для определения уровня и динамики развития экономики, включающие: темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) (в процентах); ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (в долл. США); сальдо счета текущих операций платежного баланса (в долл. США и процентах ВВП); индекс реального эффективного обменного курса национальной валюты, рассчитанный на основе индекса потребительских цен (в процентах);

основные макроэкономические показатели, определяющие устойчивость экономического развития, включающие: годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления – не превышает 3 % ВВП; долг сектора государственного управления – не превышает 50 % ВВП; уровень инфляции (индекс потребительских цен) в годовом выражении (декабрь к декабрю предыдущего года, в процентах) – не превышает более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции в государстве – члене ЕАЭС, в котором этот показатель имеет наименьшее значение [1, 7];

показатели степени интеграции: объем национальных инвестиций, направленных в экономику каждого государства – члена ЕАЭС, в том числе прямых инвестиций (в долл. США); объем инвестиций, поступивших в национальную экономику от каждого государства – члена ЕАЭС, в том числе прямых инвестиций (в долл. США); доля каждого государства – члена ЕАЭС в общем объеме экспорта государства – члена ЕАЭС (в процентах); доля каждого государства – члена ЕАЭС в общем объеме импорта государства – члена ЕАЭС (в процентах); доля каждого государства – члена ЕАЭС в общем внешнеторговом обороте государства – члена ЕАЭС (в процентах) [1].

С учетом названных показателей, их составляющих и установленных количественных значений государства – члены ЕАЭС формируют национальную экономическую политику. Достигнутые экономические результаты в Беларуси в условиях евразийской интеграции (2015–2021 гг.) характеризуют следующие показатели евразийской статистики. Если *темпы роста ВВП* в процентах к предыдущему году составляли в 2015 г. – -103,8%, то в 2021 г. – 102,7%. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долл. США достигает: в 2015 г. – 18 390 долл. США, в 2020 г. – 20 170 долл. США, в 2021 г. – 21 467 долл. США. *Сальдо счета текущих операций платежного баланса* (в млн долл. США и процентах к ВВП) характеризуется: в 2015 г. – -1 831 млн долл. США (-3,2%), в 2019 г. – -1 246 млн долл. США (-1,8%), в 2020 г. – -241 млн долл. США (-0,4). *Индекс реального эффективного обменного курса национальной валюты*, рассчитанный на основе индекса потребительских цен в процентах к предыдущему году, равен: в 2015 г. – -103,6%, в 2019 г. – 102,2%, в 2020 г. – 104,9% [8]. *Годовой дефицит/профицит консолидированного бюджета* сектора государственного управления (не превышает 3 % ВВП) в Беларуси соблюдается и составляет: в 2015 г. – 2,3 %, в 2019 г. – 2,5%, в 2020 г. – -1,6 %. Выполнение индикатора о не превышении 50% ВВП *долга сектора гос-*

ударственного управления в стране также соблюдается и составляет: в 2015 г. – 32,6%; в 2020 г. – 38,3%. Индикатор, установленный Договором о ЕАЭС, в размере не более 5 п.п. к уровню инфляции (индекс потребительских цен) в государстве – члене Союза с наименьшим значением определен: в 2015 г. – 104,9%, в 2016 г. – 103,9%, в 2017 г. – 107,5%, в 2018 г. – 105,5%, в 2019 г. – 105,7%, в 2020 г. – 108,7% и в 2021 г. – 112,7%. При указанном годичном индикаторе показатели уровня инфляции в Беларуси составили: в 2015 г. – 112,0%, в 2016 г. – 110,6%, в 2017 г. – 104,6%, в 2018 г. – 105,6%, в 2019 г. – 104,7%, в 2020 г. – 107,4%, в 2021 г. – 110,0% [8].

Наибольшая доля Республики Беларусь содержится в общем объеме экспорта Российской Федерации, составив: в 2015 г. – 39,0%, в 2019 г. – 41,5%, в 2020 г. – 45,2%. Наибольшая доля Республики Беларусь аналогично содержится в общем объеме импорта Российской Федерации, составив: в 2015 г. – 56,6%, в 2019 г. – 55,8%, в 2020 г. – 50,2%. Наибольшая доля Республики Беларусь содержится также в общем внешнеторговом обороте Российской Федерации, составив: в 2015 г. – 51,3%, в 2019 г. – 49,3%, в 2020 г. – 47,9% [8].

Наибольший объем прямых инвестиций Республики Беларусь, направленных в экономику каждого государства – члена ЕАЭС, рассчитанный на нетто – основе (чистой основе) составил в Российскую Федерацию: в 2015 г. – 30,9 млн долл. США, в 2016 г. – 45,2 млн долл. США, в 2019 г. – 56,7 млн долл. США, в 2020 г. – 14,6 млн долл. США. Наибольший объем прямых инвестиций, поступивших в национальную экономику, рассчитанный на нетто – основе (чистой основе), поступил из Российской Федерации: в 2015 г. – 735,1 млн долл. США, в 2019 г. – 452,5 млн долл. США, в 2020 г. – 467,0 млн долл. США [8].

На уровне евразийских институтов осуществляется мониторинг и контроль обозначенных показателей, направленных на устойчивость экономического развития государств – членов ЕАЭС, определение уровня и динамики развития их экономик и углубление евразийской интеграции. Как видно из значений приведенных показателей, развитие экономики Республики Беларусь осуществляется устойчиво с соблюдением установленных индикаторов. Вместе с тем, отраслевые механизмы, установленные Договором о ЕАЭС на данный момент, в основном, находятся в стадии подготовки к запуску. Так, на единой таможенной территории Союза с 1 января 2016 г. функционирует общий рынок лекарственных средств, запуск же общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов предполагается в 2024 г., а формирование общего энергетического рынка, общего транспортного рынка, общего финансового рынка и скоординированной промышленной политики намечено к 2025 г.

Основные направления развития евразийской экономической интеграции, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета №12 от 11 декабря 2020 г. «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [9], должны стать ключевой основой для экономического роста государств – членов ЕАЭС. В этом документе определены меры по завершению формирования общих рынков без барьеров, изъятий и ограничений, выработаны подходы по развитию совместной инновационной и инвестиционной деятельности, намечены ориентиры для создания сов-

местного производства высококонкурентной продукции, опережающего развития экономики государств – членов ЕАЭС посредством формирования цифрового пространства и расширении цифровой инфраструктуры.

Таким образом, для достижения дальнейшего экономического роста государств – членов Евразийского экономического союза необходимо ускорить запуск общих рынков на единой таможенной территории Союза и предпринять меры по выполнению мероприятий, направленных на реализацию Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (вместе с Приложениями 1–33) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021): [подписан в г. Астане 29.05.2014] // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2022.
2. Тарарышкина Л. И. Таможенный союз как основа евразийской интеграции // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь: материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 347–351.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. М.: Проспект, 2018. 512 с.
4. Тарарышкина Л. И. Единое таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе как инструмент обеспечения экономической безопасности // Вестник БГЭУ, научно-практический журнал. № 6 (149). Минск: БГЭУ, 2021. С. 5–14.
5. Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2020 год // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/fin_stat/finstat_2020.pdf/ (дата обращения: 17.04.2022).
6. Аналитические доклады «О состоянии государственных финансов Республики Беларусь» // Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy/analytical_reports/ (дата обращения: 17.04.2022).
7. Методика расчета макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития государств – членов Евразийского экономического союза: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 июня 2013 г. № 144 (в ред. 24.04.2017 г.). [Электронный ресурс] URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol_/monitoring/Documents/Методика%20расчета%202024%2004%2017%20\(3-e%20измен.%20для%20отправки\).pdf/](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol_/monitoring/Documents/Методика%20расчета%202024%2004%2017%20(3-e%20измен.%20для%20отправки).pdf/) (дата обращения: 17.04.2022).
8. Мониторинг экономических показателей государств – членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/monitoring/://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/monitoring/ (дата обращения: 18.04.2022).
9. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: Решение Высшего Евразийского экономического совета, 11 декабря 2020 № 12 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2022.

О РОССИЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ В СИРИИ (2015–2021 ГГ.)

Е. С. Цариков

*Военный факультет Белорусского государственного университета,
ул. Октябрьская, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, etsarikov@gmail.com*

С. Ф. Свилас

*Факультет международных отношений
Белорусского государственного университета,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas0104@gmail.com*

В статье рассматривается информационная кампания России в Сирии. Авторами обоснован тезис о том, что в ходе военного конфликта информационное превосходство становится фактором военной силы. Дана общая характеристика системы информационного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации и ее отдельных элементов. Выделены основные направления и формы деятельности по распространению информационного влияния в регионе, раскрыто их содержание. Рассмотрено взаимодействие российских и локальных средств массовой информации, роль вещания на локальных языках для позитивной оценки присутствия России в Сирии. Авторы подчеркивают, что СМИ двух государств усиливали сообщения друг друга и тем самым повышали свою эффективность, формировали образ России как незаменимого союзника, подчеркивали ценность оказываемой Дамаску военной и дипломатической поддержки. Опыт российской информационной кампании в Сирии свидетельствует, что Москва, наряду с «жесткой силой», прибегает и к «мягкой силе», тем самым практикуя «умную силу». Исследование основано на методологии школы неореализма и междисциплинарном подходе, обладает прикладным значением в сфере информационного противоборства, полезно для понимания критериев успешности информационного воздействия.

Ключевые слова: *Россия; Сирия; военная операция России в Сирии; информационное противоборство; «жесткая сила»; «мягкая сила».*

ABOUT THE RUSSIAN INFORMATION CAMPAIGN IN SYRIA (2015–2021)

E. S. Tsarikov

*Military faculty of Belarusian State University,
4 Oktyabr'skaya Street, 220030, Minsk, Belarus*

S. F. Sivilas

*The Faculty of international relations of Belarusian State University,
20 Leningradskaya Street, Minsk 220030, Belarus*

The article discusses Russia's information campaign in Syria. The authors substantiate the thesis that during a military conflict, information superiority becomes a factor

of military force. A general description of the information support system of the Ministry of Defense of the Russian Federation and its individual elements is given. The main directions and forms of activities for the dissemination of information influence in the region are identified, their content is disclosed. The interaction of Russian and local mass media, the role of broadcasting in local languages for a positive assessment of Russia's presence in Syria are considered. The authors emphasize that the media of the two states strengthened each other's messages and thereby increased their effectiveness, formed the image of Russia as an indispensable ally, and emphasized the value of military and diplomatic support provided to Damascus. The experience of the Russian information campaign in Syria shows that Moscow, along with hard power, also resorts to soft power, thereby practicing smart power. The study is based on the methodology of the school of neorealism and an interdisciplinary approach, has an applied value in the field of information confrontation, and is useful for understanding the criteria for the success of information impact.

Keywords: *Russia; Syria; Russia's military operation in Syria; information confrontation; hard power; soft power.*

В современном мире возрастает значение информационного противоборства, особенно в ходе военного конфликта. Объективность рассмотрения информационных операций повышается на определённом временном удалении от их проведения, что позволяет отобрать и без пристрастия проанализировать документы, отделить информационный шум от реальных событий [1, с. 222]. Военное присутствие России в Сирии началось в сентябре 2015 г., одновременно активизировалась и информационная деятельность Москвы. Подчеркнем, что Сирия имеет предысторию взаимоотношений с Россией, уходящую во времена СССР, влияние которого на регион тоже было сильным.

Сирийская и крымская информационные кампании показывают, что информационные концепции военного противоборства находят своё развитие и в постсоветской России. На заседании коллегии Министерства обороны РФ, 30 марта 2015 г., была анонсирована Концепция деятельности ВС РФ в информационном пространстве. Глава Минобороны С. К. Шойгу заявил: «В настоящее время меняются традиционные взгляды на ведение вооружённой борьбы и процессы руководства военными действиями, на дальнейшее строительство и применение Вооружённых Сил, их техническое и технологическое оснащение. Информационное превосходство и высокий уровень управления войсками становятся факторами военной силы» [1, с. 235].

Публичная работа Министерства обороны России существенно изменилась, сформировалась система информационного обеспечения, подразумевающая массовое освещение деятельности Минобороны. Координатором системы выступает Департамент информации и массовых коммуникаций МО РФ (ДИМК МО РФ) [2]. Эта структура направляла и сопровождала российских и иностранных журналистов в зонах ответственности российской армии, в частности, в САР. Для подготовки журналистов к работе в горячих точках в Москве под эгидой департамента функционировали специализированные курсы «Ба-

стион», на которых под руководством офицеров Минобороны журналисты отработывали правила поведения и безопасности в боевой обстановке. Сотрудники ДИМК осуществляли и операторскую съёмку различных мероприятий Минобороны, которые вызывали общественный резонанс (в частности вылеты российских бомбардировщиков и их работу в Сирии, запуски с крейсеров ракет «Калибр» в ходе проведения сирийской операции). Эти события заранее прорабатывались редакционной группой Минобороны России [2].

Постоянным рефреном в российской печати выступает сравнение сирийской кампании с введением войск в Афганистан. Афганская кампания стала проигрышной для Советского Союза не только в военно-политическом аспекте, но и в информационном [2]. Это пример «информационного провала», что в свое время подтверждали эксперты Управления информации Министерства обороны СССР. Общество не информировалось о действиях армии, исследований и социологических опросов с достаточной степенью достоверности по теме ввода войск и их действий не проводилось, погибших привозили в СССР и хоронили без почестей. Эта ситуация оказала негативное влияние на советское общество, афганскую кампанию называют во многих источниках одной из причин распада Советского Союза.

В Сирии Россия избежала повторения Афганистана не только посредством военно-стратегических мер (использование воздушных сил и ограниченного контингента Сил специальных операций), но и информационных средств (освещение кампании российской армии проводилось открыто, информационная работа велась полноценно и оперативно). В целом, в области информационного сопровождения военной деятельности произошли существенные изменения: в каждом военном округе ВС РФ есть своя пресс-служба, специалисты которой находятся в городах с наибольшей концентрацией СМИ [2].

Поток сведений и материалов из горячих точек не ограничивался официальными сообщениями. Тысячи снимков российских солдат в Сирии публиковали свои фотографии в открытых источниках, а также отправляли родным, регулярно появлялись фотографии бойцов Сил специальных операций. Репортажи, фотографии и материалы о бойцах ССО в Сирии позиционируют эту структуру в качестве одного из самых элитных специальных подразделений не только в ВС РФ, но и среди армий других государств [3; 4]. По качеству оснащения и экипировки, слаженности действий и выучке данное подразделение формировало имидж российской армии в положительном ключе.

Судя по маркировке форменной одежды заметной надписью «Армия России» и изменившейся в целом символике ВС РФ (со времени военной реформы), российская армия стала позиционировать себя и свое вооружение как массовый бренд. Военное ведомство также сотрудничало с производителями игрушек и миниатюр. Российскую армию официально поддерживало ОАО «Звезда», производитель моделей военной техники, в том числе и «сирийских образцов» [5; 6]. Среди продукции «Звезды» набор миниатюр «Вежливые люди», где изображены бойцы российской армии в современном снаряжении на фоне современного броневедомоля «Тигр»; рядом с солдатами помещена фигурка кота [7]. Если такой набор подарить маленькому ребёнку, у него сформируется

положительное мнение о реальных солдатах, а впоследствии и о событиях 2014 г., к которым привязан игрушечный набор. Этот пример важен для понимания, что информационное воздействие может быть незаметным и слагаться из самых мелких и незначительных деталей. Похожее значение имеют уже упомянутые «сирийские» модели российской техники и вооружения.

Подчеркнем, что в освоении поля информационного противоборства Россия является догоняющей страной, технологии работы с информацией стали использоваться Москвой в военных целях не так давно [1, с. 222]. Первенство в освоении информационных технологий, безусловно, закрепилось за странами Запада, но и там российская информационная кампания в Сирии оценивается как удавшаяся. Следует отметить аналитический доклад Центра передового опыта стратегических коммуникаций НАТО в Риге (*NATO Strategic Communications Centre of Excellence*). В данном документе выделены направления деятельности по распространению информационного влияния России в регионе, а также целевые группы, представленные в таблице 1 [8, с. 11].

Таблица 1. Направления деятельности по распространению информационного влияния России и целевые группы.

Действия	Целевая группа
Взаимодействие с элитой	Политическая, военная и бизнес-элита, элита, ранее учившаяся в России, племенные вожди, религиозные деятели.
Развёртывание военной полиции	Мирные жители, проживающие вблизи российских баз, население беспокойных регионов, лидеры вооруженных формирований в случае конфликта.
Гуманитарная помощь	Мирные жители в районах, затронутых недавними конфликтами, и в районах, важных для российского военного присутствия.
Религиозные связи	Религиозные элиты как мусульманские, так и христианские, христианские общины и их элиты.

Нельзя изучить сирийский кейс, не упомянув взаимодействие с локальными СМИ и вещание на локальных языках, прежде всего на арабском, что играло огромную роль в позиционировании российской армии и её участия в войне. То, как российское присутствие в Сирии представлено в проасадовских СМИ как государственных (Сирийское арабское информационное агентство “*Syrian Arab News Agency*”), так и частных («Аль-Ватан», принадлежащая Рами Махлуфу, двоюродному брату сирийского президента Башара Асада), довольно похоже на его интерпретацию в российских арабоязычных изданиях [8, с. 16]. Как сирийские, так и российские СМИ постоянно информировали о российском военном присутствии в Сирии и отношениях между двумя странами. Россия представлялась как ключевой союзник на основе общих интересов борьбы с поддерживаемыми США террористами на сирийской территории. Дамаск приветствовал российское военное присутствие, развернутое в Сирии для поддержки антитеррористических усилий режима Б. Асада.

К освещаемым темам в российских и сирийских СМИ относилась поддержка Сирии на международной арене Россией как постоянным членом Сове-

та Безопасности ООН. Кроме того, в СМИ часто упоминались различные российские инициативы по оказанию гуманитарной помощи и обмену опытом. Таким образом, российские и сирийские СМИ усиливали сообщения друг друга и тем самым повышали свою эффективность [8, с. 17]. Нарративы помогали узаконить присутствие России в стране и сформировать образ незаменимого союзника, подчеркнуть ценность российской военной и дипломатической поддержки страны и ее положительное влияние на Сирию [8, с. 27].

Россия инвестировала в различные формы и уровни информационной деятельности (общие и частнорегиональные). Использовались также менее формальные связи (с военной и бизнес-элитой, элитой племен, христианскими меньшинствами, религиозными авторитетами), в некоторых случаях формируемые за счет предоставления гуманитарной помощи или других видов финансирования, особенно в условиях жестко контролируемой публичной сферы. Отметим также, что локальные методы информационно-разъяснительной работы, практиковавшиеся российской военной полицией, играли важную роль в разрешении локальных конфликтов и интерпретации позиции России как *«решателя проблем»* и *«посредника на переговорах»*. Опыт российской информационной кампании в Сирии свидетельствует, что Москва, наряду с *жесткой силой*, в состоянии продвигать и свою *мягкую силу*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Международная информационная безопасность: Теория и практика. В 3-х т. Т. 1. Учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Крутских. 2-е изд., доп. М.: «Аспект-Пресс», 2021. 384 с.
2. Военная приемка. В битве за информацию. [Электронный ресурс]. Документальный фильм / телеканал «Звезда», Центральная телерадиостудия Министерства обороны Российской Федерации, рук. А. В. Пиманов, вед. А. К. Егоров URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c-mj2HrXGlg> (дата обращения: 16.03.2022).
3. Коц А. Русский спецназ в сирийской пустыне // Комсомольская правда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26649.4/3671915/> (дата обращения: 17.03.2022).
4. Азанов Р. «Укусить» противника и сразу уйти. О боевой работе Сил спецопераций // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/6160810> (дата обращения: 17.03.2022).
5. Современная техника «Тайфун-К» // ОАО «Звезда». [Электронный ресурс]. URL: http://www.zvezda.org.ru/catalog/sbornye_modeli/tekhnika/poslevoennaya_i_sovremennaya_vehicles/rossiyskiy_broneavtomobil_tayfun_k_29402/ (дата обращения: 17.03.2022).
6. Авиация «Су-34» // ОАО «Звезда». [Электронный ресурс]. URL: http://www.zvezda.org.ru/catalog/sbornye_modeli/aviatsiya/poslevoennaya_i_sovremennaya_aviation/su_34/ (дата обращения: 17.03.2022).
7. Миниатюры «Российская современная пехота Вежливые люди» // ОАО «Звезда». [Электронный ресурс]. URL: http://www.zvezda.org.ru/catalog/sbornye_modeli/miniatura/poslevoennaya_i_sovremennaya_figures/rossiyskaya_sovremennaya_pekhot/ (дата обращения: 17.03.2022).
8. Russian civilian outreach and information operations in Syria // NATO Strategic communications centre of excellence. [Electronic resource]. 2021. URL: <https://stratcomcoe.org/pdfjs/?file=/publications/download/Russian-Civilian-Outreach-in-Syria-FOR-PUBLISHING.pdf?zoom=page-fit> (accessed: 16.02.2022).